

Кон Джиён

Наше счастливейшее время

t.me/marketologmanager

Кон Жиён

Наше счастливое время

Ji-Young Gong
Our Happy Time

© 2005, 2010, 2016 by Ji-Young Gong
© Кузина С. В., перевод на русский язык, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Предисловие

На встречах с читателями, как правило, звучит вопрос: «К какому из ваших произведений вы испытываете особую привязанность?» Я всегда вспоминаю, как мой младший ребенок начинает допытывать, кто из них – моих детей – самый красивый, и озадачивает меня таким вопросом. Ведь каждый из написанных романов относится к какому-то особому периоду моей жизни, который больше не повторится, и каждая книга несет в себе единственные в своем роде переживания, воспоминания и достижения.

Но если все-таки придется его назвать, я не смогу не упомянуть роман «Наше счастливое время». Это была пора, когда я ужасно боялась, что после семилетнего перерыва больше не смогу взяться за перо. А еще в глубине души жил страх, который я испытывала по отношению к людям и к жизни. Да-да, этой непостижимой штуке под названием «жизнь», которая наигралась со мной, словно с игрушкой, и швырнула со всего маху о землю за ненадобностью... Однако в мире, с которым я тогда столкнулась, жили люди в тысячу, в десятки тысяч раз несчастнее меня. «Бесчеловечные чудовища», которые по призыву «Убейте их!» вопящей в унисон толпы мгновенно могли оказаться в петле.

При первых встречах с ними единственное, что я могла делать, – это рыдать. Не знаю. Но и затем, оказываясь на свиданиях с ними, я все равно иногда плакала. Будто малый ребенок, моя душа заходила криками: «За что эти страдания?»; «Откуда это зло?»; «Почему мир такой?»; «Человек из-за чего?»; «Почему?!».

Сколько же я пролила слез?! Уже гораздо позднее смертницы признались мне, что даже держали пари, сколько я буду плакать. И вот, пока я четыре-пять лет заливалась слезами, моя жизнь изменилась. В какой-то момент я обнаружила, что стала активистом движения за отмену смертной казни; успех романа и его экранизация немного помогли избавиться от груза, когда-то сломившего меня; а еще мы настолько сблизились со смертницами, что могли делиться самым сокровенным. Однако самая разительная перемена произошла во мне. Благодаря встречам, когда мы вместе плакали, смеялись и делили хлеб,

у меня зародилась твердая вера в человеческую доброту. В то, что в каждом изначально заложено добро. И оно проявляется не внезапно, а только благодаря долгим и упорным усилиям.

В кои-то веки я смогла примириться с собой и Создателем, которого все это время обвиняла в несправедливости, и впервые у меня появилась надежда. Не ленивый оптимизм по поводу будущего и человечества, а именно то, что приходит после принятия страшного наказания и смирения с ним, необходимостью терпения.

Так уж случилось, что корректуру первого я получила в Страстной четверг. И сегодня, когда я пишу эти строки, как ни удивительно, тоже Страстной четверг, в который был схвачен Иисус, знавший о предстоящей смерти. Вчера я получила письмо от одной смертницы – это, верно, тоже совпадение. На последнем свидании я опять не сдержала слёз, и она в ту же ночь написала мне. «Не знаю, имею ли право полагать, что эти слезы только из-за меня. Но, узнав о случившемся со мной, Вы столько выплакали за время наших встреч, что, возвращаясь в камеру, я чувствую себя должником перед Вами... Я выплеснула все накопившееся и вернулась в камеру. А сейчас, в этот поздний час, я мурлычу себе под нос, словно опьяненная благодатью, которой Вы одарили меня днем. Благодарю Вас, сестра Мария!»

Он счастливый человек, раз у него есть друг, плачущий вместе с ним.

Я счастливый человек, раз у меня осталось желание плакать за него.

Время нашего счастья...

Я предлагаю читателям пережить это время вместе.

Ночь Страстного четверга 2010 года

Кон Джиён

Отче! Прости им, ибо не знают, что делают!

*Приговоренный к смертной казни
тридцатитрехлетний Иисус*

Синий блокнот 01

Итак, начну свой рассказ. Рассказ об убийстве. А еще об истории одной семьи, будни которой складывались из криков и воплей, побоев и проклятий, – весь этот хаос не мог не привести к краху. Также это рассказ про меня – жалкого человека, который ни в коем разе не считал себя таковым. В тот день погибли две женщины и одна девушка. Я свято верил, что жизнь одной из них не стоит ломаного гроша, а значит, она достойна смерти. Мне казалось, богатство для нее – то же самое, что жалкий червь, укутанный в шелка. Я думал, в нашем жестоком мире, где не существует справедливости, будет очень даже правильно потратить ее деньги на доброе дело.

Другая женщина ничего за душой не имела, ничего не могла назвать своим. И вот она, у которой всю жизнь отнимали последнее, – умирала. Если бы нашлось три миллиона вон, ее можно было спасти. Однако тогда у меня не было возможности достать столь крупную сумму, и каждый день приближал ее к смерти. И хотя я не знал, существует ли на самом деле Бог, и не помнил, когда в последний раз смотрел на небо, но все же искренне надеялся, что там, на Небесах, меня поймут, и свято верил, что творю справедливость. Ту самую справедливость...

Глава 1

К вечеру снежная морось сменилась дождем. Сизоватая дымка окутала улицы, потяжелевший от влаги горизонт размывал границу между небом и землей. Стрелки часов перевалили за пять. Я накинула пальто и вышла из дома. Машины на стоянке, словно могилы-истуканы, хранили безмолвие, а через дорогу в окнах стали загораться желтые огни, напоминая недосягаемые звезды. Оголенные деревья – они уже давно сбросили последние листья – отделяли многоэтажки недорогого квартала от небоскребов с противоположной стороны, будто заграждение из колючей проволоки. Вместо того чтобы сесть в машину, я застыла, отрешенно глядя наверх. Громады домов неуклюже закрывали белесо-серое небо; в тусклом полумраке высоты напоминали правильный прямоугольник крепости без единого намека на повреждение. Зимняя изморось капала на холодную улицу.

Я забралась в машину. Дождик в свете фар мерещился мелкой ледяной стружкой от пинсу^[1]. В этот сумрачный вечер казалось, что дождевые капли падают лишь в лучах яркого света, струившегося от фонарей и переливчатых огней витрин. Ведь в темноте ничего не видно, и мы совершенно не представляем, что именно на нас капает.

Доктор Ро сообщил по телефону, что тетю Монику вновь госпитализировали в тяжелом состоянии, и на этот раз ситуация практически безнадежная, так что следует приготовиться к худшему. Похоже, мне предстоит расстаться с еще одним человеком. Я завела двигатель, и перед моими глазами вновь всплыло лицо. На фоне очков в черной роговой оправе еще более бледная, будто выцветшая кожа, алые губы, присущие молодости, и маленькая ямочка, которая появлялась лишь на одной щеке, когда он застенчиво улыбался... Если честно, я не хотела о нем вспоминать. Я провела множество бессонных ночей, пытаюсь его забыть. И дней, когда только крепкая выпивка помогала мне отключиться... Были и сизые рассветы, когда я просыпалась от жутких видений и ощущения, что мое горло сжимается от удушья. Я зарывалась лицом в подушку и ждала слез, но время шло, а у меня вырывались лишь нечленораздельные стоны. А когда я подначивала себя: «Ну что же, пусть... я буду помнить... давай,

вспомни, вспомни все, до мельчайших подробностей!» – я пьянела и замертво валилась на диван.

Каждое утро после его смерти моя первая мысль при пробуждении была о том, что мир никогда не станет прежним. Всё снова превратилось в хаос и казалось запутанным, как и до той судьбоносной встречи. Тем не менее после нашего знакомства я поняла, что больше никогда не решусь покинуть этот свет по доброй воле. Для меня это знание стало его прощальным подарком и одновременно наказанием.

В мире много вещей, которые в темноте мы не замечаем, так же, как морось, отчетливо видневшуюся в свете фар. И то, что мы не видим их, не значит, что они не существуют. Благодаря ему я смогла разогнать мрак в своем сердце, и это помогло разобраться, что за темная сущность дышала во мне смертью. Без него я так и не обратила бы внимания на очень многое и жила бы в уверенности, что всюду всепоглощающая тьма, хотя на самом деле это был свет! А в реальности этот свет был таким ярким, что он просто слепил меня. Благодаря Юнсу я осознала: когда мы любим по-настоящему, всем сердцем, то становимся причастны к Божьей Славе. И пускай его больше нет рядом, я благодарна Создателю за это знакомство.

Машина неслась под дождем по темной улице. Дорога была забита хлынувшими со всех сторон автомобилями. Можно было не торопиться. Все куда-то едут, куда-то спешат; ведь неважно куда, но нам обязательно нужно двигаться. Я подумала: знают ли они, куда так спешат? В *тот* год машин почти не было, и даже неоновые вывески будто затаили дыхание. Внезапно в белесоватой от дождя дымке, в смещении облаков и тумана, над мчащимися автомобилями заалело солнце светофора. Все мгновенно затормозили. Я тоже остановилась.

Синий блокнот 02

Ты спросила про мои родные места. А были ли они?

– Если предположить, что родиной называют место, где ты родился, то это Янпхён в провинции Кёнги, – ответил я и ждал следующего вопроса. Однако ты промолчала. – Это был бедный поселок, – добавил

я. – За перевалом – водохранилище, в нашем доме всегда было холодно... – Больше ничего ответить не мог.

– Все нормально. Если не хочешь, можешь не говорить... – произнесла ты.

Не то чтобы я не хотел, просто не мог. Когда я предавался воспоминаниям, рот, казалось, забивался черным сгустком крови. С моим младшим братом Ынсу мы часто грелись на солнышке у водохранилища. Как-то раз соседка отхлестала брата за то, что он пронес мимо рта несколько рисинок, когда его угостили ужином. В отместку я, вооружившись жердью от чиге^[2] и уловив момент, когда взрослые были на работе, побил соседских детей так, что у них кровь носом пошла. С тех пор мы всегда были одни. Иногда от сердобольных людей нам перепал замёрзший ком риса, и мы, боясь разбудить заснувшего после попойки отца, забирались в чужой сарай и там вгрызались в ледяную еду. А на водохранилище ярко светило солнце, и, если нам везло, мы разживались рамёном^[3] у городских из Сеула, которые приезжали порыбачить. В самые удачные дни мы бегали за папиросами до лавки в пяти ли^[4] от водохранилища и в награду получали несколько монеток. Только спустя годы я осознал, что мы всё то время ждали нашу мать, ушедшую из дома. И пускай она запомнилась нам вся в синяках, с опухшим от побоев лицом, я понял, что мы ждали ее любую. Лишь бы она вернулась и убила отца, спасла нас от монстра, который вновь и вновь после пьянки засыпал в ледяной комнате, а проснувшись, хватался за розги. В общем, первое мое воспоминание было связано с желанием убийства. А еще – с чувством ожидания, что где-то далеко есть мама. Пускай тогда мы не знали, чего именно ждем, это чувство сопровождало все наше детство. Тогда мне было лет семь, наверное...

Глава 2

В нашем семействе мы с тетей Моникой были чужими, будто бы отщепенцами. Или приبلудными... И хотя разница у нас почти в сорок лет, мы во многом походили друг на друга, словно близнецы. В детстве мать часто говорила: «Надо же, ну вылитая тетя!» И это, очевидно, не было похвалой. Как бы ни был мал ребенок, он понимает, положительно или отрицательно упоминают кого бы то ни было. Мне было неясно, почему мать недолюбливала тетю, ведь они были достаточно близки. Вот и вопрос, что возникло первым: моя враждебность к матери или решение во всем походить на тетю...

Я отличалась недюжинным упрямством и накаляла домашнюю атмосферу. Само собой, меня избегали, я же в ответ обрушивала на всех ругательства и колкости, пытаюсь «расцарапать» умиротворенные физиономии родни, чем приводила их в полнейшее замешательство, а затем, словно жалея о поступке, начинала дико хохотать. Однако смех был не от чувства триумфа, которое испытывают первооткрыватели, попав на неосвоенную землю. Он больше напоминал открытие застарелой раны, которая, если задеть, тотчас обнажится, или же язвы, которая вроде бы не болит, но без конца кровит. Можно сравнить это с печальной песней солдат, поднявших мятеж, но по злой иронии судьбы разбитых в пух и прах.

Хотя отличий у нас с тетей тоже немало. Она больше молится за наших родных и никогда не пользуется их материальной помощью в своих интересах.

Я же была самой настоящей оторвой. Я жила для себя и под предлогом любви или дружбы подпускала людей, но не ради них, а ради самой себя... И так, живя в свое удовольствие, я и умереть хотела только лишь ради себя любимой! Я была поклонницей удовольствий и даже не догадывалась, что потеряла себя, стала рабом эмоций, под влиянием которых с завидным постоянством набрасывалась с пинками на крепкие стены нашей сплоченной семьи. Напиваясь, плясала всю ночь напролет и горланила песни. Я не замечала, что подобное времяпровождение день за днем разрушало меня, но даже если бы обратила внимание, то не захотела бы остановиться. Я жаждала

саморазрушения. Жаждала, чтобы весь мир крутился вокруг меня. Я напивалась до чертиков, поскольку не знала, кто я и чего хочу на самом деле. Я никогда не произносила этого вслух, но, наверное, если бы к моему сердцу тогда приставили стетоскоп, оттуда послышалось бы: «Ну почему солнце не крутится вокруг меня?! Почему вы не рядом, когда мне одиноко? Почему сволочи, которых я ненавижу, победно шагают по этой жизни?! Отчего этот мир издевается надо мной, не желая поспособствовать моему счастью!?!»

Синий блокнот 03

Когда я пошел в школу, мой младший брат Ынсу начал каждое утро ходить туда за мной. Внутрь он зайти не мог, поэтому сидел на корточках на углу у школьной ограды и ждал, когда закончатся уроки. Ынсу не был похож на меня. Я, если кто-то пытался меня обидеть, бросался за ним, впивался зубами в руку, но, когда на него налетали мальчишки, он не хватался за первую попавшуюся палку, чтобы дать противникам достойный отпор. Участь Ынсу, как и судьба нашей горемычной матери, состояла в том, чтобы безропотно, давясь слезами, сносить побои, воспринимая их как неизбежность. Выбегая из школы после уроков, я видел, как он сидит под изгородью, скорчившись и трясясь, с посиневшими от холода губами. Иногда я заставлял его перепачканным кровью из разбитого носа, а бывало, в слезах, с голой пиписькой, так как ребята раздели брата догола, отняв всю его одежду.

Когда в школе я получал свой обеденный паек, я не съедал его до последней крошки, как это делали остальные, а лишь сглатывал слюну, ведь булочка из кукурузной муки была для нас единственной едой за весь день.

Позднее я часто задумывался: а любил ли я по-настоящему своего маленького Ынсу? До сих пор не знаю. Единственное, чего мне хотелось, – чтобы он был счастлив. Сейчас то время, когда мы шли с ним домой и отщипывали по кусочку от одной кукурузной булочки, кажется мне самым счастливым периодом в нашей жизни.

В тот день шел дождь. Наступила весна, но погода была промозглая: чистое с утра небо вдруг потемнело, резко обрушился сильный ливень. Я не слушал учителя и смотрел в окно – Ынсу негде было укрыться от

дождя. Мне то и дело виделось, как он, словно забытый в пустом гнезде голубок, сидит под беспощадными струями воды с опухшими от слез глазами... Поэтому, едва закончился первый урок, я опрометью бросился к воротам школы. Ынсу увидел, что я вышел гораздо раньше положенного, и широко заулыбался. Дождь хлестал его по лицу, а он чуть ли не прыгал от радости. Я же пришел в ярость. Естественно, ни у кого из нас не было зонта, и моя одежда тоже начала промокать.

– Иди домой!

– Не пойду...

– Я сказал, иди домой!

– Не пойду!

У меня на душе скребли кошки – приходилось отправлять брата домой, где пьяный отец, проснувшись, начнет колошматить его первым, что попадет под руку...

Однако ливень был слишком сильным, и я схватил упирающегося Ынсу за шиворот и поволок в сторону дома. На развилке оставил его и повернул в школу, однако он потащился следом. Я снова схватил его и потащил обратно, после чего бегом бросился к школе, но брат неотступно ходил за мной. Я подскочил и ринулся на него с кулаками. Ынсу же, дурачок, упавший с планеты «смирение», где не ведают, что такое неповиновение, с покорностью сносил мои удары, крепко сжимая в ручонках полу моей рубахи. Я же словно сорвался с цепи и колотил его куда ни попадя. Кровь из разбитого носа смешалась с дождевой водой и пропитала мою одежду.

– Слушай меня внимательно! Если ты сейчас же не пойдешь домой, то я оставлю тебя одного и убегу! Иди и не возвращайся!

После этих слов ревуший Ынсу мгновенно умолк. Бессильно отпустил мою рубаху. Сказанное для него было хуже объявления смертного приговора. Он с упреком взглянул на меня и повернул к дому. Это был последний раз, когда мы смотрели друг другу в глаза; когда Ынсу мог четко видеть мой силуэт.

Глава 3

Начну свой рассказ с начала зимы 1996 года.

Тогда я лежала в больничной палате. Меня обнаружили после того, как я пыталась покончить с собой, добавив в виски смертельную дозу снотворного. Называли меня пациенткой с неудавшейся попыткой суицида. Когда я открыла глаза, за окном шел дождь. Листья, еще оставшиеся на платане за больничным окном, с шелестом падали на землю. Небо хмурилось, поэтому невозможно было определить, который час. Мне вспомнились слова дяди: «Выплакаться бы тебе...»

Он сильно постарел. В иной раз я бы поддела его: «Что это с вашей головой, волосы на макушке поредели до безобразия... как у старого деда!» И спросила: «Покурить-то можно, раз живая осталась?» – после чего расхохоталась бы прямо в его растерянное лицо. При посещении, увидев, что я не собираюсь отвечать на вопросы, он пристыдил меня: «Мать еще не оправилась, а ты такое вытворяешь?!» Что с него возьмешь... Он ведь всегда был правильным – настоящий пример для подражания. «Вы и вправду так переживаете за маму? Так сильно ее любите, что беспокоитесь?» – спросила я, и только после этого он произнес с улыбкой:

– Выплакаться бы тебе...

В улыбке его на самом деле сквозила печаль, а на лице читалась невыразимая жалость. Меня это злило.

Кто-то постучал в дверь палаты. Я не ответила.

Несколько дней назад меня навещала мать – прошел месяц после ее операции по удалению раковой опухоли. А я устроила погром и расколотила капельницу, после чего из родственников ко мне никто не приходил. Не вызывало сомнений, что для родни, как и раньше, я представляла угрозу гораздо серьезнее, чем сантиметровая опухоль в груди матери. На меня же жизнь, за которую она так судорожно цеплялась, навела лишь скуку. Ни одна из нас никогда глубоко не задумывалась, было ли у нее достойное существование, но я истошно тогда завопила прямо ей в лицо: «Ты жить хочешь, а я – умереть!» Оправдывает меня лишь то, что мать успела уже бросить набившие оскомину слова: «И зачем только тебя родила!» Если бы не это, я бы не

стала устраивать такое... А больше всего во всей ситуации бесило, насколько мы с ней похожи!

Решив, что пришла безотказная жена младшего брата и, как всегда, принесла что-то вроде каши из морских ушек или другую снедь, я прикрыла глаза. Дверь отворилась, в палату вошли... Как-то непохоже на младшую сноху... В прошлом актриса, она окликнула бы меня своим чуть гнусавым голосом: «Милая! Не спишь?» Как будто задолжав семейству Мунов, она считала себя обязанной братья за самые неприятные дела нашего дома. Поэтому без лишних разговоров она стала бы освобождать мусорную корзину или загромыхала бы вазой на подоконнике, меняя цветы на свежие... Однако было тихо. Я поняла, что пришла тетя Моника. По запаху... что же это был за запах? В детстве, когда она приходила в гости, я зарывалась лицом в подол ее черного монашеского одеяния и вдыхала необычный аромат. Тетя спрашивала: «Что? От меня, наверно, карболкой пахнет?» «Не-а, это не карболка... От тебя пахнет монастырем... свечками...» – так, кажется, отвечала я. Поговаривали, что тетя, поработав после окончания мединститута медсестрой в университетской больнице, в один прекрасный день все бросила и ушла в монастырь...

Я чуть приоткрыла веки, сделав вид, что проснулась. Тетя села рядышком с постелью и молча оглядела меня. С тех пор как мы виделись в последний раз, прошло почти десять лет: это было перед тем, как я уехала учиться во Францию. В тот день я пела на сцене (по словам матери, бесстыдно трясла задницей в короткой юбке), а тетя на минутку забежала за кулисы в примерную.

Из-под черного одеяния выбивались поседевшие пряди, сидела она прямо, расправив плечи, однако все равно слегка сутулилась – так выглядит стойкая старость. Хотя обычно по внешнему виду возраст монахини определить трудно. На мгновение я задумалась о человеческой печальной участи: нам суждено жить, стареть и умирать. Во взгляде тети, устремленном на меня, читалась необъяснимая усталость. В ее маленьких, утопающих в морщинках глазах виделось то ли беспокойство, то ли материнская теплота, которой меня ни разу не одарила настоящая мать. А еще было нечто неизменное – по крайней мере с тех пор, как я ее знаю, – напоминавшее взгляд, которым мать одаривает только что рожденного ребенка, сочетающий в себе любопытство и какое-то безграничное умиление.

– Сильно постарела? – спросила я, улыбнувшись, ведь тетя продолжала хранить молчание.

– Мне кажется, не настолько, чтобы умирать...

– А я и не собиралась, говорю же, не хотела я сводить счеты с жизнью... Просто никак не могла уснуть, хотя выпила. Вот и приняла снотворное, только и всего... До того опьянела, что не рассчитала количество таблеток, поэтому просто закинула, сколько влезло в горсть, – так и заварилась вся эта каша... В прошлый раз мать возмущалась, что я ей порчу кровь своими выходками, что ежели собралась умирать, так нечего устраивать спектаклей. Поэтому сейчас я чувствую себя в роли трудного подростка с неудачной попыткой самоубийства... Ты же знаешь, в нашем доме слово матери – закон: если она втемяшила себе что-то, так тому и быть... Как это все достало! Для нее я всегда была дефектной, пусть мне и за тридцать перевалило...

Я не собиралась говорить ничего подобного, но слова сами вылетели мгновенно. Встретив тетю спустя столько лет, я, как малое дитя, захотела поплакаться ей в жилетку. Она же, словно понимая, что со мной происходит, поправила одеяло и взяла за руку, будто маленькую девочку. Я почувствовала трепет, который испытывает взрослый человек, когда с ним возятся, как с ребенком. От прикосновения маленькой и жесткой ладони тети по всему телу разливалось тепло. Давно же я не ощущала человеческого тепла...

– Правда, тетя! У меня нет сил умирать. Ты же знаешь, какой я человек... нет ни сильного желания, ни смелости для такого... Поэтому прошу тебя, ради бога, не говори – раз я так стремлюсь к смерти, то лучше бы стремилась к жизни или посещениям храма... И не молись за меня! Для Бога я тоже лишняя головная боль.

Она хотела возразить, но промолчала. Скорее всего, мать ей пожаловалась: «Ты только посмотри на эту Юджон! Уже и дату помолвки назначили, а теперь она заявляет, что свадьбы не будет... По словам сына, его знакомый с отличием закончил юридический институт, чем не кандидатура! Не урод, выглядит солидно и человек вроде неплохой, образованный... Разве что происхождение не то, так и ей уже за тридцать, где она в свои годы такого жениха найдет?! Ты уж сходи к ней! Она всегда лишь к тебе и прислушивалась... У меня уже никаких нервов не хватает. Прямо не верится, что это я ее родила...

Отец все скакал над ней, надышаться не мог, мол, единственная дочка, вот и испортил напрочь... Оба старших сына закончили престижные университеты, а она подалась невесть куда... В семье все хорошо учились, а она не пойми в кого уродилась...» Сто к одному, что именно так мать плакалась тете...

– Это совсем не связано с тем человеком... Я с самого начала не хотела свадьбы. И он, скорее всего, тоже... Найдет другую, с положением и деньгами... Там наверняка невесты помоложе да побогаче в очередь выстроились. Он сам обмолвился, что свахи не оставляют его в покое.

Тетя продолжала хранить молчание. От резкого порыва ветра задребезжали оконные стекла – видно, погода не на шутку разыгралась. Листья платана за окном продолжали, шелестя, падать на землю. Я подумала, как было бы хорошо, если бы человек, как и дерево, раз в году засыпал мертвым сном, а потом пробуждался. Как было бы здорово начинать все заново, выпуская первые нежно-зеленые листочки и нежно-розовые цветы!

– Знаешь, ко мне приходила женщина, с которой он сожительствовал три года. Рассказала, что два раза делала аборт... Ты же представляешь, как это обычно бывает?.. Подкидывала ему деньги на карманные расходы, книги покупала, готовила... А потом, в день сдачи юридического госэкзамена, за вкусным ужином из свиных ребрышек, видимо, собралась с духом и решила расставить все точки над «и»... А этот засранец возьми да и откажись, соблазнил на более лакомый кусочек – младшую сестру главного прокурора. Наверняка и на наследство мое рассчитывал... Раскатал губу на авторитет нашего семейства, в котором все как один оканчиваются на – *ор*: «доктОР», «прокурОР», «профессОР». Тетя! Ты же знаешь, что я больше всего ненавижу... Эту всю банальщину! Если бы этот засранец бросил свою страсть не по таким избитым причинам и собрался жениться на мне не со столь прозаическими целями – я бы, видит бог, закрыла глаза и пошла до конца... Честное слово! Однако слишком меня взбесило то, что он опустился до такой пошлости... Ты, тетя, должна поверить, поскольку я об этом никому не говорила. Ни мать, ни братья, ни остальная родня – никто не знает! Они думают, это моя очередная придурь... Ну и пусть... Лишний раз не будем мозолить глаза друг другу.

Тогда я не понимала, почему в больничной палате говорила это тете. И не осознавала, почему не сообщила родне настоящую причину расторжения помолвки.

«Мисс Мун Юджон? Мне бы хотелось с вами встретиться...» – послышался в трубке дрожащий женский голос...

У нее было симпатичное лицо, однако кожа на руках, сжимавших кофейную чашку, была на удивление загрубевшей и словно не соответствовала ей, как будто эти части тела служили двум разным людям. Мягкие черты лица и выразительные глаза производили приятное впечатление, но чересчур белая кожа добавляла ей мертвенной бледности.

– Он был для меня всем...

Как только она произнесла это, все в моей душе замерло... Как один человек другому, более того, женщина о мужчине, может заявить, что кто-то является для нее всем?! Как можно признаться так открыто и решительно тому, кого впервые видишь?! Не осознавая, я почувствовала к ней ревность, но не из-за мужчины, а ту, которую испытывала ко всем, у кого были твердые убеждения и кто был уверен в своей правоте. Как я могу поставить на карту жизнь, если даже такое выглядит наивно, смешно и может закончиться трагикомедией?! Я не встречала человека, ради которого могла бы пойти на все...

Видно было, что ей нелегко дались эти слова, но она не плакала. Наверное потому, что все еще не могла смириться со сложившимся положением и до сих пор тешила себя глупой надеждой. Я почувствовала, что, осозная она, насколько ее ожидания нелепы, да и, по правде говоря, не имеют оснований, она бы не просто упала духом, она, скорее всего, рассталась бы с жизнью... В ее глазах читалась непоколебимая решимость идти до конца.

Рассказав сейчас об этой встрече тете, я задумалась, почему же скрыла все от домашних...

Писанным красавцем назвать его было нельзя. Рост тоже невысок. У него был квадратный подбородок, а неровный цвет лица говорил, что его детство не было таким уж беззаботным. Никаких возвышенных чувств я к нему не испытывала, да и не ожидала от этой встречи хоть какого-то трепета. Я была уже достаточно взрослой и понимала: брак – сделка, если ты решилась на свадьбу, а не на романтические гуляния под луной.

– У вас было много девушек? – спросила я.

Брат познакомил нас, и мы договорились встретиться на первом свидании.

Он слегка склонил голову и застенчиво улыбнулся. Я тогда почувствовала легкое удовлетворение, словно в мое единоличное пользование попала никем не тронутая земля. Для меня не было загадкой, почему мужчины стремятся встретить девственницу, поэтому сделала вид, что меня все устраивает. А еще я знала, что, если бы я повелась на это и вышла замуж за такого подающего надежды дурачка, который ничем, кроме учебы, не интересовался, мои родные больше не копались бы в моем прошлом и вручили бы пропуск с позолоченной печатью и право на подданство в их королевстве, которое они так скрупулезно строили. Подобный результат меня вполне устраивал. Вот такой у меня был расчет. Видно, и мне не чуждо банальное мышление – с его жаждой удовольствий, распушенностью, вседозволенностью и желанием пуститься во все тяжкие...

– Один раз довелось испытать любовь на расстоянии. После двух свиданий я ей, видимо, наскучил. Впоследствии из-за экзаменов было не до того... Я считаю очень важным подходить ко всему ответственно... Думаю, мужчина для начала должен крепко встать на ноги, чтобы прокормить семью. Мне кажется, что и женитьба, и любовь должны быть после того, как обретишь самостоятельность...

Он не скрывал желания произвести приятное впечатление. Признаюсь, это казалось даже милым.

– По-вашему выходит, хотя вам и перевалило за тридцать, сейчас вы впервые пойдете на свидание, впервые будете целоваться и впервые поведете меня в отель? Ну и мастак же вы лапшу на уши вешать... – поддела я, прыснув от смеха.

Он был ошарашен, словно ни разу в жизни не встречал таких как я. Одновременно в его взгляде можно было прочесть интерес и даже симпатию к столь нахальным особам. Такие эмоции обычно испытываешь к совершенно незнакомому, диковинному, но приятному объекту. Однако к интересу примешивалась и тоска – рано или поздно придется отпустить дивную красотку. Ведь именно так обычно происходит, когда загорелый, стриженный под ежик деревенщина в растянутой майке встречается с не ведающей смущения дерзкой сеульской гордячкой в туфлях с черным бантиком и белых кружевных носках. Скорее всего, это было недалеко от истины...

Тогда я действительно раздумывала о том, чтобы попробовать встать – хотя бы одной ногой – на дорогу его жизни. У меня возник соблазн использовать его в качестве крепкой опоры, которая положит конец моему сумасбродству. Как будто после слякотного двора снять грязные ботинки и, наступив на гладкий и ровный камень, одним махом вскочить на блестящий, чистый и сухой деревянный настил мару^[5]. На что-то крепкое и надежное, как стрела, у которой есть верная цель... Признаться, все это манило, мне хотелось равновесия... Однако его улыбка выглядела чересчур робко. В глубине души я заподозрила притворство, но мне все равно хотелось верить его словам. Хотя нет, скорее всего, не так... Вероятно, я так хотела поверить, что изо всех сил *пыталась убедить* себя: «Ну давай же, в последний раз, в самый последний раз попробуй довериться...» Сказать по правде, я не была столь консервативна, чтобы считать проблемой его прошлые похождения, к тому же его «послужной список» никак не мог нанести мне ущерба, ведь вряд ли меня можно было назвать чистой и непорочной. Во время учебы во Франции у меня была связь с несколькими парнями, с каждым чуть более месяца. Так что я не имела ни малейшего повода корить его за то, что он бросил свою подругу, чьи разбитые костяшки на загрубелых руках совсем не гармонировали с ее лицом. Нет его вины и в том, что он собирается жениться на девушке, учившейся за границей так называемому искусству, по возвращении открывшей благодаря маминым связям персональную выставку и получившей место штатного преподавателя в одном из сеульских университетов, который финансировало наше семейство. На мой взгляд, его поведение нельзя было назвать странным или

аморальным. В моем окружении все относились к браку подобным образом. Однако я не могла выйти за него.

Я в очередной раз убедилась в том, что не смогу пойти на этот шаг. Так же, как это было и с первым мужчиной, который наверняка запомнил меня рыдающей среди людского потока на перекрестке и кричавшей: «Уходи! Уходи и больше не появляйся в моей жизни!» Вместо: «Я так тебя люблю! Люблю больше всего на свете!»

Из-за разочарования, что опять не смогу заполучить подданство в королевстве, созданном моей семьей, я вновь стала напиваться до чертиков. Но не из-за той женщины. У несчастья всегда есть причина, а печаль возникает из-за несправедливости. Улицы переполнены несчастными людьми, бедными жертвами, и чья-то жалкая доля говорит лишь о том, что справедливость обошла его стороной. Если бы та женщина убила себя из-за его предательства – это всего лишь ее проблемы...

Если задуматься, обе мы мыслили весьма банально: нас объединяло желание встать на ноги, опираясь не на себя, а на мужчину.

– Я знаю... наша Юджон не та, кто умрет из-за ерунды, – сказала тетя и пригладила мне волосы.

– Тетя!..

– Что?

– Где ты так долго пропадала? После возвращения в Корею я несколько раз звонила в монастырь и никак не могла тебя застать.

– Да уж... Забегалась совсем... Прости. В качестве оправдания могу сказать: я думала, раз тебе перевалило за тридцать, то ты уже достаточно взрослая...

После ее извинений на душе заскребли кошки, ведь ей совершенно не за что было оправдываться. Напротив, это мне должно быть стыдно. За то, что даже после тридцати я все еще не взялась за ум. Однако, как всегда, я не могла это произнести. Слова вроде «прости», «спасибо» и «люблю» не могли слететь с моих губ в тот момент, когда они были жизненно необходимы; я бросала их только с сарказмом...

– Как ты постарела... До модели тебе, правда, и раньше было далеко, но прежде кожа на лице была упругой, а сейчас вся в

морщинках... Совсем старушка.

Она засмеялась.

– С годами все стареют. На этом свете ничто не вечно... Когда-нибудь все мы... Умрем, – договорила она после значительной паузы, словно слово далось с трудом. – Так что не стоит торопиться... – сказала тетя Моника, вставая. После чего подошла к холодильнику, достала сок и выпила его. Видимо, ее мучила жажда – она опустошила всю баночку, вздохнула и посмотрела в окно. Я перевела взгляд: за стеклом перед моей кроватью виднелись беснующиеся на ветру ветви платана. «Ну давай же, сбрось! Сбрось их! Пусть летят на все четыре стороны...» – пронеслось в моей голове.

– Тетя... Я и не думала умирать! Просто было тоскливо и монотонно. Так все достало... Казалось, каждый новый день – лишь продолжение череды серых будней в унылом и пошлом мире. Вот так проживаешь бессмысленную вереницу дней, а потом, в итоге, как ты и сказала, умираешь. Мне хотелось всю свою жизнь выбросить на помойку! И крикнуть на весь свет: «Да, я – мусор! Я – неудачница! И абсолютно безнадежна!..»

Она пристально взглянула на меня. Как ни странно, я не разглядела никаких эмоций. Если честно, я всегда испытывала благоговейный страх перед таким отстраненным взглядом, и, как это обычно бывает, именно в этом страхе коренилось мое уважение к ней.

– Юджон! Послушай! Ты любила этого... как там... прокурора Кана? – осторожно спросила тетя.

Я прыснула.

– Этого деревенщину?

– Все же тебя это задело за живое...

Я промолчала.

– Может, ты передумаешь?

– Нет, я не смогла его простить... И еще, знаешь, я поняла, что это была не любовь. Ведь если любишь, сердце саднит от боли... А у меня не болело. Если любишь, желаешь счастья, пусть даже с другой... Однако я не испытывала ничего подобного. Не он был мне противен, но я себе, поскольку легко повелась на лживые декорации и доверилась... Мне было противно, что после пятнадцати лет бунтарства я вдруг захотела стать как все – как мои братья с их

женами... И самое главное, мне было противно, потому что мое нежелание походить на других в конце концов меня подвело.

Тетя покачала головой.

– Раз так, ладно... Теперь послушай меня! Я виделась с твоим дядей. Он сказал, что это уже твоя третья попытка самоубийства... И что хорошо бы тебе месяц полежать в больнице, но я захотела сама все уладить. Твой дядя колебался, но согласился, убедившись, что я настроена столь серьезно. Правилами это не разрешено, однако он пошел на риск из доверия ко мне... Так что выбирай: будешь лежать здесь целый месяц, чтобы подлечить нервы, или поможешь мне в одном деле?

По ее тону я поняла, что разговор серьезный. И хотя здесь, в больничной палате племянницы, приходившей в себя после неудавшейся попытки суицида, моей семидесятилетней тете-монахине было совсем не до смеха, я фыркнула. Это был мой излюбленный прием выхода из затруднительного положения. Однако, вспомнив, как строго она упомянула мою третью попытку, я не могла не признать, что являюсь жертвой стереотипного поведения. Захотелось курить...

– Какой толк от такой непутевой женщины, как я? Люблю выпить, покурить и не прочь посквернословить... Чем порчу радужное настроение... Вот и все, на что я способна.

Тетя, будучи в курсе моих подвигов, на это заметила:

– Есть один мужчина, который желает с тобой встретиться. Он хочет услышать твою песню.

– Тетя! Эй! Сестра Моника! Я надеюсь, ты не собираешься погнать меня на ночную сцену?! Или в монастыре не хватает средств, и теперь решили воспользоваться услугами давно забытой певички и открыть кафе?..

Я театрально рассмеялась. Хоть и знала, что перегибаю палку, но привычка злорадствовать слишком во мне укоренилась. Будь я мастером перевоплощения, этот спектакль вполне мог обмануть доверчивого зрителя, которому игра показалась бы довольно естественной. Прежде тетя, пускай и была шокирована таким поведением, все же подыгрывала мне, но не сейчас.

– Один человек хочет услышать гимн, который ты пела, – медленно и с расстановкой проговорила она.

– Чего-чего? Гимн, говоришь?!

– Да, гимн.

Я усмехнулась. Идея звучала заманчиво...

Синий блокнот 04

Когда я пришел из школы, отец сидел и пожевывал рамен рядом со спящим Ынсу. Приглядевшись к брату, который лежал в углу среди кучи пустых бутылок из-под соджу, я заметил, что он весь горит. Я попытался разбудить его, но услышал лишь стон.

– Отец! Ынсу заболел. У него все тело горит.

Вместо ответа отец налил соджу^[6] в железную кружку, выпил все залпом и уставился на меня налитыми кровью глазами.

Сейчас я думаю, что уже тогда его нельзя было назвать живым человеком... Ему было чуть больше тридцати лет... С самого рождения я не мог смотреть на него без ужаса и содрогания, однако, живя в аду, успел усвоить дьявольскую науку уловок и ухищрений.

– Я куплю соджу. У вас же закончилась... там, в лавке...

Человек, напоминающий скорее дикого зверя, громко отрыгнул и извлек бумажку в пятьсот вон из кармана штанов, засаленных от пота и мочи. Я помчался что было сил. Лишь одна мысль крутилась в голове – купить лекарство от простуды в маленькой бутылочке, которое пила мама. Ливень успел закончиться, и весь мир засиял весенними красками. Даже сейчас я не знаю, почему та нежно-зеленая, молодая листва так запала мне в душу. И теперь, спустя много лет, меня охватывает беспричинная тоска от вида невообразимых оттенков зелени, покрывавших горы весной. Сажавшие рисовую рассаду сельчане провожали меня безучастными взглядами. Я купил на все деньги лекарство от простуды для Ынсу и вернулся домой.

Когда отец увидел бутылку, в его взгляде сверкнула молния. Он вырвал из моих рук лекарство и бросился с кулаками. Кастрюля из-под лапши полетела на пол, а я, после того как он швырнул меня, схватив своими крепкими руками, – на мару. Если бы не Ынсу, я бы сбежал, как мать. Не знаю, где на этом свете я смог бы скрыться, но я сбежал бы. Каждый раз, когда опускались его кулачищи, у меня, казалось, из глаз сыпались искры. В конце концов я потерял сознание. А очнувшись, увидел, что соседская тетушка кормит Ынсу бульоном из

соевой пасты. Она сказала, что дала брату целебное снадобье, приготовленное стариком из окрестной деревни. Пьяный отец спал мертвецким сном, а несколько соседей-односельчан вполголоса беспокойно переговаривались на мару.

Ынсу спал в убранной комнате под одеялом. Щеки его горели, а сквозь алые губы вырывались какие-то звуки. Я не желал слышать это, потому что тоже хотел позвать маму, хотел выпытать, почему она ушла, бросила нас одних. Миновало несколько ночей. Где-то на третий день я собирался в школу и подошел посмотреть, как Ынсу – температура спала. Его черные кудри взмокли от пота и прилипли к бледному лбу. Чуть погодя он открыл глаза и сказал:

– Брат! В доме полно дыма... все в дыму...

С тех пор Ынсу перестал видеть, его глаза могли различать лишь тусклый свет. Мой брат ослеп.

Глава 4

Я издалека увидела силуэт тети Моники – она выглядела сердито. Я опоздала почти на тридцать минут. Подъехав ко входу станции метро «Администрация Квачхона», я припарковалась, и тетя, держа в руках огромный узел, села в машину. День был промозглый, от ее черного одеяния повеяло холодом, как это бывает, когда приоткрываешь дверцу холодильника. Губы были синими.

– Да все из-за одежды... не знала, что лучше. Даже не предполагала, что придется побывать в тюрьме, а то прикупила бы какое-нибудь монашеское платье... Вот и опоздала, перебирая наряды... Я ж говорю, надо тебе разжиться мобильником... Сейчас и у буддийских, и у католических монахов даже машины есть... и тебе бы не помешало! – Я тараторила оправдательную речь. Тетя молчала. – Я подозревала, что так получится, поэтому предлагала забрать тебя из монастыря, но ты же сама заупрямилась... – Каждый раз, чувствуя себя виноватой, я пыталась переложить ответственность на других.

– Они всю неделю, считая дни, ждут меня! Им не разрешены другие личные встречи. А из-за тебя такие драгоценные тридцать минут пропали даром! Может, тебе...

Тетя замолчала в порыве гнева. Потом сглотнула и с расстановкой договорила:

– Те тридцать минут, что тебе не жалко выбросить на помойку, для них могут стать последними. Они проживают сегодняшний день, не зная, наступит ли завтра!.. Ты можешь это понять или нет?!

В негромком голосе чувствовались непоколебимость и надрыв. Слова о тридцати минутах, которые не жалко выбросить, покоробили меня. Хоть я и заявляла при каждом удобном случае, что живу напрасно, услышать это от другого человека было неприятно. Но, раз уж я опоздала, ничего не оставалось, как проглотить обиду. В любом случае сегодня первый раз, когда я поехала вместе с тетей. И не очень-то он задался. Выражение про помойку было моим, но тетя бросила его, скопировав мои интонации, и впервые сделала это настолько резко. Видно, годы берут свое, попыталась я себя успокоить.

Еще до отъезда во Францию я узнала, что ставшая монахиней тетя навещает заключенных. Это случилось, когда после маминого звонка с жалобами на нестерпимые головные боли по утрам к нам приехал старший брат – доктор по образованию. «А про тетю написали в статье!» – воскликнул он, разворачивая принесенную с собой газету. Если бы не он, мы бы и не узнали, что она прославилась настолько, чтобы про нее писали в газетах. Мать по обыкновению, в качестве утреннего приветствия, накричала на прислугу и уселась за стол. Брат продолжил: «Она, похоже, навещает приговоренных к смертной казни!» На что мать молниеносно отреагировала: «Вот это я понимаю! Раз смогла монашкой стать, конечно же, нужно идти на жертвы... Что говорить – великая женщина!.. Ты не мог бы записать меня к невропатологу в вашу больницу? Надо обследоваться...

Голова болит так, что можно сойти с ума... Вчера не сомкнула глаз... Лекарства, которые ты выписал в прошлый раз, уже не помогают. И после них макияж неровно ложится... Прямо беда, пачками пить вредные таблетки – здоровье портить, а бессонница меня старит – кожа никуда не годится...» Немногословный брат вновь слушал молча, а я, сидя возле матери, жевала сэндвич из очень полезного ржаного хлеба с колбасой и овощами. Мы взглянули друг на друга. «Мама, вы бы не переживали! Уже ведь несколько раз проверялись, и ничего страшного не обнаружили...» Оставалось удивляться его бесконечному терпению и участию в голосе... Я решила добавить: «Мама! Брат прав. Как же современная медицина сможет разобраться в твоей деликатно устроенной и суперчувствительной нервной системе?! Вот ничего и не остается таким утонченным натурам, как ты, кроме как смириться и терпеть...» Насколько я помню, то утро в конце концов опять завершилось мамиными воплями. Как каждый день. И когда она начала брюзжать, что пора прекратить изображать из себя никчемную певичку и отправиться с глаз долой учиться за границу, я с радостью ухватилась за эту идею. Интерес к жизни поп-дивы, которой я посвятила уже около года, постепенно угасал, к тому же появилась надежда, что я смогу наконец встречать утро тихо и мирно. Мне сильно надоело подстраиваться под ее настроение.

– Ну ладно, прости меня. Я виновата... Правда, прости...

Лучше было просто поднять белый флаг, чем продолжать оправдываться. Не знаю, почему мне это пришло в голову, но я вдруг испугалась, что тетя расплачется.

– Тетя, ты же не собираешься меня сейчас отвезти к этим... как там... смертникам? И уж тем более не будешь заставлять петь перед ними государственный гимн?

– К ним мы и едем. Если сможешь спеть, почему бы и нет? Что тебе мешает? Вместо того чтобы выбросить на помойку такой дар, уж лучше использовать его на доброе дело. На том перекрестке сверни налево, – сказала тетя Моника.

И снова прозвучала эта «помойка». Меня немного раздосадовало, что она всячески пытается поддеть меня, пользуется моими же словами, которые под влиянием эмоций вылетели в больничной палате. Я свернула налево и увидела указатель: «Сеульский следственный изолятор». Черт его знает, что лучше – сидеть в опостылевшей больнице брата перед молоденьким психиатром и отвечать на вопросы вроде «Так что же вас так вывело из себя?»; «Как вы думаете, почему в такие моменты вы начинаете заводится?»; «А возникали ли у вас подобные мысли в детстве?» и тому подобное... Или же спеть государственный гимн? Извечная дилемма. Поэтому я утешилась мыслью: «Да ладно, будь что будет! Во всяком случае, тюрьма, по крайней мере, не так банальна, как больница».

Оставив удостоверения личности на проходной, мы прошли внутрь. За нами с грохотом захлопнулись первые железные двери с решетками. Мне стало жутковато от лязганья, гулко прокатившегося эхом в темноте холодных пустых коридоров. В следующие посещения я отметила, что температура здесь всегда на два – три градуса ниже, чем снаружи. И не только зимой, но даже летом, в самое пекло, теплее здесь не становилось. Кто-то правильно заметил, что это место – царство тьмы.

Мы миновали еще одну дверь; снова послышалось лязганье металлического замка. В огромном внутреннем дворе не было ни души, но за ним несколько заключенных в зеленой одежде тянули

тележку. В отдалении под белой гипсовой статуей Девы Марии стояла небольшая елка, украшенная простенькой разноцветной гирляндой, скромно мигающей в лучах зимнего солнца. Именно сейчас я впервые осознала близость Рождества и вспомнила сочельник в Париже: утопающие в огнях Елисейские Поля; девочек, торговавших цветами; красное вино; тающее во рту и заставляющее позабыть обо всем на свете восхитительно нежное фуа-гра и пирушки, неизменно заканчивающиеся галдежом и объятиями с унитазом... Через несколько поворотов мы наконец оказались в маленькой комнатке. Помещение было чуть больше двух пхёнов^[7], на стене висел крест, а рядом – картина Рембрандта «Блудный сын». В комнате ничего лишнего: небольшой столик и пять – шесть стульев. Тетя опустила принесенный с собой узел и включила чайник. Вскоре раздался стук. В крохотном зарешеченном окошке на двери промелькнула зеленоватая роба.

– Ну заходи же скорей, не стесняйся!.. Значит, ты и есть Юнсу!

Тетя Моника приблизилась к человеку, которого завел охранник, и крепко его обняла.

Смертник... Он был смертником. На робе, слева на груди, была красная именная нашивка. Я ошиблась – не именная. Там было выбито черным шрифтом: «Сеул 3987».

Похоже, ему весьма не по душе пришлось тетины объятия. Ростом он был примерно метр семьдесят пять, с бледным лицом; сквозь очки в роговой оправе пронзительно смотрели резко очерченные миндалевидные глаза. Правда, угольно-черные мягкие кудри, обрамляющие белый широкий лоб, в целом смягчали колкость взгляда... Как ни странно, его внешность напоминала мне молодых профессоров в университете, возмущенно восклицавших: «Что это за фонд, черт подери!» Или скептически настроенные физиономии молодых преподавателей, слушавших напыщенный вздор председателя правления, который нес на ученом совете чушь, способную рассмешить кого угодно: «В нынешнем году наша цель – прежде всего наладить обучающий процесс для возвращения высококвалифицированных кадров. Именно поэтому нашим фондом

был создан институт!» На какую-то долю секунды мне представилось, что его красная нашивка обозначает принадлежность к органам госбезопасности. Возможно, подобные ассоциации в моей голове пробудил брошенный им мимоходом пронизательный взгляд. Он был похож на Че Гевару с футболок парижской молодежи, только корейского. Этакая личность, которая не боится смерти. В нем чувствовалось что-то звериное, присущее людям, уже в детстве давшим клятву умереть в одиночестве в забытой богом пустыне. И эта неистовость очень даже шла ему. Если честно, он был совсем не похож на преступника и не соответствовал моим представлениям о них. А поскольку я любительница всего неординарного, разбивающего вдребезги стереотипы и избитые истины, этот тип стал мне любопытен.

– Ну присаживайся, присаживайся... Я сестра Моника, писала тебе несколько раз.

Он неловко опустился на стул. Только теперь я заметила на его руках необычные кандалы: они были прикреплены к кольцу на толстом кожаном ремне узника. Точное название этого приспособления я узнала позже, однако от его вида у меня внезапно екнуло сердце.

– Офицер Ли, я тут булочек принесла... может... может, вы снимите эти наручники, чтобы он смог поесть? – нерешительно заикнулась тетя.

Надзиратель лишь смущенно улыбнулся, давая понять, что выполнить просьбу будет затруднительно. Весь его вид показывал: «Я законопослушный человек». Тетя не упорствовала и достала булочки с кремом, с маслом, со сладкой фасолью... Налила в стакан кипятка из чайника и, размешав кофе, поставила перед смертником. А булочку вложила в его закованные руки. Некоторое время он молча держал ее и отрешенно рассматривал. Он явно был в недоумении: «Неужели я и вправду могу это съесть?» – и одновременно испытывал тоску, которая появляется при виде еды, по которой сильно скучал. Наконец решившись, он с трудом откусил кусочек. В этих наручниках, чтобы положить что-то в рот, ему пришлось наклониться до пояса, отчего он стал походить на улитку. И так он, понемногу откусывая, жевал эту булку, уставившись отсутствующим взглядом в стол прямо перед собой.

– Вот и молодец, кушай на здоровье. Кофе запивай, чего всухомятку-то? Ты подскажи, что любишь, я принесу в следующий раз. Можешь относиться ко мне как к матери. У меня нет детей. Я прихожу сюда уже тридцать лет... так что вы для меня, считай, родные...

После слов о том, что у нее нет детей, заключенный улыбнулся, будто через силу. Наверное, только я уловила, что в его улыбке проскользнула насмешка. Если для меня смех был способом улаживания конфликтных ситуаций, то ему он, судя по всему, служил оружием. В любом случае, это лишь мои впечатления, но тогда, в первую встречу, я почему-то подумала, что мы с ним одного поля ягоды. Интуиция меня почти никогда не подводила, однако эта схожесть настораживала, так как передо мной сидел не обычный человек, а преступник, приговоренный к смерти.

Утром я не успела позавтракать из-за спешки, поэтому тоже была бы не прочь перекусить, но расхотела, наблюдая за тем, как он, став похожим на свернувшегося в клубок бурундука, с трудом подносит булку ко рту и откусывает. На мгновение мне даже стало жалко его, и я задалась вопросом, как он здесь оказался... Тетя Моника взяла по булочке и предложила нам с надзирателем Ли, а себе налила кофе.

– Ну как ты? Привык немного?

На минуту он замер с набитым ртом. Между четверкой, сидящей в комнате, освещенной косыми зимними лучами солнца, повисла напряженная тишина. Он медленно дожевывал булку.

– Я получил ваши письма. Спасибо... Я не хотел приходить сюда сегодня... Но подумал, надо сказать это лично. Офицер Ли говорил, что вы уже тридцать лет приезжаете сюда и в снег, и в дождь, с пересадками на метро и автобусе... Только поэтому я здесь.

Он поднял голову. Лицо выглядело спокойным. Однако, если присмотреться, было ясно, что это просто одна из его застывших масок.

– Вот как...

– Пожалуйста, не приходите больше! Письма я тоже больше читать не стану. Не заслуживаю я этого. Оставьте все как есть... Просто дайте мне... умереть...

Последнее слово он проговорил, стиснув зубы. Было заметно, что он изо всей силы сжал челюсти. Неожиданная реакция! Взгляд его миндалевидных глаз угрожающе сверкнул. На какую-то долю секунды

меня пронзила мысль: что, если он ни с того ни с сего здесь, на этом самом месте, схватит меня за шею и возьмет в заложники. Я наконец вспомнила – его имя мелькало в газетах. Совершив убийство, он пытался сбежать и, спрятавшись в квартире, захватил в заложники мать с ребенком, угрожал им ножом и устроил там порядочную заварушку... Постепенно начали всплывать смутные воспоминания. Я взглянула на тетю и надзирателя. Вид крепких наручников на запястьях узника несколько уменьшил закравшийся страх.

– Юнсу!.. Мне уже семьдесят... Ты же не против, если я буду звать тебя по имени? – Тетя говорила спокойно, без растерянности. – А кто из нас без греха? Если разобраться, нет ни одного достойного... Я просто хотела бы время от времени видеться с тобой. Приходить, вместе угощаться чем-нибудь вкусным, рассказывать последние новости... Это все, что я имела в виду.

– Я... – Он перебил ее на полуслове. Его приглушенный голос выдал, что ему непросто даются эти слова, он решился на них после долгого обдумывания. – У меня не осталось ни сил, ни желания жить. Если вам охота заниматься благотворительностью, то лучше потратьте энергию на опеку других. Я убил человека. Поэтому самым правильным для меня будет умереть как есть. Я пришел сюда, чтобы сказать вам это...

Он встал с видом человека, которому больше нечего здесь делать. Надзиратель не удивился такому поведению и тоже поднялся. Сейчас в заключенном почувствовался вызов: пускай мне приходится, как животному, скрючившись, подбирать брошенный корм, но я – человек! Впервые за сегодня мне пришла в голову мысль, что у смертника тоже, оказывается, есть гордость!

– погоди, Юнсу! Пстой! – торопливо попыталась остановить его тетя.

Он оглянулся. Тетя смотрела на него со слезами на глазах. Он тоже это заметил, и от меня не скрылось, как ненадолго исказилось его лицо, но не ухмылкой. Мне показалось, что в нем что-то надломилось, словно откололась часть суровой маски. Однако вскоре вернулась насмешка. Тетя снова начала вытаскивать что-то из узелка.

– Скоро Рождество, я кое-что приготовила в подарок. Холодно небось? Белье прикупила... Тебе ведь непросто было прийти сюда, как

я могу отпустить тебя с пустыми руками? Это не займет много времени, может, присядешь? Я-то не молодая, ноги уже не те...

Он уставился на протянутый сверток, желваки заходили ходуном, нахмуренные брови выдавали крайнюю степень раздражения: «Какой там еще подарок, что за ерунда?!» Однако, словно из одолжения к возрасту, да и к тому же женщине, он вернулся на место.

– Этот подарок не означает, что я чего-то жду от тебя в ответ, он не для того, чтобы ты начал ходить в церковь, и не имеет отношения к религии. Неважно, веришь ты во что-то или нет... Хотя бы день прожить по-человечески – вот что важно... Это к тебе, конечно, не относится, но если ты все же испытываешь ненависть к себе, то знай: именно для тебя Иисус пришел в этот мир! Научить, что себя нужно любить и ценить, потому что ты очень много значишь для него. И если вдруг в будущем ты ощутишь чье-то тепло и почувствуешь, что это и есть любовь, помни: Господь послал тебе ангела... Мы встретились впервые, но я знаю, у тебя доброе сердце. И какое бы преступление ты ни совершил, это не единственное, из чего состоит твоя жизнь! Это не вся твоя сущность!

Когда тетя договорилась, он мельком улыбнулся. Без сомнения, это была усмешка: «Что за чушь про человеческую ценность и значимость убийцы, которого вскоре повесят?!» По его лицу пробежала тень беспокойства, характерная людям с резкими перепадами настроения... К своему удивлению, я догадывалась, что творится у него на душе. Когда после очередной стычки с родными мне вдруг звонила тетя и заводила такие же нравоучения, меня тоже охватывало внезапное чувство злости, словно в меня вливали чужую кровь, а все мое существо противилось этому. Будь то жизнь или просто эмоции – неважно, нам спокойно, когда мы среди людей одной с нами группы крови. Не имеет значения, правильно это или нет, но для злодея зона комфорта – зло, а для бунтаря – бунтарство.

– Не надо со мной так. Если вы будете продолжать в том же духе, я не смогу спокойно умереть. Представим, что я буду приходить на встречи, начну посещать богослужения и с послушанием буду следовать приказам тюремных надзирателей, буду петь духовные гимны и молиться, стоя на коленях... В общем, стану ангелом... И неужто тогда вы, сестра, спасете меня? – Он выплюнул последние слова, обнажив белые зубы, словно дикий зверь – клыки... Лицо тети

Моники резко побледнело. – Так что, прошу вас, просто оставьте меня в покое!

– Да, ты прав... Я бы хотела спасти тебя, но это не в моих силах. Однако то, что я не могу избавить тебя от смерти, может помешать нашим встречам? Не знаю, как ты отнесешься к моим словам, но, если задуматься, все мы приговорены и всех нас рано или поздно ожидает смерть. Так что же мешает нам, не ведающим даты смерти, встречаться друг с другом?

Что говорить, тетю Монику не так-то просто сбить с толку! Он в замешательстве посмотрел на нее.

– Ответь мне, в чем проблема?

– Я не хочу иметь никакой надежды... это сущий ад.

Тетя промолчала.

– Если это будет продолжаться, я просто свихнусь...

Тетя собиралась что-то сказать, но передумала. А затем примирительным тоном переспросила:

– Послушай, Юнсу! Что тебя мучает больше всего? Что тебя страшит?

Он пристально, с нескрываемой неприязнью взглянул на нее. Немного помолчав, добавил:

– Утро.

Он проговорил это очень тихо, как неизбежное признание на предъявленные рассвирепевшим прокурором неопровержимые улики. И с таким видом, будто ему больше нечего здесь делать, резко встал, поклонился тете Монике в знак прощания и направился к выходу. Только тогда тетя, до этого сидевшая, как гипсовая статуя, поднялась вслед за ним.

– Постой... Хорошо, прости меня... Не горячись! Если уж тебе так тяжело, можешь не приходить на встречи со мной, да и сейчас ты тоже можешь уйти... Только, пожалуйста, возьми это. Съешь потом... Пусть это и не дорогое угощение, но старая женщина хотела хоть чем-то тебя порадовать... Конечно, не деликатес, но все же съедобно. Офицер Ли, я знаю, что это не разрешено, но прошу вас сделать вид, что не заметили, что он в одежде пронес парочку...

Она, схватив булки, протянула их Юнсу. По лицу офицера пробежала угрожающая неприятностями тень. Однако в некоторых

случаях тетино упрямство было трудно перебороть, словно бы вершилась на земле воля Отца Небесного...

– Ну вот. Он же в своей одиночке... Бедолага наверняка вечно недоедает... А в этом возрасте аппетит-то нешуточный... Офицер Ли, ну пожалуйста!

Мда... нелепица какая-то... Теперь и не разберешь, кто преступник, а кто наставник, кто должен умолять, а кто – отказывать. Я заметила, как узник посмотрел тете в глаза, пытаюсь разобраться, кто же перед ним. Тетя подошла к нему и спрятала в одежду булки, ошарашив этим поступком Юнсу. Он отпрянул, пытаюсь, насколько это было возможно, избежать контакта.

– Ну вот и ладно... Я была очень рада нашей сегодняшней встрече! Очень рада, Юнсу! Спасибо, что пришел.

Тетя довольно долго удерживала его, похлопывая по плечам. Лицо смертника перекосило гримасой, как будто его подвергали мучительным пыткам. Когда его отпустили, он поспешно развернулся и пошел прочь. Я успела заметить, как он прихрамывает на одну ногу. Тетя стояла в дверях и провожала узника взглядом, пока тот не скрылся в конце длинного коридора. В эти минуты она выглядела до крайности сиротливо, как брошенный на отвесном берегу маленький козленок. Она устало потерла лоб, словно силы внезапно оставили ее.

– Ну ничего... вначале все они так. Это и есть первые шаги к надежде. И его слова о том, что он недостоин, тоже хороший признак... – пробормотала тетя, непонятно к кому обращаясь.

Она, и без того маленького роста, казалось, усохла еще больше. Возможно, этой репликой она попыталась убедить саму себя в том, что не все потеряно. Я непроизвольно бросила взгляд на картину Рембрандта: раньше срока потребовав у отца часть своего наследства, младший сын пустился во все тяжкие. Промотав все и оказавшись у свиной кормушки, он вернулся к отцу, прекрасно осознавая, что не имеет никакого права более зваться сыном. Именно поэтому его слова: «Отче! Я согрешил перед Небом и пред тобою!» – были искренними. Художник позаимствовал сюжет из Священного Писания и хотел показать любовь отца, простившего сына, и неподдельное раскаяние сына, преклонившего колени. На картине руки отца нарисованы поразному: одна – мужская, другая – женская, ведь Бог сочетает в себе и мужское, и женское начало. Я вспомнила, чему нас учили на уроках

живописи. И дураку понятно, с каким умыслом картину повесили именно здесь.

– Чон Юнсу... Он все еще сильно буйнит? – поинтересовалась тетя.

– И не спрашивайте, сущий кошмар! В прошлом месяце на прогулке чуть не прикончил главаря мафиозной группировки: затеял драку, схватил заслонку от растопленной угольными брикетами печи, стоявшей на краю стадиона, – за что отсидел полмесяца в карцере, вчера только вышел. Благо мы вовремя заметили, а то дело точно отправили бы на пересмотр. Хотя чего там еще пересматривать... К вышке уже ничего не добавишь. Он даже в карцере умудряется куролесить... Грех, конечно, говорить такое, но эти смертники все нервы вытрепали. Подумаешь, убьет здесь еще кого-нибудь, ему-то что – все равно смертная казнь. Так умереть или этак, приговора не миновать. Поэтому обычные преступники живут оглядываясь, ходят по струнке, а смертники выделяются – царьков из себя изображают, веселятся на всю катушку. С августа прошлого года казней не было... Они, видимо, чувствуют, что подходит их время, вот и вытворяют что-нибудь. Ведь, как правило, о приведении в исполнение объявляют в конце года, а после на несколько месяцев наступает затишье... Сейчас Юнсу – один из самых буйных...

Тетя Моника помолчала, а потом проговорила:

– Но все-таки сегодня он пришел сюда и, несмотря на то что я пишу на редкость длинные письма, отправил мне ответ... – Она сказала это с мольбою, будто бы пытаюсь найти хоть какую-то зацепку.

– Да не говорите! Признаться, я тоже немного удивлен. В прошлом месяце пастор передал ему Библию, а он ее в клочья порвал и сейчас, похоже, использует как туалетную бумагу. И так уже третью подряд, если мне память не изменяет, – ответил офицер с ухмылкой.

Я прыснула от смеха. Если бы не испепеляющий взгляд тети, я бы еще от души посмеялась, но пришлось закрыть рот и сделать серьезную физиономию. Прямо бальзам на душу – Юнсу отомстил ей вместо меня за ее слова о «помойке»... Ведь он разорвал Священное Писание и спустил его в унитаз – похлеще, чем выбросить в мусорку, а для нее Библия была самым ценным, что есть на свете... Однако, судя по обстановке, сейчас был не самый подходящий момент, чтобы выказывать свое злорадство. И тетя, и охранник выглядели озадаченно, всем видом показывали, что им не до шуток.

– Знаете, когда я утром пришел к нему сказать, что вы навестите его, и спросил, как он поступит, я заметил, что он задумался. А потом спросил, сколько вам лет. Я ответил: «За семьдесят...» Поколебавшись, он, к моему удивлению, согласился прийти.

Тетя просияла.

– Правда? Ну надо же, хоть какая-то польза от старости! А его кто-нибудь навещает?

– Нет. Видимо, сирота он. По-моему, он как-то обмолвился, что мать жива... Но никто не приходит.

Тетя Моника нерешительно вытащила из кармана конверт.

– Зачислите это, пожалуйста, на счет Юнсу. И ты, офицер Ли, сделай милость, не будь к нему слишком строг... Надзиратели существуют, чтобы исправлять, а не для того, чтобы поскорее отправить на тот свет... И ты, и я – все мы грешники, кто среди людей найдется без греха?

Офицер Ли лишь молча принял конверт.

На обратном пути тетя Моника наотрез отказалась от моего предложения подвезти ее до монастыря. И что только заставляет ее таскаться по этой холодрыге с пересадками на метро и автобусе?.. Наверно, дурацкая упертость, характерная для нас обеих.

– А что за преступление он совершил? – спросила я от нечего делать, пока мы стояли под светофором на перекрестке. Тетя, видимо, была погружена в свои мысли и не ответила. – А наручники специально надели? Из-за нашего визита?

– Нет, он всегда в них.

У меня опять екнуло сердце. И если колода на шее Чхунхян^[8] демонстрировала всю глубину ее горя, трагизм ситуации и ее благородство, а также подчеркивала развитие сюжета от жуткой несправедливости к торжеству правды (в дальнейшем ей, конечно, предстоит встреча с Ли Монрёном^[9]), то кандалы Юнсу сейчас, на пороге XXI века, меня шокировали.

– Что, даже когда спит?

– Да... Поэтому для смертников поспать с вытянутыми руками – предел мечтаний... Иногда некоторые неловким движением во сне

повреждают себе запястья...

После вынесения смертного приговора, бывает, по два – три года так мучаются и умирают...

– А как едят?

– Палочками не могут, поэтому прямо из миски; если же сидят с сокамерниками, то те могут перемешать им всё с рисом, и тогда кое-как ложкой съедят... Юнсу, оказывается, пятнадцать суток в карцере был, а там и тени человека не увидишь. Руки скручены за спиной, поэтому им приходится есть по-собачьи. Так и говорят – «собачий корм»... Сейчас, похоже, все еще прийти в себя не может. Бывает, узники даже в туалет по-нормальному сходить не могут, и тогда всё в штаны... и так две недели кряду...

Я невольно вздохнула. Хотелось воскликнуть: «Неужели по-другому нельзя?!» Но я удержалась. Незнание – это одно, а знать, да еще и видеть все это – совершенно другое. На душе стало как-то гадко, словно я одной ногой оказалась на пороге места, где не хотела находиться...

– Выходит, он совершил убийство? Сам же признался... Кого он убил? И почему пошел на это?

– Не знаю.

Ответ ее был настолько кратким и категоричным, что я даже засомневалась, не ослышалась ли я.

– Как он убил? Сколько жертв?.. Про него ведь писали газеты, правда?

– Я же сказала, не знаю! – решительно отрезала тетя.

Я оглянулась на нее: она смотрела на меня так, словно я спросила какую-то нелепицу.

– Как это не знаешь? Ты же член религиозного комитета сеульского следственного изолятора... И уж наверняка перед тем, как написать ему, разузнала, что случилось...

– Сегодня я впервые увидела этого юношу. Послушай, Юджон! Это была первая наша встреча. И все! Когда один человек только встречает другого, разве он устраивает ему допрос с пристрастием: давайте, чего успели натворить такого, как оказались тут? Нет ведь... Если он захочет с тобой поделиться, просто выслушаешь. Для меня он таков, каким я узнала его сегодня... – ответила она бескомпромиссно. Внутри

меня вновь что-то дрогнуло. Внезапно мне пришло в голову, что она и правда святая...

– Поехали, зеленый. Высади меня на перекрестке, у станции метро. Вечером я позвоню, – произнесла тетя и вышла из машины.

Синий блокнот 05

Несчастья посыпались градом. Как-то, вернувшись из школы, я увидел, что Ынсу сидит весь зареванный и белый как бумага. Я стал допытываться, что случилось, а его вдруг вырвало.

– Отец заставил меня выпить какую-то гадость... Теперь все время тошнит.

Я зашел в комнату. Пытаясь влить в Ынсу пестициды, папаша, видимо, уронил бутылку и пролил содержимое. Теперь в комнате стояла страшная вонь.

– Лучше б сам подох! Если так хочешь смерти, то первый и подыхай! – закричал я.

Похоже, мой расщепившийся вид заставил отца оторваться от бутылки. На удивление, он не бросился на меня с кулаками, а просто уставился своими налитыми кровью глазами; во взгляде сквозила странная усмешка, значившая то ли улыбку, то ли нестерпимую муку. Я не стал дожидаться, пока у него изменится настроение и он с палкой кинется на нас, схватил Ынсу за руку, и мы выскочили из дома. Как всегда, мы забрались в сарай пустующей усадьбы на окраине деревни и провели там ночь. Утром, вернувшись, мы обнаружили, что тот, кого я вынужден был звать отцом, испустил дух. Он лежал рядом с пустой бутылкой пестицидов, которую сам и выпил.

Глава 5

Не буду скрывать, в ночь после посещения тюрьмы мне не сразу удалось заснуть. Я познакомилась с ним совершенно неподготовленная, встреча прошла в полном замешательстве, а потом он ушел. Расставшись с тетей, я поехала в центр прикупить что-нибудь к Рождеству, и, когда уже садилась в машину на стоянке универмага, мне ни с того ни с сего (словно действие от утреннего лекарства, проявляющееся лишь вечером) привиделись его закованные руки. Может быть, потому что на стоянке было промозгло, а я стала искать в сумочке перчатки. Затем вспомнились его алые отмороженные мочки ушей, багровые рубцы от наручников и упругие жесткие губы, которые слегка кривились в усмешке каждый раз, когда он начинал говорить. Его слова о том, что нет ни сил, ни желания жить дальше, и смятение в голосе – все это было мне так знакомо. Пожалуй, даже было обычным моим состоянием. И именно о нем я пыталась сказать своим родным, именно об этом кричала изо всех сил, прося их оставить меня в покое и дать спокойно умереть.

Парковка универмага буквально кишела людьми. Женщины и мужчины, обвешанные бесчисленными пакетами, загружали их в машины и вереницей покидали магазин, их сменяли другие покупатели... Приближалось Рождество. «Если ты все же испытываешь ненависть к самому себе, то знай: именно для тебя Иисус пришел в этот мир! Научить, что себя нужно любить и ценить, потому что ты очень много значишь для него...» Я сглотнула. Не хотелось признавать, что эти слова предназначались не только ему. Если бы та беседа состоялась здесь, тетя непременно бы добавила, пошутив: «Вот-вот, Иисус пришел не для того, чтобы все столько покупали!» Я вспомнила, как в детстве ходила в католический храм, будучи послушным ребенком. Без возражений надевала приготовленное мамой платье в бантиках, беспрекословно выполняла поручения учителей и не пропускала воскресную школу. Заучивала назубок стихи из Писания и даже как-то выиграла приз в конкурсе на лучшее знание библейских азов. А потом наступил тот самый день, после которого солнце в моем мире спряталось и больше не озаряло

ничего ярким светом. Теперь все мне казалось окутанным мраком. Однако непонятно, почему после встречи с Юнсу я вспоминаю о далеком прошлом здесь, на автостоянке шикарного универмага. Как бы там ни было, я поступила в университет, пусть и не лучший, сумела занять призовое место в университетском конкурсе песни и затем, хоть это длилось недолго, ездила по всей стране с выступлениями. Ничуть не заботясь о деньгах, скаталась на учебу во Францию, а по возвращении получила профессорское звание. Правду о том, что профессор из меня никудышный, знали только я и мои близкие. Так что я была неплохим членом общества и, несмотря на возраст, сносной кандидаткой в невесты, которую захотел получить жадный до денег сноб-прокурор, решивший даже соврать ради выгодной партии. Во всяком случае, так это выглядело для всех. Как же легко одурачить посторонних!

Я завела мотор и выехала с парковки. Дорога была забита машинами. На аллеях ярко горели рождественские гирлянды, и казалось, что на оголенных деревьях распустились золотые цветы. За семь лет моего отсутствия Корея сильно изменилась, стала более роскошной, богатой и суматошной. Однако теперь, когда шагаешь по захолустным улочкам за высоченными зданиями, закрывающими собой небо, холодный ветер пробирает сильнее, до костей.

Вернувшись домой, я решила поискать информацию о Юнсу в Интернете. Стоило забить в строку поиска «Чон Юнсу», как высыпалось море статей. Судя по датам, убийство произошло год и шесть месяцев назад; я еще находилась в Париже. Он был главным обвиняемым в деле об убийстве матери и дочери в районе Имундон: они с подельником убили знакомую им госпожу Пак, затем изнасиловали и убили находившуюся в соседней комнате ее семнадцатилетнюю дочь, а напоследок еще и лишили жизни проходящую домработницу, которая не вовремя вернулась с покупками из магазина.

Когда я прочитала об изнасиловании семнадцатилетней девушки, у меня перехватило дыхание. Во рту почувствовался отвратительный кислый привкус крови, словно закровоточили десны. И что, я целый месяц должна таскаться на свидания с этим подонком?! Мне стало противно от недавней мысли, что мы с ним похожи. Даже подумалось: «И почему только наше правительство не торопится избавиться от

этих законченных негодяев, когда они об этом сами просят?» Да я лучше в психушке месяц пролечусь, чем буду ходить на встречи с этим отребьем, которое вместо благодарности нагло требует скорейшей смерти. Внезапно мое отвращение распространилось и на тетю, носящую этой сволочи нижнее белье, булки и чуть ли не умоляющую поверить, что, несмотря на тяжесть проступка, он не конченный человек.

Я встала и прошла на кухню, налила в большой бокал виски и залпом выпила. Сердце, бешено до этого колотившееся, потихоньку восстановило спокойный ритм. Какая-то сила влекла меня к компьютеру, и я снова оказалась перед монитором. «После изнасилования убили семнадцатилетнюю девушку...» Я, словно эхо, слышала крики девчонки. Я очень четко почувствовала весь ужас и стыд жертвы, словно наблюдала произошедшее на экране. Затем они с подельником, прихватив краденое, скрылись от полиции; сообщник добровольно сдался властям, а Юнсу забежал в жилой дом и взял в заложники людей. В конце концов полицейские ранили его в ногу.

Были и другие статьи.

«Зверские убийства ради наживы, жертвами стали: женщина средних лет, в прошлом по-доброму относившаяся к преступнику, изнасилованная и затем убитая ее дочь и ни в чем не повинная бедная приходящая домработница! Убийца – Чон Юнсу – не раскаивается в содеянном!» – пестрели заголовки статей и колонок «Общественная жизнь». Так называемые знатоки проблем нашего общества – социологи, психологи и журналисты – дорвались до микрофона и наперебой брызгали слюной. Я переместила курсор.

На глаза попала статья про взятие заложницы. На фото Юнсу с перекошенным от крика лицом схватил за шею обычную домохозяйку лет тридцати. Я присмотрелась внимательнее – черты вроде бы его, однако он был без черных очков и с очень короткой стрижкой. Промаявшись с ним полдня, полиция отправила к нему буддийского монаха, который часто навещал заключенных в следственном изоляторе. В соседней колонке было напечатано интервью:

Я представился – я буддийский монах, и зовут меня На Помнюн, – и уже собирался войти со словами: «В чем эта женщина виновата? Отпусти ее! Если хочешь убить, то лучше убей меня!» Но он крикнул: «Ты кто такой? Кто ты, черт тебя подери?» Я повторил: «Я монах На Помнюн!» – а он: «Вот это встреча! Как раз из-за тебя и подобных тебе монахов, пасторов и священников... я сейчас в этом дерьме. Давай, иди сюда, если хочешь подохнуть, – заходи! Я прикончу тебя, а напоследок и себя!» По правде сказать, когда я услышал его, у меня похолодело в груди. Я пошел было к нему, но полиция удержала.

Меня пробрал смех, на какой-то миг я даже забыла, что всего несколько минут назад называла его мерзким подонком. Бутылка виски уже наполовину опустела. И хотя он, конечно, порядочная мразь, его слова пробудили во мне интерес! «Надо же, а ведь я с ним полностью согласна!» Чего я так и не смогла простить, так это того, что родные отмахнулись от меня, даже не попытавшись понять, какие страдания я пережила. Мать, которая солгала и заявила, что мне якобы приснился плохой сон; отец, не пожелавший вдаваться в подробности, и братья... Слышавшие мою исповедь священник и монахини, убеждавшие простить... Бог, который не захотел внять моей мольбе о помощи... По их вине мне пришлось нести бремя тяжких грехов, лжи и непростенья. Лишь тетя Моника не давала мне советов.

Я перешла по следующей ссылке. После того как его схватили и увезли в больницу, он ответил на вопросы журналистов: «Сожалею только, что не убил больше... Тех, кто зажрался и купается в роскоши. Зло берет, что не отправил на тот свет как можно больше подобного сброда!»

Журналисты заявляли, что причины этого убийства – огромная пропасть между бедными и богатыми, а также мотовство и вседозволенность власть имущих. Однако, несмотря на все вышесказанное, такая извращенная враждебность нищих явно переходит допустимые границы. Всех шокировал цинизм, с которым преступник после совершения убийства посмел выразить сожаление о том, что не смог убить больше. Ученые и специалисты в вопросах преступного мира в один голос говорили, что таких, как он, следует

приговаривать к высшей мере наказания для предупреждения тем, кто становится наглее и безжалостнее день ото дня. Я вылила остатки виски в стакан и представила Юнсу. То, как он с ножом в руке схватил меня в заложники, чтобы убить или изнасиловать... По моей руке, державшей стакан, пробежала крупная дрожь. Наверно, я бы вырвала нож и зарезала его. Я ни разу не задумывалась об этом, и только сейчас до меня дошло, что на самом деле я хотела того же на протяжении всех лет. И если следовать словам пресловутых специалистов – знатоков проблем современного общества, – я должна была рассуждать так: «Нож отобрала, что дальше?.. погоди, ведь если я сейчас убью этого подонка, мне грозит вышка, так что не стоит пускаться во все тяжкие...» Черта с два! Я бы не раздумывая пошла на все: не разбираясь, отобрала бы нож и зарезала его. И клянусь, убила бы его самым жестоким способом, который только можно вообразить. В прошлом я не смогла бы так поступить, но сейчас пошла бы до конца. Потому что тогда я была наивная глупая девочка, но теперь, да и уже долгое время, я уверена, что ничего страшного не произойдет, если я покину этот свет.

Неожиданно зазвонил телефон – тетя Моника. Спросив, нормально ли я добралась, она сказала, что мы поедem в сеульский следственный изолятор сразу после новогодних праздников. Я промолчала. Хотя подмывало спросить, почему она выбрала именно подонка, изнасиловавшего девушку. Неужели тетя действительно не знала, какое преступление он совершил...

– Юджон! Я прошу тебя, пожалуйста, пообещай мне только одно...

– Ну чего еще?.. – проворчала я недовольно. Спиртные пары залпом допитого виски ударили в голову, и я еле сдерживала икоту. Если бы со мной разговаривала не тетя, я бы спьяну, скорее всего, послала звонившего ко всем чертям и предложила самому изображать из себя святого и самому же отправляться на небеса.

– Ты что... снова выпиваешь? – спросила тетя.

– Нет, – ответила я.

– Вот и ладно... Вот и слава богу! Раз взялась месяц помогать мне, обещай, что не умрешь до конца этого срока. Я с большим трудом договорилась с твоим дядей. Ты же можешь сделать это ради меня?

Я хотела сказать «нет». Сказать, что не могу. Хотела сказать, что лучше лягу в психушку. Однако где-то в самой глубине ее слов, как

всегда, было что-то особенное. Нечто такое, что в конце концов обезоруживало меня. Быть может, любовь, которую она проявляла ко мне. А может, грусть, с которой она, плача, тогда обнимала меня. В неприкрытой печали всегда есть что-то мистическое, святое и убедительное. И иногда она может стать ключом к закрытому сердцу другого человека. Я чувствовала, что тетя уже давно молится за меня, и из страха, что я соберусь покончить с собой, она который день подряд звонила мне по утрам и вечерам. В глубине души засадило, когда я поняла, что в мире есть человек, искренне желающий, чтобы я жила. Боль обожгла так, как если бы гниющую рану посыпали крупной солью. И, возможно, я предпринимала заранее обреченные на неудачу попытки (точнее, из всех возможных способов попроситься с жизнью я не воспользовалась самыми надежными, например, выброситься с пятнадцатого этажа высотки) и до сих пор жива именно благодаря тете. Вот что я поняла, но не хотела признать.

Пытаясь сдержать икоту, я не сразу смогла ответить, слова давались с трудом.

– Хорошо... Раз обещала – выполню; даже если соберусь умирать, месяц как-нибудь потерплю.

– Вот и ладно, так месяц за месяцем время бежит, и все мы когда-нибудь умрем. И я, и ты...

Мне нечего было возразить. Только резко осознала, что никогда не задумывалась о смерти тети. Что будет, если ее не станет?.. Странно, что я подумала об этом впервые, ведь ей уже больше семидесяти. Мне стало нестерпимо больно. Если еще и тетя умрет, то на свете не останется никого, кто по-настоящему желал моей жизни. И, следовательно, исчезнет последнее, дарившее мне надежду. Когда в старших классах я совершила первую попытку самоубийства, тетя примчалась ко мне первая и, крепко сжав в объятиях, плакала, причитая: «Ах ты моя бедная, ты моя несчастная...» Однако если бы мне пришлось застать ее смерть, я, наверно, даже не смогла бы заплакать.

– Тетя... пожалуйста... помолись... чтобы мне не захотелось умирать... – попросила я.

– Ну конечно молюсь. И утром, и вечером... старая уже я... Ты, Юджон, пожалела бы меня. Тебе нужно простить. Не ради кого-то, ради самой себя. – Она впервые заговорила со мной о прощении.

Почувствовав идущее от меня напряжение, она чуть помедлила и договорила: – Я хочу сказать, чтобы ты больше не позволяла случившемуся управлять тобой. Избавься от уголка, который занимает тот подлец в твоём сердце. Говорю тебе, избавься от него! Прошло уже почти пятнадцать лет, теперь все зависит только от тебя. Тебе ведь тоже уже тридцать...

Она упомянула возраст так, будто обращалась к пятнадцатилетней девочке. Я промолчала.

Синий блокнот 06

Нас с Ынсу отправили в детский дом. С тех пор мне приходилось постоянно сражаться, словно странствующему воину, и нельзя было спокойно сомкнуть веки по ночам, точно стражу демилитаризованной зоны на границе Севера и Юга. Возвращаясь из школы, я заставал голодного Ынсу в синяках – пользуясь его слепотой, у него отнимали обед. Я находил тех, кто издевался над братом, и устраивал карательные разборки, пока у обидчиков не начинала идти кровь, и в тот же день бывал жестоко, до кровоподтеков, избит начальником детдома. Там я считался самым проблемным воспитанником и источником всяческих неприятностей. На следующий день, пока я был на занятиях, те, кого я поколотил вчера, вымещали злость на Ынсу, а я, вернувшись, опять отделявал их по полной, а потом меня остервенело лупил начальник... Таким образом три группы день за днем, не зная усталости, занимались карательными разборками и мстили. Казалось, это было время моей практики, когда я постепенно, одно за другим, освобождал внутреннее насилие и крики, ложь и бунт, а также ненависть, которые уже блуждали по моим венам вместе с кровью, наследством отца. Я был чудовищем, но по-другому не смог бы выжить. Если бы не моя звериная сущность, я был бы никем. И однажды к нам пришла мать.

Глава 6

Я понял, что не сдержал обещания...

Так начиналось письмо. Оно пришло примерно через неделю, когда мы с тетей собирались поехать на следующую встречу к Юнсу в сеульский изолятор. Настроившись по-боевому, со своей неизменной упертостью она намеревалась навестить его, независимо от того, захочет он этого или нет... Наступил новый 1997 год.

Сияющая тетя протянула мне письмо, пришедшее на адрес монастыря. Я же становилась все увереннее в том, что и мне нужно свидание с этим типом, правда, по несколько иным причинам. До сих пор не могу точно сказать, понимала ли я, что желание встречи с ним означало, по сути, встречу с самой собой.

Забыл, что в своем письме к Вам я попросил встретиться с той певицей – главной героиней фестиваля студенческой песни, исполнившей государственный гимн на открытии профессиональных бейсбольных игр в 1986 году. Моему младшему брату, которого уже нет на этом свете, очень нравился ее голос. Он обожал гимн. Мне подумалось, брат обрадуется на небесах, когда узнает, что я встретился с ней лично. Я вовремя не сообразил, что приходившая на первую нашу встречу посетительница была той самой певицей. После карцера у меня опять возникла отчаянная мысль сжечь мосты, чтобы положить конец всему. Однако, вернувшись в камеру, я подумал, что брату едва ли понравилось бы такое хамство. Возможно, я ошибался, считая, что скорая смерть дает мне право творить все, что вздумается. Простите меня. А еще ваше белье очень теплое!

Вот такое коротенькое письмо. Тетя торопливо шагала в сторону тюрьмы. Естественно, она не могла пойти туда одна, ведь именно желание увидеться со мной – бывшей певицей, которую так любил его брат, – было главным поводом для написания этого послания. У входа мы подождали офицера Ли, курирующего свидания с католическими представителями, и вместе вошли в здание.

– В прошлый раз, когда увидел вас впервые, глазам своим не поверил... Надо же! В студенческие годы я был вашим фанатом... Юнсу на обратном пути в камеру сказал мне, что вы – та самая певица, спевшая нашумевшую в свое время песню «В страну надежды». Большая честь встретиться с вами!

Бывало, на улице, или при оформлении кредитки в универмаге, или в самолете меня узнавали по внешности или по имени. Песню я записала около десяти лет назад, пластинка разошлась мгновенно, и я повсюду ездила с концертами, куда меня только ни приглашали. Поэтому было даже приятно, что по прошествии стольких лет меня все еще помнят. Хотя, если честно, не знала, радует меня или огорчает, что узнавшие меня были именно здесь, в тюрьме.

– В тот день я поделился с супругой, что вы теперь с сестрой Моникой будете навещать заключенных, и она растрогалась до глубины души. Говорит: «Ну надо же, какая молодец! Никогда бы не подумала, что такие яркие личности способны на столь благородные поступки!»

Я не могла признаться, что я перестану приходить, как только закончится обещанный тете месяц, да и назвать меня замечательным человеком язык как-то не поворачивается, ну и что на самом деле все получилось так потому и потому... После его комплимента мне ничего не оставалось, кроме как играть роль благородного человека. Потому что потребуется слишком много слов, чтобы перечислить доказательства моей несостоятельности.

– Послушайте, а... почему одни одеты в зеленую, а другие – в синюю форму? Синяя кажется уж очень тонкой, – попыталась я сменить тему разговора.

– Просто зеленую они покупают на свои деньги, а синяя – казенная.

– Почему в такой холод они не купят себе потеплее? Зеленая – дорогое удовольствие? – снова спросила я от нечего делать, шагая по длинному коридору.

– Двадцать тысяч вон.

– Надо же, не так уж и дорого...

Офицер Ли вдруг обернулся и с недоумением взглянул на меня.

– Здесь четыре тысячи заключенных... Судя по нашим данным, среди них примерно пятьсот в течение шести месяцев не получили ни воны на свои счета.

Я остановилась и взглянула на конвоира.

– Да и немудрено... они же смертники. В таких случаях можно считать, что у них нет семьи, или же родня отреклась от них.

– Говорите, у пятисот человек... Нет на счету ни единой воны?!

– Примерно столько же заключенных не получили и тысячи вон за полгода. Да вы сами подумайте, что тут делать богатым?

Внезапно я вспомнила, сколько потратила на выпивку в универмаге несколько дней назад. «Неужто это правда?! – не верилось мне. – За время, пока я находилась во Франции, каждый год площади Парижа заполняло все больше корейских туристов, поэтому с наступлением лета наши студенты шутили, что придется удирать в провинцию, куда любимые соотечественники еще не успели добраться. А из того, что корейцы, посещая Париж, останавливались только в пятизвездочных отелях, можно сделать вывод: наша страна зажила припеваючи...» – хотела сказать я, но промолчала. Да и нечего тут говорить, если примерно у пятисот человек на счету меньше тысячи вон... и это за целых полгода... невозможно представить, как же обстоят дела с обеспечением туалетной бумагой и бельем. Я перестала чувствовать ноги, механически шагающие вслед за тетей.

В это время под конвоем надзирателя по коридору прошел заключенный в зеленой одежде. Не успела я осознать, что на его груди была нашивка с красным номером, как он вдруг остановился.

– Сестра Моника!

Тетя оглянулась и с возгласом «Кто это у нас?» крепко обняла его. Со стороны это выглядело как долгожданная встреча тети с племянником.

– Слышал, вы навещаете Чона Юнсу?

– Да. Надо же, как быстро слухи разлетаются... Как ты?

– Не говорите, здесь ничего не скроешь. Ко мне родная сестра пришла – на свидание к ней иду. Как он, Юнсу? После карцера, скорее всего, еще не в себе... Тяжко вам, наверно, приходится. И все же не сдавайтесь! Вспомните, как прошла наша с вами первая встреча: матами поливал и выделывался как мог. – Облысевший заключенный смущенно засмеялся.

– Да уж, ты тоже не ангел был...

– Знаете, сестра, он, похоже, взял на себя вину подельника, заявил, что один виноват, наговорил на себя... А у его подельника, видимо, деньжата дома водятся – ему, наверно, пятнашку дали и перевезли в тюрьму в Вонджу. Надзирателям Юнсу может казаться тем еще отморожком, а мы считаем его неплохим парнем.

В прошлый раз всю сумму, которую вы перечислили на его счет, он отдал одному старику на пожизненное. Тот даже лекарства позволить себе не может, вот Юнсу и отдал, чтобы хоть на самопальные пилюли хватило... Тут без денег-то тяжко.

– Да неужели?! – Лицо тети Моники просветлело.

– Мы с ним случайно пересеклись вчера на прогулке, и он неожиданно спросил, есть ли у меня Библия. Конечно, я ему сразу свою одолжил... Как я вам, сестра? Разве не молодец?

– Вот это ты молодец!

Тетя Моника похлопала его по спине, и он расплылся в горделивой улыбке, словно малое дитя. Я стояла в нескольких шагах от них и размышляла: неужели этот заключенный и правда приговорен к казни и лишил жизни нескольких человек? Здесь... постоянно происходили какие-то нелепости, которые никак не укладывались в голове и шли вразрез с моими представлениями...

– Кстати, сестра! Отцу Киму удалили опухоль?

– Да, вроде сделали операцию... я тоже слышала об этом.

По лицу этого лысого круглоглазого коротышки пробежала тень.

– Мы тут со старожилками собирались, поговорили. Решили молиться. Богу. Молиться, чтобы вместо отца-священника он первыми нас, грешных, забрал. Поэтому до его выздоровления мы договорились отказаться от обедов. Хотим пожертвовать хоть этим... Какой грех на отце Киме?.. Когда мы узнали, что он вплоть до операции приходил и проводил мессы, а нам специально не сказал об этом... мы...

Его глаза наполнились слезами. Тетя закусил губу.

– Ну надо же... в этом месте и радости, кроме еды, никакой. Здесь это единственное удовольствие и способ развеять скуку. С вашей стороны это огромная жертва... Спасибо! Я передам отцу Киму. Господь с восторгом примет это, и раз уж обещали, то выполняйте, однако не забывайте понемногу подкреплять силы хоть какой-никакой едой с воли. А вину я возьму на себя и попрошу у Отца Небесного помощи, чтобы у вас не было неприятностей.

Заключенный от души рассмеялся, а сопровождающий его надзиратель сконфуженно хмыкнул.

– Мне пора. Одну минуточку, офицер. Знаете... сестра... я очень скучаю по вам. Иногда сильнее, чем по родной сестре. И даже сильнее, чем по матери, умершей, когда я был ребенком. Приходите почаще! Я напишу вам письмо! – кричал он уже на ходу, обернувшись.

Так же, как и у бедолаги Чона Юнсу, руки его были закованы в кандалы, а мочки ушей обморожены. В его словах не чувствовалось ни капли притворства. Неужели в этом сила людей, стоящих на пороге смерти?.. Вещи, которые я стеснялась произносить вслух, он сказал по-детски просто и непосредственно, и мне ведь на какой-то момент показалось, что это он приходится тете племянником. Неожиданно я заревновала. «Будь я на месте тети, кого бы я больше любила, свою родную племянницу или их?» – мелькнула у меня мысль. А что, если всю любовь, которую все тридцать лет, растрченных мною так бездарно, по праву должна была получать я, но она полностью отдавалась им? И причитала ли она над ними так же, как надо мной, держа в объятиях: «Ах ты, бедный, ах ты, несчастный...» – когда они с воплями просили оставить их в покое и дать спокойно умереть?.. Увлекаемый конвоиром узник исчез в конце коридора. Тетя Моника приостановилась и, тяжело вздохнув, пробормотала:

– Вот утроиться бы мне... А еще лучше сюда перебраться и жить вместе с ними...

Мы снова ожидали Юнсу в комнате свиданий, предназначенной для посещения католических наставников. В отличие от первого визита, который прошел в растерянных чувствах, теперь я была вооружена до зубов. От одной только мысли, что я встречу с одним из выродков – насильником и убийцей, – я вдруг расхотела умирать, а грудь теперь распирало от неведомого ранее воинственного духа. Меня даже слегка лихорадило, хотя это не вызывало дискомфорта. Неважно, как это

называть, чувством отвращения или же нездоровым интересом к наблюдению за чем-то чудовищным, – главное, во мне впервые за долгое время пробудился хоть какой-то порыв. Утром, когда я проснулась, в голове крутились такие непотребные ругательства, которые в жизни не слетали с моего языка. Какое-то странное радостное предвкушение, казалось, повысило температуру моего тела на целый градус. В ожидании сегодняшней встречи я испытывала трепет охотника, поджидающего добычу. Возможно, именно тогда я смутно начала понимать, что желание убийства на самом деле было направлено не на саму себя.

– Поначалу все они так... Между прочим, этот Чон Юнсу еще не самый тяжелый случай. Когда-то паренек по имени Ким Дэду, которого когда-то давно прозвали проклятым душегубом, на первых порах изорвал в клочья с десятков, а то и больше Библий, которые ему приносил пастор. Однако перед смертью вернулся к Богу и ушел как ангел. Забыла, как звали парня, совершившего убийство прямо в буддийском храме, а впоследствии – перед своей кончиной – жил словно просветленный Будда... Ну а тот, кого мы встретили в коридоре, вначале упирался и матами крыл так, что уши в трубочку заворачивались, когда конвоир его на встречу тащил...

– Поэтому ты сюда приходишь?

Очевидно, в моем вопросе притаилась солидная доля издевки. И тетя окинула меня подозрительным взглядом.

– Тебе же нравится наблюдать за этими внезапными перевоплощениями грешников в ангелов... Похоже, твоя вера и вера других религиозных деятелей, курирующих подобные заведения, крепчает, когда вы видите, как слово Божье, будто по мановению волшебной палочки, преображает людей. А ведь ничего удивительного. Они знают, что со дня на день умрут, и это их, конечно, страшит. Когда других убивали, они не боялись, а тут – пожалуйста! Они вдруг от страха ни с того ни с сего добреют... Выходит, смертная казнь – очень даже неплохая штука! Раз перед лицом смерти любой хоть немного становится лучше. Точно как ты и говорила конвоиру про лучший способ перевоспитания!

Тетя пронзила меня взглядом. Сначала я решила принять вызов и смело не отводила взгляд, но сколько же эмоций отражается на нашем лице и в глазах! Они гораздо красноречивей любой пламенной речи.

Тетин взгляд, казалось, призывал: «Подумай, как выглядел отец перед смертью и как металась твоя мать накануне операции. А главное, вспомни себя, когда ты пыталась покончить жизнь самоубийством! Далеко не каждый преобразается, однако именно потому, что мы люди, мы способны искренне раскаиваться в своих ошибках и изменяться до неузнаваемости перед смертью!» В конце концов я не устояла перед этими маленькими, утопающими в морщинках, но пронзительно-черными глазами сидящей передо мной пожилой женщины.

Увлечшись перепалкой, я не успела вовремя собраться с мыслями – заключенный вошел в комнату вслед за конвоиром. И пока тетя Моника радостно пожимала его руки, я изо всех сил пыталась пробудить в себе негодование, прокручивая перед собой картину того, как насильник и убийца молодой девушки стоит и, затаив дыхание, слушает исполняемый мною государственный гимн на открытии бейсбольных игр. И старалась припомнить, как вчера всю ночь, сидя перед монитором компьютера, скрипела от ненависти зубами и представляла, что эти отморозки могли мастурбировать перед моей фотографией, напечатанной в журнале, когда я была популярной певицей.

Однако что-то все время мешало настроиться по-боевому. Может, замечание надзирателя о заключенных без единой воны на счету и упоминание тех, у кого за полгода не набирается и тысячи! А может, признание заключенного-смертника в том, как они решили отказаться от обедов до тех пор, пока священник не поправится...

И как они молились, чтобы Господь вместо этого святого человека забрал первыми их грешные жизни... Также рассказ про Юнсу, который отдал деньги, полученные от тети, старику на пожизненном заключении... Как ни странно, все это не выходило у меня из головы. И эти эпизоды, будто клейкие рисинки, слепились в подобие снежного кома и боролись с другим, слепленным из страшных слов приговора «убийца и насильник семнадцатилетней девушки». И они, как два схватившихся снеговика, или же бычка, сцепившихся рогами, пытались победить друг друга.

Его лицо будто бы стало еще бледнее по сравнению с прошлым разом. В уголках глаз проскальзывал намек на улыбку, хоть и неявный; впрочем, свирепость тоже давала о себе знать. У меня не было

никакого желания хоть как-то содействовать тете в ее пошлом спектакле, называемом «Перевоспитание», которому она посвятила целых тридцать лет своей жизни. Кроме сегодняшнего останется всего лишь два посещения, и адью... – подойдет к концу обещанный мною месяц. После чего я смогу с чистой совестью пойти к дяде и отчитаться: как и было оговорено, я встречалась с заключенными-смертниками и избавилась от навязчивого желания самоубийства, благовествуя им, – все по тетиному плану. Дядя, конечно же, обрадуется, ведь он добряк. А обмануть простодушных людей ничего не стоит. Так как они, не умея лгать, даже не могут допустить мысли, что кто-то может их обмануть. Хотя, возможно, внимательно посмотрев мне в глаза, дядя скажет: «И все же тебе не помешает хорошенько выплакаться...» Я в ответ попрошу прощения, потому что он все-таки человек что надо!

Как и в первый раз, мы сидели в комнате католических наставников вчетвером. Тетя вытащила принесенные с собой булочки и выложила их на стол. И снова вложила одну из них ему в руки, и он, свернувшись улиткой, ел ее. Мысль о том, что лучше умереть, чем так же спать, есть и справлять нужду со связанными руками, показалась мне не совсем уж вздорной.

– На этой неделе в карцер не заглядывал? – спросила тетя.

Он перестал жевать и замер. Вместо него ответил офицер Ли, пошутив, что узник решил устроить перерыв. Они с тетей рассмеялись. Заключенный мимолетно улыбнулся.

– Слава тебе Господи! Ты, Юнсу, постарайся не попадать туда! Ни тебе, ни другим с этого никакой пользы... В конце концов, это ведь тяжкое истязание для тебя самого!

Он снова молча принялся за булку. Весь его вид говорил: «Если бы не еда, все эти посещения были бы сущей пыткой». Тетя под села к нему и потрогала обмороженные мочки ушей. Его лицо перекошилось от боли.

– Эх ты, бедолага! Я тебе два шерстяных одеяла принесла, так что ночью укутывайся потеплее. Вот заставить бы судью да прокурора переночевать пару раз здесь без всякого обогрева в это стылое время... Сильно мерзнешь? – посетовала она, прицокивая языком.

Юнсу закашлялся, неудачно проглотив булку. Тетя поднесла к его губам стакан с кофе. Со смущенным видом он попытался уклониться,

выгнув шею назад.

– Да ладно! Пей уж! Замужем не удалось побывать, а если бы вышла и родила детей, ты мне младшим сыном бы приходился. Как хочется освободить тебя от наручников... Но придется потерпеть. Если здесь не справишься, то и нигде на белом свете не проживешь.

К моему удивлению, он мирно проговорил: «Хорошо». Тетя осторожно помогла ему справиться с кофе, словно кормила малое дитя. Он же послушно отпивал из стакана, однако было заметно, как он страдал. Наверно, если бы ему на голову положили горящие угли, он и то выглядел бы не так мученически.

– Я получил книги, что вы послали, – заговорил он.

– Правда? Ты читал?

– Да... От нечего делать. Обрадовался, что это не Священное Писание.

Тетя просияла и, похоже, решила не показывать, что знает о его недавней просьбе, про которую обмолвился заключенный в коридоре.

– Да, конечно. Библию не читай... Даже в руки не бери! – пошутила она, чувствуя себя теперь, похоже, гораздо увереннее.

– Впервые вижу человека, который так говорит...

– А что толку бросать слова на ветер? Даже если я накажу тебе читать, ты все равно не станешь. Так что терпи изо всех сил на случай, если вдруг захочется полистать!

Юнсу улыбнулся ей в ответ, после чего опустил голову, продолжая держать в руках оставшуюся булку.

– На прошлое Рождество... судья... прислал открытку... – проговорил он после некоторого молчания.

– Судья? Ты имеешь в виду судью Ким Седжуна? Который вынес тебе решение?

– Да.

– Ничего себе!

– Там было написано: «...Как судья Ким Седжун я вынес тебе смертный приговор, но как человек Ким Седжун я лишь молюсь за тебя...» – Он откашлялся. – Я удивился тогда. Надо же, какие хорошие судьи бывают! Его слова меня впечатлили.

– И о чем ты подумал?

– Получив ту открытку... Если честно, я подумал: «И чего людям нейдется?» – Он фыркнул, и опять в его взгляде промелькнула

насмешка.

«Ого, а это необычно! Не так уж он и прост...» – подумала я; тетя же прикусила губу, но затем снова пристально взглянула на него.

– Странно так. Перед тем как зачитать приговор, судья у меня поинтересовался, как настроение... Я тогда ответил, что отличное. И услышал, как в зале суда поднялся ропот присутствующей публики и журналистов. Я решил добавить: «Во-первых, мне точно светит вышка, и я рад, что наконец-то наше государство отправит меня на тот свет, так как все это время жил лишь потому, что не мог умереть... А во-вторых, мне приятно, что даже малейшее мое движение вызывает такую бурную реакцию, хотя за всю жизнь никто не проявлял к моей персоне никакого интереса...»

Когда я попал в ряды смертников, меня сразу же вызвал заведующий по учебно-воспитательной работе и велел выбрать что-то одно из «Про-Бу-Ка». Оказывается, к таким, как я, в обязательном порядке прикрепляется один из кураторов религиозного комитета. А «Про-Бу-Ка» означает сокращенное название трех религий: протестантизма, буддизма и католичества... Целый год узники усердно посещают богослужения или отбивают поклоны Будде, а я отказался. Сказал, что обойдусь без этого «Про-Бу-Ка», напоминающего сортировку мусора.

– И действительно! Зачем это тебе? – поддакнула ему тетя.

Он недоверчиво взглянул на нее и продолжил:

– В прошлый раз вы обмолвились, что встречи с вами не обязывают меня принять какую-то религию. Я долго думал над вашими словами. Если честно, мне вообще не нужно это, да и не верю я ни во что. До этого я прекрасно жил и обходился без религии. Хотя нет, прекрасной мою жизнь, конечно, не назовешь, жил как собака. Но если бы Бог существовал... Бог любви и справедливости, мне не пришлось бы становиться убийцей...

Он судорожно сглотнул и продолжил:

– Одно время я посещал собрания католиков. Это было после смерти брата, кажется, в третью мою отсидку, примерно лет пять назад. Тогда я даже собрался покреститься и проходил курс по библейским основам. Меня подкупило, что сестры-служительницы очень по-доброму относились к нам: писали письма, Библию подарили. А еще угощали шоколадными пирожными «choco pie» и по праздникам баловали домашней едой... Как-то раз после окончания мессы старик-

смертник, сидевший рядом со мной, вдруг схватил за руку одну из монахинь... Надзиратели даже не успели остановить его, и тогда я увидел выражение лица этой сестры. Весь ее вид говорил, что она может приготовить еду, готова поделиться деньгами и не против в зимний день прийти в тюрьму и вместе отслужить мессу, но вот ни за какие коврижки не возьмется за руку... Она не сказала об этом, но все – я, старик и другие заключенные, находившиеся рядом, – ясно почувствовали ее сильную брезгливость, будто она увидела перед собой насекомое или какое-то скверное животное... Ночью я слышал, как старик метался и завывал раненым зверем в соседней камере... – Он снова скривился в усмешке.

– Здесь нет возможности видаться с людьми, поэтому заключенные чувствительно реагируют на поведение тех, кто на воле, – вмешался офицер Ли.

– Скорее всего, та так называемая сестра рассказывает всем о своей жертвенности по отношению к несчастным и отверженным, считая себя очень даже неплохим человеком... Совсем не догадываясь, как сильно она согрешила перед тем заключенным. Он убил тело, а она втоптала в грязь душу этого старика, которая и без того день за днем угасала... После случившегося я не смог заставить себя ходить на мессы. Тогда я решил: незачем пересекаться с людьми другого склада и изображать видимость любви... Это отвратительнее, чем открытое презрение и травля таких как мы... С тех пор я не верю людям с деньгами. Так как в любом случае, мы принадлежим разным мирам. И если Бог существует то он будет защищать их, а на нас даже не взглянет... Так во мне появилось отвращение к тем, кто ходит в церковь. Все они кажутся мне лицемерами...

В комнате повисла тяжелая тишина. Я, стараясь ничего не упустить, не отрываясь наблюдаю за изменениями его лица. Сейчас он выглядел невозмутимее: если в первую встречу от него временами исходил лютой холод, то сегодня лишь изредка пробежал холодок. В своем воображении я попробовала вручить ему нож и старалась представить, как он задирает подол юбки худощавой семнадцатилетней девушки и насилует ее. У актеров моего спектакля не получалось справиться с ролью, они сидели с бессмысленным взглядом. Разозлиться никак не удавалось.

– Прости меня, прости... – проговорила тетя Моника, беря его за руки в кожаных наручниках.

– Да нет, я же не вас имел в виду... – пытаюсь высвободить руки, растерянно пробормотал он.

– Нет же, нет! Это и ко мне относится. Кем бы ни была та женщина, считай, что это я. Я виновата, Юнсу! Вместо нее я прошу у тебя прощения... Да простит меня и тот заключенный, стенавший всю ночь напролет!..

Когда я представляю, как разрывалось твое сердце от плача старика в соседней камере, моя душа болит... Прости, что все эти годы я не знала тебя, не знала про твое существование и нашла тебя только сейчас...

Он ошарашенно смотрел на нее, а потом отвел взгляд.

– Я не знаю, нарочно вы или нет, но меня это все выбивает из колеи. Скорее всего, и сегодня, вернувшись в камеру, я еще долго не смогу найти себе места... Прошу вас... не надо со мной так, – произнес он, сжав губы и тщетно продолжая пытаться освободить руки.

Тетя же со слезами на глазах упрямо не хотела отпускать его. Похоже, не он один вернется к себе с тяжелым сердцем. Я разозлилась. И пробурчала про себя: «Надо же, прямо сцена из спектакля – исправление грешника! Осталось только флаг поднять, произнести клятву верности и спеть гимн!» Я больше не могла этого выдержать и отвернулась. Взгляд снова упал на «Блудного сына» Рембрандта, и теперь я вспомнила строки любимого писателя. «Блудного сына надо забить до смерти, потому что он принесет с собой еще большие беды. Ничто на этом свете не делает нас более ничтожными, чем вернувшийся блудный сын. Настоящий блудный сын должен без капли воды, крошки хлеба и даже без верблюда отправиться прочь на самый край пустыни и умереть!.. И не обязательно там, можно где угодно и в любом другом месте». Так звучало у Чан Джониля. Как же он был прав! Ненавижу лицемеров. Мне хотелось, чтобы этот Чон Юнсу до конца оставался brutальным убийцей. Хотелось, чтобы он умер, так же насмехаясь надо всеми, как Гэри Гилмор из американского штата Юта, которого в конце концов казнили. Гэри Гилмор... Несмотря на результаты общественного опроса, показавшего, что большинство граждан против, президент Франсуа Миттеран все же отменил смертную казнь, вызвав огромный резонанс по всей стране. В

университете тоже шли страстные дебаты на эту тему, и именно тогда я познакомилась с трудами Виктора Гюго и Альберта Камю – ярых противников смертной казни. Тогда же я наткнулась на этого Гэри Гилмора... Он застрелил ни в чем не повинных американцев, а в интервью прессе спокойно и невозмутимо, насмехаясь, заявил, что они помогут совершить его последнее убийство, казнив его самого. Своей смертью он высмеивал беспомощность и противоречие системы, которая пыталась противопоставить одно убийство всему насилию, которое было им совершено. Он уже вышел за рамки системы, которая может наказать человека.

Поэтому после его смерти так много молодых людей чтили его память, посвящали ему песни и даже сняли фильм. Во всяком случае, они не мыслили штампами. Такое нарушение стандартов сильно впечатляет нас и заставляет задуматься. Однако сегодняшняя сцена была банальной до скуки, но, если честно, все равно где-то глубоко бередила душу. Мне захотелось поскорее убраться отсюда.

Синий блокнот 07

В доме матери было двое ребят старше нас года на три – четыре. Отчим обычно был немногословен, но стоило ему выпить, как он начинал громить и рушить все в доме. Так получилось, что мать и дальше не смогла избавиться от этого бремени насилия и алкогольной зависимости рядом с собой. Лицо ее, как и раньше, было в синяках. Одно лишь радовало, что каждое утро отчим просыпался и, загрузив на велосипед рулон обоев, уезжал на работу – клеить их. Однако это были лишь цветочки... Нетрудно догадаться, что названные братья не приняли нас с Ынсу с распростертыми объятиями.

Я же тоже постоянно ощетикивался, словно раненый еж, если они меня как-то задевали. Это напоминало, как колосья в поле поднимают волну от малейшего порыва ветра. Теперь уже мать начала нас поколачивать. Даже если братья били Ынсу, попадало нам, а если я грозился дать им сдачи, мать лупила нас еще сильнее. И однажды отчим собрал наши вещи – от нас опять избавлялись, отсылали в детский дом. От нас избавились, как от смятых бумажных коробочек. Я своими глазами видел и хорошо помню, как мать равнодушно ушла

на кухню, отпихнув от себя поближе ко мне плачущего и зовущего маму Ынсу, который в то утро, слепой, растопырил руки по сторонам и искал мать. Снова нас бросили, и это была уже совсем другая история. Стало ясно, что на этот раз дороги обратно не будет. Теперь у нас не осталось даже ожидания матери. Теперь не только для Ынсу, но и для меня погас свет всей вселенной. Ни одно солнце больше не поднималось для нас.

Глава 7

Когда раздался звонок, я не спеша поглощала поздний завтрак. Это была тетя. Она, запыхавшаяся, попросила срочно приехать, чтобы кое-куда ее отвезти. Взглянув на часы, я увидела, что до обеда еще есть время и я успею до назначенной вечерней встречи.

Я поехала к ней в монастырь в районе Чхонпхадон, там мы загрузили в машину упаковку свиных ребрышек и отправились в район Самяндон. Припарковаться было негде, и нам пришлось оставить машину на платной стоянке около въезда на рынок и пройти пешком. Я не могла нагрузить мою престарелую тетю тяжелой поклажей, поэтому скоро запыхалась, неся отнюдь не легкую упаковку. Мы уже миновали рынок, но дома, который искала тетя, так и не было видно. В переулках снег, выпавший несколько дней назад, уже потерял свою белизну, смешался с желтоватой золой и превратился в грязное месиво. Сразу было видно, что это бедный квартал. «Неужели это Сеул?» – подумала я. Столица иногда поражала меня блеском, с которым не мог сравниться Париж, и неужели эти улочки тоже были частью Сеула? Меня несколько шокировало, что в этом месте, где время как будто остановилось в шестидесятых годах, люди живут в такой тесноте, как в муравейнике. Однако, если быть откровенной, меня это не сильно тронуло, и мои чувства можно скорее сравнить с впечатлением от картины, на которой изображен пейзаж.

Тетя сказала, что мы идем на встречу с семьей домработницы, которую убил Чон Юнсу. После трагедии она несколько раз предлагала встретиться, но ей отказывали, а теперь, кажется, сердце родных немного оттаяло. Поэтому она перед Лунным Новым годом^[10] решила купить в подарок немного мяса и торопилась его вручить – вот почему тетя так поспешно меня вызвала. Из-за назначенной на вечер встречи с однокурсниками я надела короткую юбку, и, пока я с тяжелым узлом пробиралась по этим задворкам, проходящие мужчины оглядывали меня с головы до пят, сильно раздражая. «И зачем я только во все это ввязалась, – размышляла я. – Черт подери, убийцы – все из бедняков, и их жертвы тоже голодранцы...»

– Тетя, отчего так?

– Что «так»?

– Почему они утверждают, что расправляются с богатеями? Я не имею в виду, что людей при деньгах можно убивать, но почему же? Почему все-таки их жертвы – тоже бедняки? О какой справедливости они говорят? Если уж на то пошло, загрузили бы взрывчатку в грузовик и взорвали ее в зажиточном районе, как те арабы, – возмутилась я, едва переводя дыхание. Тетя, тоже с трудом поднимавшаяся по узкой лестнице, остановилась и недоуменно посмотрела на меня.

– Говоришь, бомбу взорвать?.. Вот дуреха-то. Выходит, ты первая и погибнешь вместе с матерью и братьями.

– Я не говорю, что надо так сделать... Просто меня возмущает, что они убивают таких же несчастных людей... А потом кричат на каждом углу о справедливости, которой не существует в этом мире. Будто они святые апостолы...

– Районы с повышенным уровнем преступности... Ты же слышала, что так говорят про бедные кварталы. Потому что там, где живут богачи, есть охрана.

– А охранники живут же в подобных трущобах? И пока они охраняют богачей, страдают их жены и дочери, которым приходится работать допоздна и возвращаться домой по этим темным и узким переулкам... У меня этот Юнсу вызывает отвращение, но думает он как я. Он же сказал, что если признать, что Бог существует, то он живет не с нами, а в других местах – Бог, который защищает богачеев. Я согласна с ним. Это он в точку сказал... Поэтому я и не перебариваю всяких священнослужителей и церковь тоже.

– Столько отговорок у тебя, только чтобы не ходить в храм... Неуместное сравнение. Ты уверена, что вы можете говорить об одном и том же? Так, погоди-ка... это у нас номер 189–7?

Зайдя в узкий проулок, где еле-еле мог пройти один человек, она остановилась и сразу же постучала в дверь. У меня даже не было времени спросить, что она имела в виду под неуместным сравнением... То ли его отношение к таким, как я, то ли мои чувства к нему...

Открыв входную дверь, мы прямо из переулка попали в крохотную кухоньку, занимавшую меньше чем полпхена. Всюду в беспорядке была рассована домашняя утварь, в комнате было прохладно и стояла

вонь: то ли от протухшей рыбы, то ли от перекишшего кимчхи^[11]. Нас встретила старушенция с жидким узелком волос, которых было очень мало, но она заколола их длинной шпилькой в традиционном стиле; среднего роста, тощая-претощая, с приоткрытыми губами и опухшими воспаленными глазами, словно она долго и много рыдала. Когда я неловко протянула ей узелок со свиными ребрами, ее измученные глаза тотчас ожили. В глубине комнаты, размером не больше чем полтора пхена, царил полумрак; везде лежали стопки связанной старой бумаги; в углу – ворох одеял, готовых вот-вот развалиться; небольшое окошко почти под самым потолком было кое-как заклеено зеленой изоляцией, чтобы хоть немного преградить путь сквозняку. Из него – все же это было окно – падал тусклый солнечный свет. Под этим окошком громоздился старый потертый комод, на котором стояла статуэтка Девы Марии. Как и во всех домах бедняков, скульптурка была неприглядной. Это было правдой. Когда я жила в Париже или во время путешествий по Италии, мне, хоть я и давно разочаровалась в вере, все равно изредка хотелось приобрести изящную фигурку Девы Марии, с которой эта статуэтка, конечно же, не могла сравниться. Лицо матери Иисуса в этой каморке казалось мрачным настолько, что не привидится и в страшном сне, и от одной мысли, что кто-то способен подарить такое, у меня побежали мурашки.

– Может, все же затопить печку? – спросила старуха.

– Нет-нет, не стоит... Все хорошо, – ответила тетя, и старуха с улыбкой ответила, что электричество сейчас дорогое. Улыбалась она пресмыкаясь, униженно – с чувством, с которым прожила свою длинную жизнь. Съездившись в полумраке, мы сидели, как персонажи картины Ван Гога «Едоки картофеля».

– Тяжко вам пришлось в последнее время? – спросила тетя, пока старуха нерешительно вытащила из кармана скомканную пачку дешевых папирос и взяла одну в зубы.

– А что делать, приходится выживать, раз Бог не забирает. Поначалу в монастыре помогли... На носу Лунный Новый год – маль^[12] риса, наверно, подкинут. Так неудобно, заставила вас прийти в такой развал... – пробормотала старуха, затянувшись и выпустив длинную струйку дыма.

Когда тетя Моника искоса взглянула на статуэтку Девы Марии, хозяйка на мгновение погрузилась в свои мысли.

– Моя убитая дочь была католичкой. Нас верить не заставляла, да и сама из-за работы по воскресеньям не часто ходила в храм... И все-таки каждое утро вон там садилась и, вполголоса чего-то пробормотав, уходила на работу... После ее смерти я накрыла голову этой Святой Девы черным платком. Сначала хотела вынести на улицу и разбить вдребезги, но внуки не дали – мамина вещь, перед которой она каждое утро молилась, – вот я и не решилась... Поэтому я закрыла ее платком, но недавно сняла.

Мы, трое сидящих женщин, казалось, заполнили все пространство комнатухи. Дым от папиросы рассеивался в белесых лучах солнца. А Деве Марии ничего не оставалось, кроме как стоять в безмолвии на комодке.

– Вот оно как... А почему вы сняли платок сейчас? – переспросила тетя.

– Да хотела выпытать у нее... – хохотнула старуха, обнажив пожелтевшие от табака щербатые зубы.

Тетя немного растерянно рассмеялась вслед за ней.

– И как, откликнулась? – спросила тетя, а смеющаяся старуха, как ни странно, смутилась.

– Вот когда поверю, тогда, наверное, и ответит. Говорят же, если вера есть, можно горы свернуть. Будет вера, так и Дева Мария заговорит со мною, разве нет? Это же легче, чем гору сдвинуть. Никто не испугается... И хозяин горы убытка не понесет... Вот я и взялась в последнее время за основы вероучения...

– Вы неординарный человек! Не так-то легко все это... Послушаешь, как вы говорите... – Тетя засмеялась.

И правда, слова старухи напомнили мне высказывания, которые я слышала в воскресной школе. Интересно, верила ли я в детстве? В то, что вера может сдвинуть горы? Однако Бог не услышал молитвы, в которую я с плачем вложила всю душу, когда птенцом ласточки билась в лапах того подонка. Тогда я точно верила и в рай, и в ад, и в ангелов, и в демонов. Но в те минуты рядом со мной был только дьявол.

– Я не шучу. Сестра, я хожу в католический храм, изучаю катехизис, чтобы получить крещение, и надеюсь, после этого Дева ответит мне. Сестра! Священник, помогающий мне, объясняет все доходчиво... Я слышала, у него обнаружили рак? – спросила старуха.

– Да... Операция прошла успешно, он сейчас восстанавливается.

– Надо же, посмотришь на это и задумаешься: а вправду ли Бог существует? Почему хорошие люди болеют, попадают в беду... И лишь плохие в этом мире живут себе припеваючи... Даже закрадывается мысль, что религия – как старая обглоданная кость, один обман.

Старуха высказала наболевшее, однако, заметив, что тетя Моника изменилась в лице, сразу переменяла тему. И в этом поступке снова почувствовалась униженность, характерная для тех, кто всю жизнь оглядывается на других, и повышенная восприимчивость к настроению собеседника, как у слуг, которые мгновенно реагируют на любой жест господина.

– Моя несчастная добрая девочка, оставшаяся вдовой в двадцать три года, до самого последнего дня не гнушалась никакой черной работы – чего только не делала своими натруженными разбитыми руками, чтобы прокормить детей и меня старую... Спала не больше трех часов в сутки... Разве что на панели не была... Так почему же он ее такую многострадальную убил?.. Хочу знать, почему Он позволил ей погибнуть от рук негодяя? Я этого Чона Юнсу – изверга, чье имя я не забыла, – хочу выпотрошить своими руками, чтобы ему было во сто крат больнее, ужаснее и страшнее, чем вытерпела моя девочка... Знаете, сестра, мне кажется, только после того как я сама с ним разделаюсь (даже если я окажусь в аду), смогу протянуть ноги и спокойно уснуть. Вот и хочу выпытать у Девы Марии, можно мне сделать это или нет... И если у Бога есть совесть, то он, конечно же, позволит ей ответить. Только если у Него есть совесть...

В постепенно повышавшемся голосе старухи чувствовалось возбуждение, она стала сотрясать воздух намозоленной, похожей на потемневшие от времени грабли рукой, держа сигарету. Приниженность, с которой она вела себя все это время, вдруг совсем пропала, вместо этого она превратилась в неустрашимого разъяренного зверя. Тетя Моника сникла.

Я не испытывала к тете сочувствия даже когда она уговаривала этого Чона Юнсу, чуть не плача, словно оправдываясь перед ним. Сейчас же я не могла смотреть на нее без сострадания. В прошлый раз она просила у него прощения как представитель лицемерной буржуазии, сегодня предстала в роли защитника убийцы, а сейчас была словно посланником несправедливого и жестокого Бога – опустила низко

голову и лишь кивала. Если бы она не слишком возилась и сидела бы на месте, то, как говорила мать, могла бы возглавить монастырь и молиться в монастырском саду под изящные и возвышенные церковные песнопения, или же могла заведовать католической больницей, но она в этом сгустке горя!.. Вот надо ей это в ее-то годы?! Хотелось бы мне спросить Деву Марию...

– Вы, сестра, звонили несколько раз, и именно поэтому я не хотела с вами встречаться... После ваших звонков уснуть не могла. Я не переставала думать об этом. Полиция просила опознание сделать, подтвердить, что это моя дочь, а на том теле живого места не было, все ножом исколото... Постоянно вижу это перед глазами... Как же ей больно было, как страшно, как обидно... Только стоит подумать, и сердце разрывается, захлестывают злость и досада.

Старуха торопливо смахнула докучливые слезы, которых уже столько пролилось, что не должно было бы остаться, но они все не останавливались.

– И она, и я, и внуки... В чем мы провинились в прошлой жизни, что Бог нас так наказывает? Даже и подумать не могли. Она пошла работать в ту квартиру в четвертый раз. До этого работала в богатом доме, а они, черт подери, возьми да разорись, даже не заплатили ей. Когда осталась без денег, пришлось устроиться клейщицей обоев на стройку – там-то она спину и надорвала... Несколько месяцев вообще не работала. И вот ее познакомили с этой вдовой. Как же она радовалась... Хоть и характер у той дамочки был стервозный, все же лучше, чем на стройке. В ночь перед этим несчастьем у нее сильно болела спина, всю ночь она не могла уснуть, и я говорила ей: «Не ходи», – а она все равно из-за своего чувства ответственности пошла кое-как. И зачем, спрашивается... Чтобы так все закончилось... Если бы она хоть чуть-чуть подумала про себя, а не про свои обязанности, то вот так нелепо не...

Старуха опять заплакала. Она торопливо вытерла слезы пожелтевшим от никотина пальцем.

– Как дети? Подрастают? – спросила тетя после недолгого молчания, чтобы хоть как-то успокоить старуху.

Та тяжело вздохнула и аккуратно затушила папиросу в латунную пепельницу. И, продолжая плакать, аккуратно поставила окурочек на

край пепельницы. Видимо, она собиралась докурить этот бычок через некоторое время.

– Младший сын... На учебу все силы бросил.

Позавтракал – и в библиотеку.

– А старшей уже около двадцати? Дочка же?

Ее губы задрожали перед тем, как она заговорила.

– После того как с матерью такое случилось, она ушла из дома. Посылает раз в месяц деньги. Я даже не стала спрашивать, чем она зарабатывает на жизнь. Спрашивай – не спрашивай, что с меня проку? Она как раз хорошо училась... А после смерти матери бросила школу. Думаю, работает в каком-нибудь питейном заведении.

У тети Моники вырвался вздох. Старуха снова прикурила бережно оставленный окурок и продолжила:

– Сестра! У меня есть к вам одна просьба.

– Говорите! Все что угодно!

– Сестра! Тот негодяй... Пожалуйста, помогите мне с ним встретиться...

Неожиданно было услышать такое. Тетя Моника мгновенно застыла.

– Пожалуйста, позвольте мне с ним встретиться. Это все не выдумки глупой старой женщины, поверьте мне.

– Послушайте!.. Ему сейчас тоже несладко приходится. Я не смею просить вас простить его. Это даже Господь поймет. Пройдет еще немного времени... Пройдет еще какое-то время... Когда вы оба придете немного в себя... – Тетя попробовала мягко отговорить старушку.

А хозяйка, пропустив ответ мимо ушей, продолжала:

– Ведь прошло уже почти два года... Как-то раз приходил священник, курировавший раньше тюрьму, он так сказал... – На некоторое время воцарилось молчание. – Святой отец... сказал, что парень тот сирота, брат младший у него был слепой и умер на улице, мать и отца потерял в детстве, вырос в детдоме и никого у него из родных нет. После того как он ушел, я много думала... Дочка моя тоже оставила двух детей, они тоже теперь сироты. Я ведь знаю, пойдет старшая в забегаловку, скажет, что сирота... Кто в этом мире будет считаться с этим?.. Раз сказали, что сирота, если рос без матери, вдвоем с братом... Я, сестра, каждый раз, готовя рис, отсыпала по

чуть-чуть, вот и набралось... Тут праздники на носу, хочу ттока^[13] приготовить и отнести ему.

– Это...

Казалось, тетя Моника отпрянула в этой узкой комнатухе. Даже меня просьба выбила из колеи. Было видно, что тетя попала в затруднительное положение. Старуха схватила ее за руку.

– Сестра! Я не собираюсь идти к нему с плохим умыслом. Просто хочу увидеться с ним перед тем, как государство отправит его на тот свет. Я не особо умная и ничего не понимаю в этом мире. Хочу сказать ему, что убитая им женщина матерью была. Скажу ему так... Хочу его простить...

Лицо тети Моника было белым как простыня.

– Хочу попытаться его простить. Я тоже росла сиротой, без близких, без мужа, жила одна со своей дочкой – матерью двоих ребятшек, так что знаю, каково это... Как по праздникам становится тоскливо и одиноко. Хоть и преступник он, хоть убийца, но и для него Соль^[14] – это праздник... К тому же мне сказали, что для него этот Новый год может стать последним. Сказали, что неизвестно, умрет он сегодня или завтра. Как подумаешь, что его отправят на тот свет, так кажется, что душа должна радоваться: слава Господу, заберешь грешника... Вот если бы я убила этого паразита и моя дочка ожила, то я лучше бы сто раз смертником стала, но с ним бы разделалась... Если бы от того, что я его убила, зажили раны в сердцах моих внуков, я ничего бы не побоялась. Но ведь не будет этого... Вот я и хочу пойти. Хотя бы чтобы его душа упокоилась с миром. Пускай мне даже от одной мысли противно, что он спокойно умрет, но...

– Бабушка! Прощение... То, что называют прощением... Оно... Оно так, как вам кажется...

Я впервые в жизни увидела тетю Моника в такой растерянности. И впервые услышала, как она не может подобрать слова. Она была в таком сильном замешательстве, что казалось, начнет от бессилия размахивать руками. Старуха же, увидев такую растерянность, вдруг недоуменно повысила голос:

– Вы же говорите, что Иисус велел поступать так! И священник так сказал. И все сестры так говорили. Все, кто приходил ко мне, Библию приносил, гимны распевал, все в один голос говорили. Они же много про Бога знают, и даже глас Божий слышат, все только про это и

твердили. Ведь вы сами сказали так сделать! Простить! Врагов прощать надо! Убеждали, что семь раз по семьдесят прощать велено!

Внезапно тетя Моника потеряла равновесие, оперлась рукой на пол и прикусила губы. Я подсела к ней поближе, но она оттолкнула мою руку и расплакалась.

Синий блокнот 08

Так нас с Ынсу снова отправили в тот же детдом. Я по-прежнему считался самым буйным подростком – вечным источником неприятностей, но больше страдать из-за Ынсу мне уже не пришлось. Я вырос, связался с так называемыми плохими ребятами и сколотил свою шайку, потому что понял: пока у меня есть своя стая, а значит, сила, то ни меня, ни Ынсу трогать не будут. Клей «Момент» был моей Библией, онанизм – моим прославлением, верные плечи братков – моим законом и моим государственным гимном. В свои тринадцать лет я уже успел переспать с незнакомыми девчонками, ушедшими из дому, и даже стоял на стреме, когда старшие насильовали этих бродяжек. Но вот однажды один из братков посильнее остальных начал меня гнобить – я отказался украсть для него что-то из супермаркета. Их было много, сила была на их стороне, и, что уж говорить про Ынсу, я себя-то не мог защитить. Мы с братом перестали регулярно есть и изо дня в день становились мишенью для насмешек и издевательств. Поэтому я решился попытать счастья: избил до полусмерти травившего меня обидчика, когда все спали, и, схватив Ынсу за руку, дал деру.

В ночь бегства мы бродили по улицам Сеула. Было голодно и холодно, впереди – полная безнадежность. В одном из закоулков рынка мы присели возле мусорного бака и начали в нем ковыряться, пытаясь найти хоть какие-то остатки еды. Ынсу сказал, что ему страшно и лучше бы вернуться обратно. Я разозлился, но стерпел и предложил ему спеть: он очень это любил. И мы спели. Ынсу из-за слепоты не ходил в школу, поэтому единственной знакомой ему песней был государственный гимн, который мы исполняли на каждом утреннем сборе в детдоме. «Пока не высохнут воды Восточного моря, пока стоит гора Пэктусан, Бог будет вечно хранить нашу землю, славься, наша страна...» Ынсу помнил его наизусть аж до четвертого куплета!

Помню, как в ту промозглую ночь мы пели и смотрели на небо, усыпанное звездами, напоминавшими холодный попкорн. Когда гимн закончился, Ынсу с улыбкой сказал: «Брат, у нас ведь хорошая страна, скажи?»

Когда пою эту песню, мне почему-то кажется, что мы тоже становимся великими людьми...»

Глава 8

Утреннее пробуждение далось с трудом, голова раскалывалась. Золотые лучи, проникнув сквозь белые кружева штор, вытянулись до самой моей кровати. Я вдруг подумала: «А где я?» За окном виднелись ветви высокой магнолии. Однако вопрос «Что я делаю в своей комнате у матери в доме?» стал не таким насущным по сравнению с жуткой жаждой. Конечно, вспомнилось, как в этой комнате я впервые решилась покончить с жизнью, попытавшись перерезать вены на руках.

В детстве я ходила в католический храм и в анкете о семейном положении в графе «религия» писала, не задумываясь, «католичество». Сразу после рождения отец отнес меня в храм, и там мне дали имя Сильвия вместо Юджон. В те годы церковный устав строго запрещал проводить в храме отпевание самоубийцы. Потому что он считался убийцей, который покусился на жизнь, считая ее собственностью, но на самом деле дарованной Богом. На занятиях по библейским истинам монахиня объясняла, почему самоубийство считается убийством.

Начиная с «Поднимите руки, кто родился, потому что сам так решил!», затем – «Поднимите руки, кто сам решил, родиться ему мужчиной или женщиной!», и в завершение – «Кто из вас думает, что может умереть, когда ему захочется?» В пору взросления я страстно думала о самоубийстве. И в итоге решила, что у меня нет на это права. Я не знала, почему мой желудок не может переварить пищу и почему начинаются месячные. Не дано мне было знать, почему происходит расстройство кишечника и болит живот, отчего бьется сердце, почему гормоны, о которых нам рассказывали на уроках биологии, появляются и исчезают в определенное время. И, самое главное, не я вдохнула в себя жизнь. Выходит, мне – человеку – подвластно даже меньше, чем моему собственному мозгу... Прямо как у Декарта: «Я могу распоряжаться только своей мыслью», – эти слова были написаны на подставке для книг, которую я всегда носила с собой. А раз я не хозяйка сама себе, вот и получается: убить себя означает совершить убийство. К такому выводу пришла и я. Тем не менее в этой самой комнате я когда-то перерезала себе вены, чувствуя только одно: даже

знание не может оградить от отчаянья. А еще я поняла, что Декарт был неправ: даже своими мыслями я не могла управлять, а обиднее всего было то, что все происходило совсем не так, как мне хотелось бы.

Захотелось попить хоть чего-нибудь, не важно, сока или воды, и я спустилась на первый этаж.

Когда я должна была перейти в старшие классы, отец купил участок земли в захолустье и построил дом, а теперь здесь ровными рядами выстроились высотки. В то время многоэтажек было немного, и в этой глухомани располагались многочисленные захудалые гостиницы, называвшиеся на старинный манер. Участок был куплен после того, как мой старший брат Юнсик стал жить отдельно, по-моему, в период новогодних праздников по лунному календарю.

Я по какому-то поручению пошла в дом, где жила семья старшего брата отца. Одна. Сейчас я не такая уж и высокая, но тогда для своего возраста я была рослой – гораздо выше ровесников. Еще когда я училась, кажется, в седьмом классе, и спешила куда-то по делам в легком летнем платье, со мной заговорил какой-то мужчина в военной форме, от которого разило спиртным. «Эй, девушка! Ты не хочешь пойти со мной вон в то кафе и выпить чашечку чая?» На что я ответила: «Эй, дяденька! Я вообще-то школьница!» Он недоуменно посмотрел на меня, а затем, задрав глаза кверху, засмеялся, как бы говоря: «Что ты такое несешь...» Я тоже засмеялась. Вернувшись домой, рассказала об этом случае маме: «Мам, какой-то дядька приставал ко мне, кажется, военный...» Что именно она ответила, не помню... Но точно не похвалила. Сидевшие за обедом братья воскликнули: «Видно, перепил изрядно...»; «Может, у него не все дома?»; «А вдруг он сбежал из воинской части и хотел захватить в заложники ребенка?» Так они каждый по-своему подкололи меня. Если задуматься, уже тогда я вполне тянула на девушку со стройной талией и пусть не до конца оформившейся, но выпуклой грудью. Я уже была не ребенком, а подростком средних классов, поэтому меня даже несколько будоражил произошедший курьез со взрослым мужчиной, который пытался ухлестнуть за мной. Хотя впечатление было подпорчено тем, что им, как назло, оказался пьяный военный. Неужели

это было моей судьбой?

Пока я спускалась по лестнице, мне опять вспомнился этот ублюдок, из-за которого я в конце концов отважилась расстаться с жизнью. Каждый раз, спускаясь по этим ступенькам, я прокручивала в голове различные варианты, что можно было бы сделать, чтобы умереть... Пойти на то или решиться на это... Почти спустившись, я услышала, как зазвонил телефон.

– Юджон? Еще спит, наверно. А! Вон она идет...

Мать передала мне трубку. Это был старший брат.

– Это я! – сказала я, а у брата вырвался длинный вздох. Я вздохнула следом.

– Ты помнишь, что вчера произошло? – спросил он после долгого молчания. Чувствовалось, что ему с трудом даются слова.

– Ага... Я благодарна тебе.

И опять до меня донесся тяжелый вздох.

– На этот раз я хотел устроить тебе хорошую взбучку, но прощу ради маминого дня рождения. А то она опять сляжет – после операции прошло всего полтора месяца... Из родни больше никому не сказал.

– Спасибо.

– И еще... Мы уже взрослые, и я не собирался этого говорить, но все же... Вечером все обсудим. Мама слаба, так что не натвори ничего, до вечера сиди тише мыши. Тете Монике я позвонил. Больше туда... как их там... к смертникам или еще к кому не езд. Хватит.

– С чего это вдруг?

Мой вопрос остался без ответа, брат положил трубку. Я хоть и поблагодарила его, но помнила отнюдь не все. Наливая себе сок, я тщетно пыталась напрячь память и выстроить события прошлой ночи. На встрече с одноклассниками мы выпивали: сначала в одном заведении, потом еще в одном, и еще... Потом меня кто-то удерживал, но я уперлась, что поеду сама, и села в машину. Это я помнила. Потом полицейский участок... Там я что-то вопила, надрывая глотку. Вспомнила! Коротышка следовательно лет за пятьдесят начал выговаривать: «Где это видано, чтобы женщина напилась среди ночи... Таких перестрелять нужно». Вот на этих словах меня и прорвало...

«Чего-чего?! Что вы там сказали?! Я хоть и правонарушитель, тем не менее у меня тоже гордость есть, я тоже личность! Как вы там сказали? Перестрелять? И это заявляет гражданский представитель власти?! Ну давай, выпусти мне кишки!» – орала я благим матом в полицейском участке. И потом, кажется, позвонила брату. А когда он приехал, стала допытываться, откуда он узнал, что я здесь оказалась... После чего полицейские, оглядываясь на брата, цокали и перешептывались – не сумасшедшая ли она? Я вспомнила, как это жутко меня разозлило. Сейчас я не могла поверить, что это была я. Ладно бы поворчать, так ведь перед людьми, и не просто перед людьми, а в полицейском участке... Надраться и орать как очумелая... Кажется, теперь мне будет стыдно показываться в районе Итэвона. В памяти постепенно прояснились ночные события, опьянение постепенно отступало, как отлив, оголяющий почерневшие скалы на берегу.

Скорее всего, уже светало. Кажется, я плакала... Я помнила лишь то, что в машине до меня доносился женский плач. Там были только я и брат, а раз брат не женщина, выходит, плакала я. Интересно, подходили ли эти слезы к дядиному совету, когда он предлагал мне выплакаться? Может быть, именно из-за них я чуть протрезвела и начала спорить: «В голове не укладывается, как может у заключенных в течение шести месяцев быть меньше тысячи вон на счету... Это же уму непостижимо!» И, продолжая размышления, я в конце концов ляпнула, что из-за смертников голова идет кругом, жизнь не мила, и без его помощи мне не справиться... иначе свихнусь! Понятно, он был обескуражен, когда забирал младшую сестру из полицейского участка. К очередной недавней попытке самоубийства, расторжению помолвки с его молодым коллегой по моей инициативе добавилось едва не заведенное дело из-за вождения в нетрезвом виде... Как и отец, старший брат относился ко мне очень трепетно. Между нами была большая разница в возрасте, поэтому он возился со мной, как дядя с племянниками, и в детстве катал меня на заливке. Я до сих пор помню молодую, крепкую, теплую спину брата.

– Когда я был прокурором, каких только сволочей не перевидал. Даже в зале суда они ни капельки не раскаивались, что насиловали детей и убивали стариков. Поэтому от одной мысли, что я с этими выродками дышу одним воздухом и хожу под одним небом, мне

становится не по себе. Так что смертная казнь для них, можно сказать, еще более-менее культурное обхождение! Глядя на них, я иногда начинаю сомневаться, что они люди, а не звери. Конечно, нельзя так думать, но порой кажется, что в них вселился дьявол; да и вообще, судьба этого отребья predetermined уже с рождения. У этих подонков... вообще нет права на жизнь. Нелюди они... – Вот что ответил брат.

Я стояла со стаканом прохладного сока и разглядывала сад, освещенный теплыми солнечными лучами.

Брат произнес это, наблюдая за тем, как его младшая сестра, которая обычно и слезинки из себя не выдавит, рыдает и кричит, что свихнется из-за приговоренных к смертной казни... Скорее всего, он искренне переживал за меня, думая, что посещения изолятора нанесли мне еще более глубокую психологическую травму и я уже решу покончить с собой всерьез. Пытаясь утихомирить разъяренную пьяную сестру, он сказал в утешение:

– А я свихнусь из-за нашей тети. Конечно, можно понять ее чувства... Но когда она вдруг упирается и начинает доставать меня просьбами или о пересмотре дела, или о ходатайстве министру юстиции о смягчении смертного приговора и замены его на пожизненный срок, мне тоже повеситься хочется.

Брат, конечно, хороший человек. Все знают, что он бескомпромиссный прокурор и работает на совесть, не соглашается ни на какие лестные предложения. Поэтому он быстрее своих ровесников поднялся по служебной лестнице. Но все-таки слова «нелюди, звери», несмотря на алкоголь, меня зацепили.

– Когда я была студенткой, что ли... Помню, как я подошла к твоему кабинету в здании прокуратуры, но из-за воплей, доносившихся оттуда, не смогла зайти... Потом уже узнала, что от человека было получено признание с помощью пыток – его подвесили вверх ногами к потолку и раскачивали в разные стороны... Меня лихорадило, а ты, обнаружив мое присутствие, был поражен и отвел в кофейню на первом этаже. Пытался убедить, что ты не такой и что ты уже запрещал прибегать к таким методам, но чертов начальник отдела опять не послушался и пустился во все тяжкие... Однако ты не бросился наверх и не отдал приказ прекратить пытки. Помню, я тоже задумалась и про того сволочного начальника отдела, и про тебя, и про

прокуроров, к которым, ты, конечно, отношения не имеешь... Кто они вообще, люди или нелюди...

Брат ошарашенно посмотрел на меня.

– У меня тоже порой возникает вопрос, кто они. Те выродки, кто сорят деньгами в румсалонах^[15], где куча народу и где в открытую вытворяют такие вещи, которые не пристало делать человеку, ведь он не животное, чтобы спариваться невесть где... Те, кто без стыда, нагло залезают руками под короткие юбки молоденьких девчонок и лапают их там до остервенения... А на следующее утро эти мрази своими профессорскими ртами, все еще хранящими запах лона продажных девок, вещают о том, что такое священная наука, и о несправедливом разрыве между бедными и богатыми нашего общества, и т. д. и т. п. ... Когда в университете я встречаю этих сумасшедших тварей... Ведь это правда, что они толпами собираются в злачных местах, раздевают донага бедных несчастных девочек, которые вынуждены продаваться за деньги, заставляют их залезать на столы и изощряться, с помощью гениталий нарезая бананы и откупоривая бутылки. А сами любуются... Я хоть лично с этим и не сталкивалась, но в Париже французские друзья спрашивали, правда ли, что какие-то ублюдки то ли из ЦРУ, то ли сотрудники национальной обороны задержали в Корее участников демократического движения и подвергали их избиениям и издевательствам, связывали их по рукам и ногам, раздевали донага, заставляли проделывать унижительные вещи и даже подвергали сексуальным пыткам студенток чуть постарше меня. После таких вопросов я готова была провалиться сквозь землю... Тогда я тоже размышляла: эти твари – люди они или звери?.. Ну а убийцы? Конечно, нелюди. Чего там еще думать... Звери, да и только... А теперь ответь мне, пожалуйста. Какая категория нелюдей, которых я только что перечислила, имеет большую вероятность эволюционировать в человека?

Как и все пьяные, я, кажется, не очень-то следила за выражением лица брата. Он вел машину молча. Я продолжила:

– Тогда я тебе подскажу. Одни как минимум признают, что они совершили преступление, и неважно, какие обстоятельства привели их к этому... А другие не только не признают, что совершают предосудительные действия, так они еще и всегда будут считать себя нормальными личностями. Первые всю жизнь расплачиваются за

проступки, а вторые продолжают заниматься аморальными делами. И при этом причисляют себя к очень даже неплохим ребятам... Так какие же из них безгрешны?

– Ты нисколько не меняешься! Тебе сейчас вообще сколько лет? – воскликнул брат.

– Пятнадцать. – Я расхохоталась.

Он взглянул на меня с тем же прискорбным выражением, что и полицейские в участке, – до чего же непутевая, – и закурил. Я выхватила у него сигарету и затянулась. Он вздохнул и ничего не сказал.

– На то, что мне пришлось пережить пятнадцать лет назад, когда я по просьбе матери пошла к дяде в дом на Лунный Новый год, не обратил внимания никто из родных. Ты знаешь, почему я стала такой? Ты хоть знаешь, почему я докатилась до того, что три раза то лекарства глотала, то вены себе резала?! Я не могу понять и простить, что все вы – и мать, и вы, братья, и даже отец! – сделали вид, что ничего не произошло. Так же, как сегодня?! Стоило появиться старшему братцу, уважаемому прокурору, как на происшествие, из-за которого, естественно, должны были завести дело, просто закрыли глаза! Я думала, я умру! Нет, лучше было бы, если бы я умерла... Потому что все молчали, будто ничего не случилось. Мне понадобилось немного времени, чтобы понять, почему все так себя ведут. Ведь дядя был подающим надежды парламентарием от правящей партии, и, если бы не дядя, бизнес нашего семейства не развивался бы. Если бы он не делал поблажки, то и отец не смог бы идти на разные ухищрения: устраивать левые сделки, уклоняться от уплаты налогов, незаконно участвовать в торгах, злоупотреблять доверием и т. д.!

– Прекрати сейчас же!

Было заметно, что он долго пытался сдержаться. Он выхватил у меня изо рта сигарету и грубо потушил ее в пепельницу. Однако я была бы не Мун Юджон, если бы пошла на попятный.

– Тогда мне было всего каких-то пятнадцать лет... Теперь тебе понятно, почему я тогда хотела умереть и почему продолжаю сейчас? Тогда наша семья: мать, отец, мои братья, – вы были важнее, чем я... Ты вообще можешь себе представить, как мои родные поступили со мной?! Как сделали настолько несчастнее, что смерть показалась

избавлением... И теперь ты говоришь, что *эти* люди напоминают зверей?!

Брат вдруг резко развернулся. Я сильно качнулась и не смогла продолжить.

– Так никуда не годится, оставишь тебя сегодня одну – беды не миновать... – по-моему, пробормотал он.

Раздались звуки фортепиано. Это был ноктюрн Шопена «Разлука». Мама сидела спиной ко мне за огромным роялем, стоящим посреди зала. Когда-то она отдала кучу денег, чтобы постройнить, а теперь сильно похудела из-за болезни, ее тело иссохло, словно с него сняли толстый слой одежды. Стоило мне подумать, что семидесятилетней матери (не считая злокачественную опухоль) не так уж и долго осталось жить, как я настроилась на сентиментальный лад. Что мешает примирению перед смертью? С чем именно невозможно расстаться перед смертью? Особенно с ненавистью... Мать говорила, ей стыдно, что у нее удалена одна грудь. Удивлялась, когда эти раковые клетки успели так разрастись... Я слышала, как она обсуждала с подругой стоимость восстановления груди – двадцать миллионов вон. «Неужто собираешься участвовать в конкурсе „Престарелая мисс Корея“, – подтрунивала я про себя. – Интересно, скольким заключенным, не получившим за шесть месяцев ни единой воны, можно перевести из этой суммы, каждому по десять тысяч вон?» – подумала я и удивилась. Откуда у меня такие сравнения?

В ярко-розовой блузке и с шарфом из такой же ткани, изящно спускающимся длинным шлейфом, мама слегка дергала плечами в такт мелодии... Может, виной тому было слезливое настроение, но мне не захотелось зажать уши двумя руками, как раньше, да и теперь игра матери не была такой уж никудышной. Когда она закончила, я захлопала в ладоши. Из кухни, где возилась проходящая домработница, тоже раздались хлопки. И мать с выражением лица, говорившим «я – совершенство», начала следующую мелодию.

Причина, по которой я не перевариваю моих близких, заключается не в их богатстве и не в том, что они изо всех сил начинают изображать культурных творческих личностей, пытаюсь прикрыть

снобизм и пытаюсь доказать, что у них имеются не только деньги. Я не выношу, что они, будучи ужасно одинокими и несчастными, скрывают это с помощью всевозможных ухищрений и, когда по ночам оказываются наедине с собой, упускают шанс осознать и признать всю глубину своего одиночества, ничтожества и изолированности. Если в двух словах, то они все время не могут взглянуть правде в глаза.

Я пересекла комнату и подошла к роялю. Как же сильно раньше меня коробило это музицирование. После того случая каждый раз, когда мать в приподнятом настроении начинала играть подобные возвышенные мелодии, я зажимала уши и врубала в своей комнате рок на полную громкость. Все это из-за нее. Если бы мать исполняла популярную музыку, я бы, наоборот, слушала классику.

– Прекрати! Выключи, говорю тебе! – вопила она и, не выдерживая, врывалась фурией в мою комнату, а я, мигом уменьшив звук, с безмятежным лицом вопрошала:

– Что?

– Убавь звук!

– Я же убавила.

– Ты сводишь меня с ума, на что, спрашивается, я родила тебя, чтобы так изводиться?! И зачем я только родила тебя... Когда врач убеждал меня, что беременность слишком поздняя, почему я его не послушалась – надо было тогда избавиться... Все твой папаша твердил: этот ребенок – подарок Господа...

На первый взгляд, эта тихая победа была за мной, однако мать не знала, как мое сердце обливалось кровью в эти минуты... Тогда я даже прокляла религию, запрещающую делать аборт. Мне был близок страстный призыв библейского Иова: «О ночь, в которую я был зачат! Я проклинаю тебя! Зачем я не умер в чреве матери и задышал, выходя из утробы?»

Удостоверившись, что ее шаги доносятся с первого этажа, я снова врубала звук на полную, и это было моим отмщением за сочащиеся кровью раны, которые она мне нанесла. Было даже время, когда я огрызалась, с издевкой спрашивая: «А я просила тебя рожать?» Мать же на это незамедлительно выпаливала: «Думаешь, я тебя родила от великого желания? Если бы знала, что это будешь ты, не вздумала бы и зачинать!»; «Когда отец твой меня удерживал, надо было его не слушать и в больницу идти...» Я же отвечала: «Выходит, тогда ты не

смогла убить меня еще в животе, а теперь решила довершить недоделанное – избавиться от меня! Так чего ты останавливаешь? Отчего не даешь умереть?!» А мать вопила: «Умирай не у меня на глазах! Умирай там, где я не смогу тебя остановить!» Примерно такими репликами обменивались мы с матерью. А потом вдребезги разбивалась ни в чем не повинная утварь – ваза или пластинка. Но сегодня, перейдя свой тридцатилетний рубеж, услышав, как семидесятилетняя мама играет первый фортепианный концерт Шопена, я захотела спросить у нее...

– Не отвлекай! Эта мелодия требует особой сосредоточенности, – как обычно, отказала мать, когда я подошла ближе.

Я вспомнила сцену из детства. Однажды в доме собралось много гостей, и мама, одетая в красивое сиреневое концертное платье, рассадилась всех по рядам и, по-моему, заиграла эту мелодию, но вдруг расплакалась, не доиграв, и выбежала из комнаты. На бегу она вроде что-то пробормотала. А когда один из присутствующих уточнил, что с ней такое, другой в растерянности ответил: «Она сказала, что не может этого вынести, такая грустная мелодия, что она больше не может играть...» Отец с улыбкой пояснил: «Супруга моя – человек искусства, натура крайне ранимая и даже при декламации стихотворения плачет»... Среди гостей послышался неоднозначный смешок. Мне стало стыдно. Казалось, отца сильно утомляет жена-пианистка. Естественно! Она закончила престижную высшую женскую школу, а отец – высшее профессиональное училище торговли и коммерции... Я тогда понятия не имела, что значит «престижный», но, возможно, тетя держалась от моей матери подальше как раз из сочувствия к старшему брату.

Я молча ждала, когда она закончит играть. Неужели слезы все-таки оказывают такое воздействие – выплакавшись вволю, сегодня я чувствовала себя по-другому... Возможно, именно это душевное состояние позволило мне стоять и безучастно наблюдать за игрой. Ведь и солнце на всех одинаково светит, и на хороших, и на плохих.

– Мам! С днем рождения!.. Я не приготовила подарка... Если честно, я даже забыла, что у тебя день рождения... В любом случае сейчас я тебя поздравлю, а подарок потом куплю.

– Можешь не поздравлять, и подарка тоже не нужно. Лучше не заставляй меня из-за тебя нервничать.

– Все равно поздравляю. Все же поздравить, несмотря на причиненное беспокойство, лучше, чем заставлять нервничать и не поздравить...

– Ты опять за свое? Я тебя уже боюсь до смерти. Когда ты в больнице грохнула капельницу и посмотрела на меня исподлобья, мне вдруг показалось, что в тебя вселился дух твоей умершей бабушки по отцу.

– Ну началось...

Речи о том, как я похожа на родственников по линии отца, не предвещали ничего хорошего. Меня уже давно мучил вопрос, о чем же мать молится в храме... Но я велела себе терпеть. Все-таки ее день рождения.

– Мам!.. Ты испытывала в своей жизни счастливые мгновения?

Мать холодно усмехнулась.

– Я имею в виду, были ли у тебя моменты, когда ты думала: «Как же я счастлива!»

Наверно, мне хотелось поговорить с матерью, которой осталось не так уж долго. С мамой, в теле которой неизвестно когда снова начнут распространяться раковые клетки, и она будет умирать в больничной палате... Я наблюдала за теплыми солнечными лучами, освещающими сад, и хотела завести настоящий диалог. В день ее рождения мне хотелось такого разговора, какой соскучившаяся мама ведет с дочерью, вернувшейся в родительский дом после долгого отсутствия. Я хотела сказать: «Мама! Я с самого появления на этот свет почти не помню себя счастливой... У меня было все, чего не было у других, я попробовала многое из недоступного другим, одевалась, как никто другой... Но знаешь, мама, я не могу вспомнить, что я когда-то была счастлива...» И то ли потому, что я заговорила с непривычной для меня мягкостью, то ли потому, что мать по своей природе была не таким уж и злым человеком, хотя ее высокомерие и заносчивость порой били через край (ведь с раннего детства ее носили в школу слуги в паланкине, как тогда было принято у обеспеченных семей), неожиданно для меня она отреагировала достаточно мирно:

– Где оно, счастье-то... По молодости пришлось ухаживать за твоей темной бабушкой по линии отца, терпя все ее выходки, – она страдала старческим маразмом. Потом нервничала из-за бизнеса мужа, боялась, что он обанкротится. Потом растила троих мальчишек, и только хотела

снова взяться за фортепиано, как неожиданно появилась ты, так что в конце концов пришлось забыть про музицирование. Тут еще ты нервы треплешь... И сегодня, в день моего рождения... А я только недавно с операционного стола, и у меня снова рецидив; смерть поджидает на пороге. Три моих невестки даже не показываются... Как тебе такое?

Я вздохнула про себя. Ну вот опять! У нее сплошной негатив, несмотря на то что у нее есть все, чего только не пожелает. Когда отец был жив, он ей даже стакана вымыть не позволял. Говорил, при мытье посуды она может поранить пальцы и впоследствии это помешает ей играть на любимом фортепиано... И все равно ей все виделось в черном свете.

– Такие занятые! И пианистка, и врач, и актриса! Старшая невестка наверняка вся на взводе перед выступлением; средняя, видимо, на дежурстве в больнице; а у младшей, как я поняла, поздняя беременность. Ты ведь при встрече с подругами наверняка хвастаешься: среди моих невесток и пианистка, и врач, и актриса. И подруги тебе завидуют... А вот дочка единственная болтается без дела... Хоть она, недотепа, пришла с утра поздравить. И то слава богу!

– Да ну тебя! Ночью напилась до потери сознания – брат на загривке притащил, а с утра снова несешь ахиною... Я впервые за долгое время собралась сыграть на рояле, а ты пришла тиранить меня...

– Когда это я тебя тиранила? Просто поздравила, и все!

– У меня от одного взгляда на тебя начинает голова раскалываться и аппетит пропадает! И вот еще, раз уж довелось увидеться, скажи-ка мне, чем это тебе прокурор Кан не угодил?

Я громко расхохоталась. И, смеясь, должна была в очередной раз признать, что люди (я не исключение) не меняются. Прошлой ночью брат был прав. Мать, перенесшая операцию и стоящая на пороге смерти, и дочь, чудом ее избежавшая и наконец появившаяся в доме матери, остались прежними, встречая одинаковое утро. Возможно, в этом мире только это и остается неизменным.

– Я, как и ты, не люблю мужчин, которые выросли в семье простолюдинов. Ведь и ты, по правде говоря, всю жизнь гнушалась отца с тетей. Вот и я, видимо, взяла это от тебя, – пробормотала я сквозь зубы.

Мать в такт музыке слегка встряхнула плечами, а потом взглянула на меня с таким выражением, будто я – инородный объект.

– Вот-вот! Ты точь-в-точь вылитая тетя!

Я хотела сдержаться, но почувствовала, как во мне вскипели все мои детские обиды. Ох уж этот железный тон! Остаться здесь больше не было смысла. Хотя я и пыталась себя убедить тем, что это все-таки день рождения, это не помогло разрушить крепкую стену между нами, воздвигнутую прошлым... Возможно, для ее обрушения требовалось еще какое-то время. Но зачем пенять на время, если не было желания все исправить? А когда оно возникало, то намертво укоренившиеся замашки с легкостью сводили всё на нет. И мамин день рождения, и даже неизвестно когда предстоящие поминки не могли изменить ситуацию. Отходя от рояля, я бросила:

– На тебя я похожа. Думала, на тетю. Но нет... твоя копия, один в один! И поэтому я сама себе противна!

Как и всегда, я сыграла роль неблагодарной дочери. И теперь мать за ужином будет без конца жаловаться братьям на то, что я пришла и расстроила ее, испортила ей все праздничное настроение, сократила годы ее жизни и тем самым нанесла им невосполнимый ущерб. Невестки будут неловко жевать еду, пытаюсь скрыть, как им все надоело, а братья с подобающим терпением и почтением будут изо всех сил стараться выслушать до конца престарелую и обессилевшую мать. Потому что она в любом случае не остановится, пока не выговорится. К тому времени ужин подойдет к концу, и кто-то, подыскав предлог, словно студент, закончивший ненавистные занятия, встанет первым, а за ним быстренько разойдутся и остальные. И тогда мама закончит этот день не пожеланием доброго сна, а воплями и криками без причины на бедную девушку-домработницу. Ей бы рассказать о том, как ей одиноко, показать, как ей хочется, чтобы кто-то был рядом и дарил ей любовь, отвечал теплом на ее заботу, но она будет вопить о треснувшей чашке и непротертом трюмо... Я не смогла бы остаться в этом доме до вечера. И как подросток, который уходит из дома, поругавшись с родителями и громко хлопнув дверью, я нагло громко топала, поднимаясь за сумкой на второй этаж. Но когда уложила вещи и собиралась уже выйти, в моей душе заскребли кошки – со мной происходило что-то непонятное.

Мы существовали, словно вымокший мусор, прибежищем которому служат глухие закоулки города. Там же обитали подобные нам ребята – руководил ими дядька лет за сорок, он и нас устроил на ночлег. Взамен мы должны были бродить по подземке, базарным площадям и заниматься попрошайничеством. Ынсу был слепой, поэтому люди проявляли к нам особую щедрость. Всю ночь напролет мы корпели над плотным картоном, выводя: «Мой младший брат – слепой. В деревне, еще ребенком, он отравился лекарством и перестал видеть...» Сердобольные мужчины и женщины подавали нам деньги. Наконец наступил день рождения Ынсу. Я уточнил, чего он хочет из еды, и брат попросил обожаемую им лапшу в стаканчике. А дядька, которого мы звали Черный, хоть и не отказывал нам в лапше, в стаканчиках ее не покупал – стоило дорого, а лапши в нем было всего ничего. Однажды ночью я попытался украсть коробку лапши в лавчонке на углу, которую я успел приметить раньше, шатаясь по рынку. Меня поймали с поличным: хозяин завопил, я схватил коробку и дал дёру, но вместо меня схватили Ынсу, стоявшего в растерянности неподалеку. Хозяин накинулся на него с кулаками, брат ревел и звал меня снова и снова. Был бы я один, удрал бы без проблем, но не мог же я бросить моего бедного Ынсу. Я вернул лапшу хозяину и принялся умолять отпустить нас. Он заявил, что это уже десятая пропавшая коробка, и потащил нас в полицейский участок. Там все кричали, что таких паршивцев нужно как следует проучить, и, сколько бы мы ни клялись, что остальные коробки украли не мы, нас отправили в колонию для несовершеннолетних. Ынсу пошел как мой поделник. И тогда я твердо решил, что больше никогда не буду унижаться и упрашивать. Ведь единственный путь выжить – это обладать деньгами и силой.

Глава 9

Поразительно, как память спустя время обнажает детали, которые ранее не замечались. словно точечный свет, выхватывающий актера второго плана, едва заметно жестикулирующего в углу сцены, она не просто оживляет незамеченное, но и позволяет взглянуть на события прошлого под другим углом. И порой новый смысл не соответствует нашим воспоминаниям.

Мне снова нужно вернуться в ту комнату для свиданий, место, где мы всегда встречались. Нам не дано было видеться где-то еще, поэтому все будет происходить по одному сценарию, в одном месте, в одной обстановке. Там жизнь сталкивается со смертью и темноту пререзает единственный луч света. Что ж, пора идти туда, где преступление, наказание и надежда ведут кровавую битву, отчаянно защищая свои крепости. Туда, где вплотную боролись за превосходство движущие силы этого мира, уловить которые человеческими органами чувств невозможно. Старуха, жившая то ли на Майари, то ли в районе Самяндон, все же настояла на визите. В день моего третьего посещения она была с нами и принесла-таки с собой тток.

С ней и тетей Моникой мы ожидали, когда надзиратель приведет Юнсу. В комнате царило молчание. Тетя съежилась на стуле, закусив губу. Старуха была в нарядном ханбоке^[16] изумрудного цвета, который совершенно не гармонировал с ее темным морщинистым лицом. На столе лежал не успевший остыть тток, завернутый в такой же изумрудный платок. За окном была зима, однако солнечные лучи давали немного тепла, как и этот тток. заключенного привели на тридцать минут позже назначенного времени. Юнсу отказывался приходить сюда, надзиратель убеждал выйти на встречу. Я не знаю, какой диалог мог у них состояться за это время, конечно, я могла строить догадки, но, если честно, они лишь наполовину будут соответствовать истине.

Возможно, это не лучшее сравнение, однако старуха словно встретила своего блудного сына и оглядывала узника с головы до пят, рассматривала каждую черточку его лица, стараясь не упустить ни

одной детали. Все мы: старуха, я, тетя Моника, Юнсу и офицер Ли – неловко и напряженно ждали.

– Присаживайтесь!

Самым невозмутимым среди нас оказался надзиратель: он налил в чайник воды и включил его. Офицер вел себя степенно, как практически все чиновники, которые серьезно готовятся к сдаче экзамена на получение должности госслужащих. Только теперь до меня дошло, что тетя не совершила обычную процедуру: входя в эту комнату, она всегда первым делом кипятила воду. Сейчас помещение переполняло настолько гнетущее молчание, что все мы были признательны даже звуку закипающей воды.

– У тебя все в порядке? – наконец спросила тетя.

Юнсу выглядел совершенно растерянным.

– Да. – Он попытался выдать из себя улыбку, однако лицо перекосило, словно мятый лист фольги. Старуха с Самяндона уперлась взглядом в кожаные наручники заключенного.

– Что же это... человека... словно звереныша какого спутали... мука-то какая... – пробормотала она себе под нос. Но в комнате было настолько тихо, да и, будучи сильно взволнованной, она не смогла контролировать громкость голоса, поэтому все смогли расслышать эти слова. Нам снова стало не по себе... Возможно, из-за «звереныша».

– Юнсу. Вот пришла та... та... – Тетя запнулась на полуслове. Дальше она должна была пояснить, что это «мать женщины, которую ты убил», или – если официальными терминами – «мать женщины, которую ты лишил жизни». Но тетя, сделав паузу, сглотнула слюну и договорила:

– Мать той женщины... которая по твоей вине отправилась на небеса... – Тетя громко сглотнула.

Я невольно проделала то же самое. Порой слова могут звучать так конкретно и реалистично, что становятся жестокими... Наверно, поэтому говорят: перо острее клинка.

– Мать той самой домработницы.

Голова Юнсу упала на грудь, словно подрубленная. По слухам, приговоренные к смертной казни умирают шесть раз: когда их схватили, потом во время судов первой, второй и третьей инстанции, а затем уже на самом деле во время казни. Шестая же смерть происходит каждое утро... На рассвете, когда звучит сигнал о подъеме, они

готовятся умереть. Если же разрешают прогулку и наделяют пайком, то в этот день они не умрут. Рассказывают, лица смертников белеют как простыня, если перед утренней разминкой раздаются гулкие звуки шагов в переходах. Юнсу сейчас выглядел так, будто уже подвергся смертной казни. Выражаясь иначе, такая упертая мать жертвы заставила его гореть в адском пламени. Он сидел рядом со мной, и я заметила, как дрожит его подбородок. Вот что такое преступление... Тогда я наконец осознала: грех уже не исчезнет бесследно, как и вылетевшее слово. Это ведь не какой-то пустяк, рассеивающийся со временем легкий бриз.

– Я хотела... увидеть тебя. Вот и пришла...

Плечи Юнсу дрожали. Все его тело тряслось, как трава, колыхающаяся даже от слабого дуновения ветра. «Вот, оказывается, что такое человек... Все мы без исключения, даже убийцы, – слабые существа, которым ничего не остается, кроме как дрожать», – подумала я, опечалившись.

– Праздник же... Эта женщина откладывала понемногу риса и в честь праздника... захотела угостить тебя ттоком... – снова выступила тетья.

Из-под низко опущенной головы послышалось какое-то бормотание.

– Ты что-то сказал?

– Это. Была. Ошибка. Простите... меня... пожалуйста. Я. Виноват. Прошу, простите...

Какое же все-таки странное существо человек! Его слова, по идее, должны были прозвучать без особого раскаяния, ведь старуха – жертва, а Юнсу – уголовник, и не просто преступник, а совершивший самый ужасный грех. Однако в тот момент Юнсу почему-то казался мне пострадавшим. Одновременно с этим я думала о том выродке, про которого недавно вспоминала и про которого кричала брату по пьяни сквозь рыдания. Даже если бы я убила его мысленно, он все равно оставался бы моим заклятым врагом. И у меня, скорее всего, не проснулось бы в душе ни малейшего намека на сочувствие. Но с Юнсу было все не так: я четко ощущала боль, через которую он проходил, хотя он причинил зло другому.

– Я не знала, какой тток тебе понравится...

Старуха из Самяндона медленно встала и начала развязывать узелок. Шуршание тонкой и мягкой ткани, в которую был завернут тток,

казалось в этой маленькой комнате раскатами грома. Ее руки тоже заметно тряслись, и она никак не могла справиться с узлом. Надзиратель не выдержал и подошел помочь. Когда платок наконец был развязан, показался белый тток Пэксолги в металлической коробочке. Старуха взяла ломтик аккуратно нарезанного ттока, намереваясь протянуть его Юнсу, однако вместо этого она повернулась к нему и без сил опустилась на стул. Ее губы тряслись так же, как и у него. Глаза офицера Ли сузились от напряжения.

– Но почему? Зачем тебе нужно было убивать ее? Сукин ты сын! Что же ты наделал, паразит ты этакий!.. Убить тебя мало!

Пришел момент, которого мы все опасались, – мы трое сидели с обреченным выражением лица... И тут же сожаление отразилось на лице тети. Как ни крути, есть в этом мире вещи, неподвластные человеку.

– По... пожалуйста, прошу вас, успокойтесь!.. – Поднявшись, она попыталась унять вновь вскочившую старуху. Старая женщина даже не могла плакать и вмиг потемнела лицом.

– Как ты мог? Забрал бы деньги, а человека не трогал бы... Взял бы деньги... а человека-то оставил бы в живых... Денег всегда заработать можно, а вот ее не вернуть... Не возвращаются оттуда... Жизнь и так коротка, зачем ее еще укорачивать...

Наконец старуха без сил опустилась на стул и разразилась слезами. Она всхлипывала, периодически даже завывала. В руках она сжимала ломтик ттока, который так и не смогла отдать Юнсу, и скомканный носовой платок; ее маленькое тело съежилось, и она стала казаться еще меньше. Только сейчас мне бросилось в глаза, что и Юнсу, и старуха одеты в одежду зеленого цвета. И оба сидели скрючившись. Хотя зеленый ханбок старухи, конечно же, был случайностью, мне вдруг пришло в голову, что они находятся под действием одного проклятия, от того их так и корежит. Юнсу все еще потряхивало. Взглянув на него, я отметила, что его волосы прилипли ко лбу, как намазанные клеем. Я не люблю избитых выражений, однако мне ничего не остается, кроме как воспользоваться одним из них – холодный пот лил с него как из ведра.

Офицер Ли поднялся – видимо, собрался отвести Юнсу обратно в камеру.

– Погодите. Пожалуйста, господин, прошу вас... – произнесла старуха сквозь рыдания.

Надзиратель в растерянности снова присел. Тетя предложила ей стакан воды. Несмотря на свое горе и эту ситуацию, старуха по своему обыкновению пыталась угодить другим и несколько раз повторила: «Простите, ради бога, простите меня, сестра!» Непонятно, черт побери, за что она просит прощения, однако это ее «простите» звучало как приговорка, прочно прилипшая, неотступно сопровождающая ее по жизни. Старая женщина медленно отпила воды и посмотрела на Юнсу. Его лицо взмокло, пот сбегал по вискам, под мышками расплывались мокрые пятна. Когда старуха попыталась стереть с его лица пот платком, уже промокшим от ее слез, Юнсу застонал сквозь стиснутые зубы. О да! Этот звук в точности напоминал рев зверя, которого тащат на скотобойню. Старуха горестно скривилась, на мгновение закрыла глаза и затем медленно заговорила:

– Прости. Я пришла, чтобы простить... И хотя сестра отговаривала меня, что еще рано, я заупрямилась. Прости... Пока что до конца я не смогу... Прости меня, сынок... Как увидела тебя, сразу дочку вспомнила, и ненависть разбередила раны, вот и стала на тебя нападать... Перед тем как прийти сюда, я всю ночь не могла глаз сомкнуть, все собиралась с духом, чтобы не произошло ничего подобного... Ты и представить себе не можешь, как хочется вцепиться в тебя... И докопаться, зачем ты пошел на такое, неужели нельзя было обойтись без убийства... Ты не мог бы помолиться за меня? Сынок, смотрю я на тебя – ты ведь совсем не кажешься злым и симпатичный, дрожишь-то как осиновый листок, и все это только сильнее меня изводит. Но все же я буду приходить. До тех пор, пока не смогу простить тебя до конца... Ехать сюда неблизко, да и на проезд деньги нужны, поэтому часто появляться не смогу, но в праздники обязательно приеду. Привезу тебе ттока... Так что ты до тех пор не... умирай...

Ее снова сотрясала дрожь. По лицу бежали капельки пота. Казалось, за эти несколько минут ее волосы еще больше поседели. Да и тетя в этот короткий промежуток времени вслед за нею стремительно старела.

– Простите меня, сестра... Простите, что устроила весь этот переполох, – снова проговорила старуха из Самяндона, низко кланяясь.

И добавила надзирателю: – Простите меня, старую, за излишнее упрямство и за то, что причинила вам столько хлопот.

На офицера Ли было жалко смотреть. Даже для него с его десятилетним опытом работы такое зрелище было большим потрясением – на его лице отражались недоумение, растерянность и скорбь. Юнсу поднялся вслед за охранником, его голова по-прежнему была низко опущена. Утирающая смятым платком слезы старуха сказала уходящему Юнсу:

– Не умирай! Ты должен жить, пока я не прощу тебя...

Слезы и пот смешались на лице Юнсу. Сегодня, шагая на выход, он прихрамывал больше обыкновенного.

– Ну будет, будет. Вы сделали все, что могли. Не существует большего прощения. Никакой, даже самый великий человек не сможет пойти на большее. Вы удивительная женщина! Я, монахиня, и то не смогла бы на такое решиться, – сказала тетя, взяв старушку за руку.

По дороге обратно, пока я везла их в машине, старуха из Самяндона не проронила ни слова. Казалось, она сейчас находится в комнате глубокого молчания, которую сама построила: так бывает, когда человек перед действительно важным событием ведет искренний диалог с самим собой и, независимо от внешности и образования, от него в такие минуты исходят какое-то величие и достоинство. Закончится сегодняшний день, и завтра она снова, скрючившись в три погибели, будет собирать пустые бутылки и старые газеты, сдавать их в утиль и отмечать в своей сберкнижке поступление в 3150 или 2890 вон; при состоятельных посетителях, которые принесут мешок риса или упаковку мяса, она подобострастно улыбнется. Но сейчас от нее исходило невероятное сияние, которое не шло ни в какое сравнение даже с сиянием от особ королевской крови. А тетя Моника на ее фоне, наоборот, выглядела заурядной старушкой. Эта женщина из Самяндона с простодушием ребенка отважно решила простить так, как сын Божий Иисус перед смертью. Как человек она потерпела поражение и даже знала, что причиной этому была гордыня. Но в те минуты в моем сердце над ее головой сиял лавровый венец святости. И это не зависело ни от ее прошлого, ни от ее будущего. Видела ли я в своей

жизни подобное у других? В моем окружении люди не менялись, жили как привыкли. И даже тетя Моника не была исключением.

И вообще, почему эта старушка, у которой, по ее же словам, нет ни образования, ни знаний, ни веры... Почему она изо всех сил старалась его простить? Столько книжек издано, начиная со Священного Писания, где взывают к прощению, повторяя: «Умейте прощать!» Духовники до умопомрачения кричали о том же, но человек до сих пор не мог воплотить это в жизнь, а вот бабушка возьми и решишь на такой поступок! Что же это за простота такая великая?!

На следующей неделе, как мы и договаривались с тетей, было последнее посещение тюрьмы. Лунный Новый год прошел, и погода стояла по-весеннему теплая. В тот день, несмотря на то что офицер Ли заходил к нему трижды, Юнсу отказался от встречи с нами. После третьей попытки переубедить его офицер печально покачал головой.

– Сегодня лучше оставить его в покое. Видно, прошлый визит был большим потрясением. Если присмотреться к нему повнимательнее, то он очень даже простой парень... После той встречи он ничего не ел, даже старший надзиратель навестил его с проверкой – оказалось, что он совсем слег. Позавчера его поместили в лазарет и насильно поставили ему капельницу. Мне тоже немного досталось от начальника по учебно-воспитательной работе за то, что я позволил прийти на встречу той старушке... Знаете, из-за опасения, что он покончит с собой, к нему даже надзирателя приставили на 24 часа в сутки. Так что мне и от коллег по работе пришлось выслушать много нелестных слов.

– Ты уж прости, что так вышло... Поставили тебя в неловкое положение. Теперь-то Юнсу кушает? – обессиленно спросила тетя, на что офицер Ли заулыбался.

– Да, хоть и немного, но ест. Вы знаете, я впервые видел, чтобы смертник голодовку устроил. После того как не стало политических диссидентов, такие случаи – большая редкость...

Уже позднее я поняла, насколько это комично: ставят капельницу для сохранения жизни тому, кому законом предписано быть убитым. «Надо же! Стараться спасти, чтобы потом убить...» – недоумевала я.

Синий блокнот 10

Когда нас поместили в исправительно-трудовую колонию для несовершеннолетних, я почувствовал какое-то удивительное облегчение. Даже сейчас это чувство кажется странным, но, видимо, я надеялся, что теперь мне не надо будет ломать голову, как прожить новый день. Не нужно заботиться о ночлеге и не придется переживать жуткое одиночество... Как в то время, когда мы с Ынсу стояли на станции метро, обутые в стоптанные кроссовки на голую ногу, а пассажиры в считанные минуты расходились кто куда, и мы чувствовали, что остались во вселенной совершенно одни и нам некуда податься. Здесь не надо было беспокоиться, чем и как перебить голод... Может быть, я ощутил комфорт еще и от того, что здесь собрались такие же дети, брошенные матерями и испытывавшие на себе тяжесть отцовских побоев. Однако, как всегда, мои ожидания меня обманули.

В первую же ночь после переклички, когда я зашел в комнату, держа Ынсу за руку, ребята обступили нас. Мы с братом оказались самыми младшими, поэтому я струхнул. Да, до этого я достаточно набил руку в разборках на кулаках, но здесь было закрытое заведение, и я совсем не знал местных порядков. Тут тоже были свои главари, отдающие приказы, и их прихвостни. И вот один из них, указывая на Ынсу, бросил:

– Спорим, я одним пальцем смогу поднять эту мелюзгу?

В ответ ватага разразилась хохотом. Я не понял, что это могло значить. В мгновение ока двое парней схватили меня за руки, и я почувствовал неладное. Один из них постелил одеяло и уложил на него Ынсу. Когда я стал вырываться, мне прилетел кулак.

– Че ерепенишься, дурья башка? Говорят тебе, чуть приподымет его главный наш!

Остальная братва спустила с Ынсу штаны. Я даже представить себе не мог, что они собираются вытворять. Ынсу, словно рыбка, которую выловили из аквариума, беспомощно распластался перед ними. Тот тип, кого называли главным, горделиво оттопырил указательный палец и, потрясая им в воздухе, проговорил:

– Вот этим одним пальцем!

Ничего не видящий брат звал меня. А сволочь приставила свой палец к члену Ынсу и начала им трясти. В голосе Ынсу, зовущего меня, гласные с согласными начали перемешиваться, превращаясь в нечленораздельные крики. Его член начал набухать, а приглушенные взволнованные вопли толпы лишь усиливали его возбуждение. Спину лежащего перед ними, словно рыба, двенадцатилетнего Ынсу стало потряхивать. После чего апогеем всей этой сцены изверглась беловатая сперма. В тот момент его тело почти наполовину зависло в воздухе. Удерживающие меня за руки отвлеклись, гогоча над Ынсу, я воспользовался этим, вырвался и кинулся на мразь, называвшуюся главным, и не задумываясь вцепился ему в горло. Если бы надзиратели тогда не подоспели, я бы убил этого гада. Охранник меня оторвал и потащил к выходу. Пока меня волокли, я оглянулся и увидел, что Ынсу отрешенно лежит с широко распахнутыми глазами, уставившись в пустое пространство, а по его щекам текут слезы. То, что меня хорошенько отколотили, это ерунда, как и не беда внесение пункта «избиение» в мою личную историю. Представляя, как эти твари будут измываться над незрячим братом, который остался с ними один, я, казалось, сходил с ума. Я выл как зверь.

Глава 10

Встречам нашим пришел конец, а я так и не успела спеть Юнсу гимн. Тетя расстроилась, но я решила – на этом хватит. Скоро должны были начаться лекции в университете, да и дел невпроворот – убеждала я себя и тетю.

Однако когда наступил очередной четверг, я проснулась против обыкновения рано. На улице было белесо и пасмурно. Подойдя к окну, я увидела, что идет снег – ослепительно белая метель. Я задумалась о том, как тетя добирается до тюрьмы. Сначала ей на метро до станции «Индоквон», пересесть на местный автобус, на нем доехать до окрестностей изолятора, а потом подняться пешком в горку. «Хорошо, если бы сегодня эта строптивая женщина поехала на такси, – размышляла я. – Вдруг она проделает весь этот путь в такой непогоде, а упрямец Юнсу откажется от встречи?» Пока мысли одна за одной проносились в моей голове, я даже не притронулась к чашечке свежемолотого кофе, которая обычно знаменовала ранний подъем. День был холодный: я включила посильнее отопление и налила в ванну воды. Вспомнила об условиях заключенных: им позволяли лишь раз в неделю принять пятиминутный душ... Юнсу в одежде, намокшей от пота... Я разделась и медленно опустилась в ванну. И предалась воспоминаниям о том, как во время учебы во Франции я ездила к подруге в гости, учившейся в Германии. У нее по телевизору показывали здание, чем-то напоминающее таунхаус, – многоквартирный дом, в котором жили какие-то женщины. Обычный такой дом с двумя, по-моему, комнатами и небольшой кухонькой. В комнате стояли двухэтажные кровати, и четыре женщины с шутками и смехом занимались приготовлением еды. Они постоянно устраивали перекур; также показывали, как они прихорашиваются. И когда подруга пояснила, что это показывают тюрьму, я не могла поверить своим глазам. Потягивая пиво, кто-то спросил: «Это случайно не эксперимент со строительством новых образцовых тюрем?» – «Нет, это обычная тюрьма». Немного позже одна из женщин вышла за пределы тюрьмы в сопровождении охранника. Подруга рассказала: «Раз в месяц она ходит на встречу со своей дочерью». Кто-то тогда

воскликнул: «Вот это да! Им там живется получше нашего!» На экране мы увидели, как мать, встретившись с дочерью, уплетает гамбургер и играет с ней в куклы. После чего снова возвращается в тюрьму. Тогда кто-то предположил: «Если бы и вправду тюрьма была такой, возможно, там была бы не прочь оказаться третья часть населения Кореи». А в это время на экране крупным планом показали плачущее лицо женщины после свидания с дочерью. Подруга ответила: «Да нет, смотрите, она же говорит, что хочет поскорее выйти оттуда. Хочет скорее освободиться и жить со своей любимой семьей».

Зазвонил телефон. Я не хотела отвечать, но, судя по настойчивости, звонил кто-то, обладающий недюжинным терпением. Я торопливо выскочила из ванной. Оказалось, что это офицер Ли из сеульского изолятора.

– Я, верно, напугал вас своим внезапным звонком? Ваш телефон мне дала сестра Моника. Мне кажется, вам следует приехать.

Хоть я и переживала за тетю, эта просьба меня раздосадовала. К тому же звонок вытащил меня из неги горячей ванны.

– Что случилось? – спросила я.

Офицер Ли, чуть замявшись, ответил:

– Сестра Моника ушиблась. Ничего страшного, просто по дороге сюда она, видимо, поскользнулась на гололеде. Хотел вызвать такси, но столько снега навалило... Уговаривал ее немедленно поехать в больницу, но она попросила позвонить вам. Когда подъедете, покажите на проходной ваше удостоверение личности и подождите меня, я подойду.

Делать нечего, пришлось наскоро одеться и ехать. Вроде бы весна уже начала вступать в свои права, но тут на тебе – внезапная снежная атака! Вопреки ожиданию, машин на улицах было мало. Вообще-то я обычно лихачу: резко торможу и нагло иду на обгон. Когда я только начинала водить, шоферы огромных грузовиков опускали стекла и крыли меня откровенным матом. Тогда еще женщин-водителей было немного. Я старалась избегать их взглядов, словно облитая помоями. Мне было страшно, но в то же время меня переполняло возмущение. Иногда я едва избегала столкновения, проворно проносясь мимо; машина даже чуть кренилась; и каждый раз в такие моменты мое сердце пронзало странное наслаждение.

Однако в тот день я ехала очень осторожно. Неизвестно, как сильно травмирована тетя, но если и со мной что-то приключится, мне почему-то казалось, что все тогда пойдет наперекосяк. Впервые в жизни я подумала, что я и моя машина сейчас едут за самым дорогим пассажиром в мире, поэтому нельзя гнать как попало... Ведь для меня каких-то там полчаса не жалко и на помойку выбросить, а для тех, кто надеялся на встречу с тетей, эти же тридцать минут могли быть последними... До меня вдруг дошло, что я представляю лицо Юнсу. Взмокшие от пота волосы и трясущиеся губы... И с чего бы это его образ всплыл в моем сознании? У меня защемило в груди. Я задумалась, бывало ли в моей жизни, чтобы я кого-то жалела, кроме самой себя, до боли в сердце. Я аккуратно тормозила и старалась никого не обгонять. А если сзади подпирала машина с включенными поворотниками, я не прибавляла газу. Несмотря на торопливый стук сердца, я уговаривала себя, что в таких авральных ситуациях нужно быть предельно осторожной. Когда подъехала к изолятору, все тело затекло. И только тогда поняла, с каким напряжением я вела машину.

Вслед за офицером Ли я вошла в комнату для свиданий – тетя с Юнсу сидели друг напротив друга. Голова тети была обмотана носовым платком. Выглядела она комично. Старая монахиня в черном покрывале, поверх которого повязана розовая тряпица с рисунком из мелких цветочков... На затылке виднелась засохшая кровь. Тетя походила на отчаянного демонстранта из демократического союза рабочих. Сперва я подумала: «Ну что ж, я проиграла, сдаюсь, тетя!» А потом я засмеялась. Вслед за мной заулыбались и офицер Ли с Юнсу. И тетя. Тогда впервые встретились наши смеющиеся взгляды. Взбрела в голову мысль о том, как хорошо, когда он вот так улыбается. Казалось, я в первый раз встречаюсь с ним как человек с человеком. А еще я заметила, что, когда он улыбается, у него на одной щеке появляется ямочка. Кроме того, я поняла по взгляду, что на самом деле он ждал встречи со мной. Однако меня все же беспокоило состояние тети. Когда я прикоснулась к затылку, где засохшая кровь образовала корочку, ее лицо перекосило. У меня вырвался тяжелый вздох. Тетя же, увидев мою реакцию, велела сесть. словно они говорили о чем-то важном... Вызвала, понимаешь, меня, а теперь показывает всем своим видом, что я им явно докучаю...

– Давай же, продолжай... – проговорила тетя.

– Поэтому подумал...

Видимо, Юнсу несколько стеснялся моего присутствия... Я опустила глаза. Не так уж приятно было ощущать себя в роли человека, который путается под ногами. Так и для матери, народившей трех здоровых сыновей, я была вечной помехой – именно в этом состоял мой первородный грех. Она говорила, что больше не смогла выступить именно из-за моего появления на свет.

За решетчатым окном гуляла запоздавшая гостья – белая метель.

– Видно, и правда... Вы, сестра, приходите сюда не только для того, чтобы умножить ряды католиков... Раньше я жил лишь одной мыслью – не дать себя в обиду, считая, что все вокруг каждым своим словом или жестом насмеяются надо мной, пытаюсь как-то отыграться и использовать ради своей выгоды. Но удивительно – стоило мне подумать, что надзиратели и другие заключенные (есть среди них, конечно, и невыносимые) не всегда задумывают плохое, как я почувствовал, что они относятся ко мне очень даже хорошо...

– Ого?! Даже так? Ну да, вообще-то ты прав... Когда ты был бандитом, ты же тоже не всегда думал недоброе.

Я подняла голову. Мне стало любопытно, как отреагирует Юнсу, что его так открыто назвали бандитом. Неужто можно так прямо тыкнуть в лицо... Он же, на удивление, улыбался. Открытой широкой улыбкой, с чувством смущения и одновременно каким-то уважением и удовлетворением от того, что лучник попал прямо в цель. Мы с охранником засмеялись.

– И что же?

Тетя слушала с такой заинтересованностью, будто перед ней вещал мудрый старец, на которого нашло озарение.

– Я вдруг подумал: а что, если дело во мне... Считая людей плохими, я *первым* вел себя агрессивно и этим давал повод относиться ко мне подобным образом... После этой мысли у меня словно камень с души свалился. А еще я снова вспомнил сестру, о которой рассказывал вам в прошлый раз. Я же, если честно, был ошарашен, когда вы в первую нашу встречу взяли меня за руку. Кто знает, может, та монахиня на самом деле всего лишь растерялась от неожиданности, и в ее взгляде и впрямь не было никакого презрения и брезгливости, как от вида мерзкого насекомого... Может, все это время я зря накручивал сам себя, придумывая то, чего и в помине нет...

Тетя добродушно улыбнулась.

– Знаете, меня впечатлила книжка «Мифы Греции и Рима», которую вы прислали. Поначалу я запутался в сложных именах, но потом увлекся и не успел и глазом моргнуть, как за ночь прочел ее всю.

– Правда? Ну и кто тебе там больше всего приглянулся?

– Орест.

– Орест? Запомнила, кто это... А как тебе история про Зевса, который расправлялся со злодеями силой ветра и молнии? – спросила тетя. Юнсу снова заулыбался.

– Так что там с Орестом?

Он на мгновение замешкался. Снова взглянул на меня, и мне срочно пришлось сделать вид, что мне весьма любопытно и я с нетерпением ожидаю продолжения. Только сейчас я заметила, что его кожаные кандалы, сковывающие все тело, заменили обычными наручниками на запястьях. Сами заключенные окрестили их серебристыми часами «Омега», ведущими в ад.

– Только у Ореста имя более-менее легкое, остальные не выговоришь... Так вот он, похоже, был кем-то вроде принца. Дед его хотел стать самым могущественным среди богов и строил разные интриги... Поэтому боги прокляли род Ореста на многие поколения. И первым был проклят отец Ореста... да...

Юнсу опять замешкался.

– Ты говоришь про Агамемнона? Выходит, Орест – сын Агамемнона!

– Да, Агамемнона убила его жена – мать Ореста. У нее был любовник, и, сговорившись с ним, она избавилась от своего супруга. А по обычаям тех земель сын должен был отомстить за отца, и Орест убивает мать – по ее вине погиб отец. А богини мести фурии считали убийцу родителя худшим злодеем. Они наслали на Ореста странные видения и звуки. День за днем перед его глазами стояла сцена убийства матери, а в ушах звучали проклятия богинь. Из-за чувства вины Орест оказался на грани сумасшествия и пустился в странствия по свету.

Юнсу постоянно искоса поглядывал на меня. Я догадывалась, что он хотел показаться тете с лучшей стороны и что прошлой ночью он не раз повторял свою речь, чтобы сегодня покрасоваться. В тот день его потуги казались мне жалкими и нелепыми. А сейчас от этих воспоминаний меня пронзает грусть.

– И вот Аполлон, кажется... бог Солнца, ведь так? Он созвал богов на совет и вступился за Ореста, заявив, что тот всего лишь жертва проклятия и на самом деле виноват дед Ореста. Поэтому безжалостно и несправедливо поступать с ним так – ведь у Ореста не было иного выхода... И раз они наслали на него проклятие, теперь они же должны и даровать ему прощение. Орест тоже был на совете: услышав слова Аполлона, он разгневанно воскликнул: «Что ты такое говоришь? Мою мать убили не вы – я сам убил!»

После слов «я сам» Юнсу на мгновение уронил голову на грудь. За решетчатым окном продолжали сыпаться белые хлопья. Когда он выпрямился, его глаза были налиты кровью, как у разозлившегося кролика. На лице – сильное волнение. Он сглотнул и продолжил:

– Я... хоть и не мечтал в детстве стать богом, но сильным быть хотел. Когда есть сила, ты можешь делать что угодно, можешь избавиться от всех обидчиков... Так я размышлял. Но встреча с вами, сестра, заставила меня задуматься о том, что заставляет приходить вас сюда и со слезами умолять такую сволочь, как я... В тот день бабушка... которая имела полное право убить меня... Когда я увидел, как она плакала и просила прощения за то, что не может простить меня, мне хотелось поскорее сдохнуть, лишь бы не видеть этого... И если у меня спросят, что я предпочитаю, встретиться с ней еще раз или пойти на виселицу, я выберу второе. Я подумал, что если Бог существует, то сейчас он наказывает меня самым ужасным образом. Ведь для меня смерть – ничто. Меня это не страшит. С самого детства она нисколько не пугала. И тут мне впервые пришло в голову: а вдруг я ошибался? Я раньше думал о несправедливости, ведь у меня были обстоятельства, с которыми ничего нельзя сделать. И кто бы ни оказался на моем месте, он поступил бы так же... Хотел кому-то что-то доказать, дескать, получайте заслуженное... Однако... Орест... совершивший убийство по принуждению богов, все равно взял на себя вину, открыто заявив, что на нем кровь матери...

Юнсу сжал губы. Тетя взяла его руки в наручниках и на минуту закрыла глаза. Поглаживая их, она проговорила:

– Какой ты все-таки молодец! Сколько всего. Столько мыслей за раз, надо же... Не ожидала, что это заставит тебя так глубоко задуматься...

Лицо Юнсу перекосило, а в покрасневших глазах блеснули слезы. Он крепко стиснул губы и закрыл глаза.

– Я хотел убить отца. И мать тоже хотел убить. И поэтому думал, что я проклят... А раз проклят, то и бояться мне больше нечего. Думал, положу этому конец, поубивав их, а потом и себя. Надо было как-то покончить с этим. А раз всему конец, то и раскаяния никакого... А вы сейчас говорите, что я молодец...

Снег повалил еще сильнее. Он падал беззвучно, и стояла удивительная тишина.

– Я вдруг осознал, что с самого появления на свет я ни разу не слышал от взрослых похвалы! Сегодня мне тяжело, что вы, сестра, приехали издалека в непогоду и умудрились разбить себе до крови голову... Как это, должно быть, больно... Я вдруг задумался, а испытывал ли что-то подобное ранее... И знаете, сестра, оказалось, что, за исключением моего брата и любимой женщины, я ни разу ни о ком не беспокоился... Я никогда не переживал о людях, которые не имеют ко мне никакого отношения. У меня не возникало мысли, что кто-то в данный момент может испытывать страдания, а значит, и не было желания посочувствовать и пожалеть... Понять, как ему тяжело... Поскорей бы уже все закончилось...

Двадцатисемилетний Юнсу опустил голову. На его наручники, отливающие металлическим блеском, упали слезы.

– Но знаете, сестра... Если честно, я... Меня страшит то, что со мной сейчас происходит.

Синий блокнот 11

Через шесть месяцев мы с братом вышли из колонии для малолетних преступников. Родители приезжали за своими отпрысками и увозили их домой. Те, за кем они не приехали, уезжали к старшим братьям и сестрам. Те, у кого не было братьев и сестер, объединялись в группы и разбредались каждая своей дорогой. Мы же простояли на улице перед колонией до самого заката, пока не стемнело.

Глава 11

Тетя молча сидела, откинувшись на спинку сиденья. Снег валил уже не так сильно, но по обочинам успело наместить сугробы. На дороге образовалась снежная каша.

– Давай съездим к твоему дяде. Я поэтому попросила тебя приехать. Добираться туда на общественном транспорте – целая морока... Хотя если бы не мой вид, я бы и на метро поехала... У тебя нет никаких срочных дел?

– В больницу бы для начала... Вдруг надо швы наложить? – с сомнением пробурчала я.

Мой живот, оставшийся утром без завтрака, тоже недовольно урчал. Вид престарелой тети с обмотанной платком головой вызывал жалость. Мне так же, как и Юнсу, было больно смотреть на нее. А еще щемило в груди от того, как он из-за окровавленного затылка моей горемычной тети не находит себе места. Тем не менее я никак не могла выразить свои чувства. У меня даже слез не было...

– Я достаточно пожила. Разве важно, когда умрешь? Всего лишь выполняю свой долг до того, как Он призовет меня... Единственное, чего хочу, – до самой смерти служить этим людям. И даже если это случится где-то в пути, я буду только счастлива.

– Умереть, умереть, умереть... С начала Нового года – сплошные разговоры о смерти. Езжу с тобой, и всё об одном, все связано со смертью! Ты что, Бог? Зачем ты взваливаешь на себя то, что даже Ему не под силу? Тот смертник... Как там его, Юнсу, что ли... Он же сказал: разве могут спасти их все твои старания? Если ты сведешь себя в гроб, стараясь для них, то принесешь им еще больше мучений. Ох! Не нравится мне все это... Даже от одной мысли пробирает дрожь. Нелепость какая-то!

Как ни странно, навернулись слезы. Я растерялась от нахлынувших на меня чувств, но не хотела, чтобы тетя заметила мое смятение. Она ничего не ответила. «Я раньше думал о несправедливости, ведь у меня были обстоятельства, с которыми ничего нельзя сделать. И кто бы ни оказался на моем месте, он поступил бы так же... Хотел кому-то что-то доказать, дескать, получайте заслуженное... – звучал голос чуть не

плачущего Юнсу. – Орест... несмотря на то что совершил убийство по указке Богов... заявил, что это он виноват... А ведь именно я должен был сказать это! Я ведь никогда не задумывался над тем, что причиняю кому-то боль, и ни разу у меня не возникало желания облегчить чьи-то страдания», – вспоминала я слова Юнсу, и они отозвались эхом где-то в глубине моего сердца. Хотя нет, однажды я все-таки желала облегчить страдания одного существа. Это был Симсим^[17] – пес, умиравший от старости у нас дома, когда я училась в средних классах. Он был породы чиндо – смирный и безобидный, как его и называли... И хотя старшие братья утешали, пытались меня убедить, что восемь собачьих лет соответствуют восьмидесяти годам человеческой жизни, я помню, как перед его смертью я молилась Богу: «Пожалуйста, избавь его от страданий! Избавь от боли!» И шло это от чистого сердца. Однако, побоявшись, что тетя заметит мой сентиментальный настрой, я решила разрядить обстановку, как обычно:

– Да уж, говорит этот тип довольно складно. И все-таки как ты можешь быть уверена, что он не лицемерит? Вдруг надеется выжить с помощью правозащитных организаций по спасению невинно осужденных... Я не верю ему. Уж очень быстрая перемена. И старушка эта туда же. Все такие наивные. Простить и раскаяться... Мне в христианстве как раз это и не нравится больше всего. Натворят дел, а потом в церковь бегут, просят прощения, и вуаля, как ни в чем не бывало, жизнь продолжается! Лицемеры!

Тетя, сидя все так же с закрытыми глазами, помолчала немного, а потом сказала с расстановкой:

– Знаешь, Юджон... Я... Нормально отношусь к лицемерам.

Это было неожиданно.

– Среди пасторов, священников, монахинь, буддийских монахов, наставников и тех, кого мы считаем достойными уважения, множество лицемеров. И кто знает, возможно, я занимаю среди них чуть ли не самое почетное место... Ведь понимание того, что ты сам лицемеришь, говорит о том, что человек, по крайней мере, имеет хоть какие-то понятия о добре. В глубине души он знает, что на самом деле не так уж бел и пушист, как это может показаться. И неважно, осознанно это или нет... Поэтому я без неприязни отношусь к таким людям.

И я даже думаю, жизнь того, кому удалось до самой смерти не быть уличенным в этом лицемерии, можно назвать успешной. Зато я терпеть не могу тех, кто корчит из себя злодеев: причиняя другим зло, они думают, что не так уж и плохи. Даже в момент этого маскарада они надеются, что другие разглядают в их поступках добрые намерения. А в действительности же они дадут фору по заносчивости и убогости даже лицемерам...

Я не стала возмущаться: так сказать, неужто ты меня за дурочку держишь, и вся эта тирада – камешки в мой огород! Однако мою душу пронзило чувство стыда, словно оголился мой шрам, тщательно скрывааемый под нижним бельем. Я резко пошла на обгон мини-автобуса, ехавшего передо мной. Машину занесло, тетя ухватила за ручку двери.

– А еще больше я не люблю тех, кто считает, что не существует никаких моральных ограничений. Тех, кто думает, что все в мире относительно, и что хорошо, то хорошо, и другие – это другие, а я – это я. Конечно, некоторые вещи действительно условны, но ни в коем случае нельзя забывать: человеческая жизнь священна, ее нужно ценить, иначе нас всех ждет гибель. И что бы там ни говорили, смерть – всегда плохо. В каждом живом организме на генетическом уровне заложен инстинкт самосохранения, и, когда кто-то говорит «я хочу умереть», это значит «я не хочу жить как сейчас», другими словами, «я хочу жить хорошо»... Вот и выходит, что вместо «хочу умереть» нам следует говорить «хочу жить достойно»! Нельзя говорить о смерти, потому что в самом слове «жизнь» заложен приказ «Оставайся живым!»...

«Приказ оставаться живым? Чей приказ? Кто он? Кто он такой, черт побери, чтобы отдавать приказы?!» – хотела я возмутиться, но промолчала.

– Иногда, когда думаю о тебе, у меня возникает подозрение (хотя я могу и ошибаться), что ты всего лишь прикидываешься стервой. И меня это тревожит, душа за тебя болит... Творить добро – это совсем не глупо. Жалеть кого-то – это не проявлять слабость... Плакать из-за других, болеть душой из-за того, что поступил неправильно, пусть даже это всего лишь эмоции или что-то подобное, – это замечательно и прекрасно! Нечего бояться и стесняться проявлять свои чувства, отдаваясь кому-то всей душой и испытывая при этом боль... Тем, кто

живет всем сердцем, приходится гораздо труднее, у них больше шансов обжечься, но вместе с тем они быстрее справляются со своими трудностями.

У меня чуть не вырвалось: «Да знаю я это, знаю...» Так заявляла я психиатрам, предлагавшим мне полечиться. «Конечно, Юджон! Ты хорошо осведомлена. Я вижу, ты проштудировала кучу литературы по психологии. Однако видишь ли, Юджон! Просто знать – без толку... Иногда знать – даже хуже, чем быть в неведении. Осознание, вот что действительно важно! И разница между знанием и осознанием заключается в следующем: для того чтобы осознать, нужно пройти через боль», – так убеждал меня дядя. Я тогда ответила, что устала страдать. После чего, должно быть, расхохоталась ему в лицо...

Весь остаток пути до больницы мы не проронили ни слова. В приемной мы столкнулись с мальчишкой лет десяти и женщиной, которая, видимо, приходилась ему матерью.

Когда мы заходили, женщина, явно намеревавшаяся дать ребенку подзатыльник, чтобы приструнить его, страшно обрадовалась, увидев тетю, и подбежала к нам. Разглядев подростка, я вздрогнула. Трудно описать это ощущение. А когда еще внимательнее осмотрела эту пару, у меня по спине пробежали мурашки. Уже позднее, проанализировав ситуацию, я поняла, что именно тогда меня поразило... Бесцельно блуждавшие глаза матери и расцарапанные руки и лицо ребенка. Хотя не совсем. Взвинченное состояние ребенка, который не мог усидеть на месте: он будто бы не знал, куда приткнуться, и даже не понимал, о чем думает, где он, а самое главное, кто он и сколько ему лет. Именно это зацепило меня, хотя тогда я еще не догадывалась, что с ним не так. Ручонки ребенка, торчавшие из рукавов куртки, были все в шрамах и царапинах. Он пинал стул в приемной.

– Не знаю, зачем нужно было приводить сюда моего сына, но в полиции сказали, что это обязательно требуется, вот мы и здесь... Ой! Сестра, что это с вашей головой? – спросила у тети Моники женщина с химической завивкой на коротко остриженной голове, жуя жвачку. А затем, приглядевшись к «тюрбану», ни с того ни с сего расхохоталась. Казалось, что она безумна. Тетя ответила лаконично, не обратив внимания на ее беспардонное любопытство:

– Необходимо провести небольшой осмотр, это не займет много времени. А пока присядьте здесь. Он хорошо спит в последнее время?

– Нет. Всю ночь кричит, а иногда вообще не может заснуть. Говорит, часто во сне к нему приходит та девочка и спрашивает: «Ты же убил меня?»...

Пристально взглянув на ребенка, тетя тяжело вздохнула. Мальчишка уже не пинал стул, теперь он решил встать на голову. Вскоре медсестра пригласила его в кабинет. Тетя проводила мальчишку, а я осталась в приемной. Незнакомые мне медсестры кивками приветствовали меня, пробегая мимо. И хотя улыбались они радушно, настроение внезапно испортилось. Сразу захотелось узнать, что именно они думают. Скорее всего, они покопались в моей карточке и знают обо мне абсолютно всё. «Если удалось остаться в живых после трех попыток самоубийства, это больше напоминает спектакль...» – я вспомнила, как прошептала, меняя мне капельницу и думая, что я сплю, одна медсестра другой. Это было в последний раз, когда я лежала здесь. Во всяком случае, я почему-то была убеждена, что именно *так* она и сказала.

По мнению тети, даже негодяи не думают только о плохом. Возможно, медсестры тоже не всегда такого мнения о моих поступках, и тем не менее мне хотелось поскорее сбежать оттуда.

– А вы зачем пришли? На консультацию? – спросила мать мальчика, продолжая смачно жевать жвачку.

Я не хотела поддерживать диалог, но все же через силу выдавила:

– Да...

Раз мне предстояла беседа с дядей, то ответ был недалек от истины.

– Вы пришли вместе с этой монахиней? – снова поинтересовалась она.

Видно было, что любопытство переполняет ее через край. Вернувшись из Франции после семилетнего отсутствия, меня больше всего коробило именно то, как корейцы бесцеремонно выпытывают подробности личной жизни, будто на свидании вслепую, и больше всего возмущало, что здесь это считалось само собой разумеющимся. Начиная с вопросов: «А Вы замужем? А почему?» – и заканчивая: «И чем же вы тогда занимаетесь?»... Каждый раз, когда меня спрашивали об этом, я думала: «А сами-то “интервьюеры” могут ответить себе, зачем они женятся и рожают детей...» Не дождавшись ответа, женщина снова затараторила:

– Я вообще не понимаю, почему мой ребенок должен ходить к психиатру. Мы приехали сюда только из-за того, что монахиня и

полиция решительно настаивали. Как же люди добираются в такую даль без машины?! – воскликнула она, словно надеясь на мое сочувствие и поддержку в том, что больница находится у черта на куличках и ездить сюда на общественном транспорте весьма нелегко. Я опять не ответила – терпеть не могу таких бестактных особ. Женщина снова хохотнула.

– А вы, я смотрю, не шибко разговорчивая... Интересно, сколько у этой монахини детей? – поинтересовалась мамаша, не в силах справиться со стремлением все знать.

– Что вы сказали?

– Раз она в возрасте, дети, скорее всего, уже взрослые... Ой, да что я говорю, ей уже столько лет, что, наверно, и внуки есть...

Я непроизвольно нахмурилась. Хотя в нашей стране не так много католиков, по-моему, все в курсе, что католические служители не вступают в брак, как и буддийские монахи. Признаться, меня шокировало ее невежество. Я поймала себя на сомнении: окончила ли она хотя бы начальную школу?

– Сегодня еле-еле выпросилась на день из ресторана, но к вечеру обязана вернуться... У хозяйки свекра недавно удар хватил... Уже в третий раз... Надо же, такой старый, а все за жизнь держится...

Женщина трещала как заведенная. Похоже, ее нисколько не смущало, к кому она обращается и хочет ли этот кто-то вести беседу... И вообще, казалось, она сама не ведала, что несет, будто бы вообще забыла, что открыла рот и о чем-то вещает. Я никак не реагировала на нее, и она, не выдержав, подскочила, подтянула штаны и начала ходить туда-сюда. Она отвернулась, и я быстро встала и тихонько толкнула дверь в кабинет дяди. Скорее всего, тетка со странностями даже не заметила моего исчезновения.

Дядя сидел напротив ребенка, тетя устроилась неподалеку. Мальчишка не мог усидеть на месте и непрерывно елозил, взгляд его беспокойно перескакивал с одного предмета на другой. Если его мать не могла контролировать свой язык, то у сына не получалось удержаться в покое все свое тело. Они были очень похожи друг на друга.

– Ну хорошо. Выходит, ты отобрал тысячу вон? – спросил дядя у ребенка.

– Да.

– Ты ведь на самом деле хотел только забрать деньги и собирался отпустить ее?

Мальчик зевнул.

– А зачем ты ее ударил?

– Испугался, что она пожалуется на меня.

– Кому?

Ребенка опять всего перекосило, он остановился взглядом на мне. Его беспрестанное ерзанье вдруг напомнило застрявшую в паутине бабочку. Он бессмысленно взглянул на меня, как и в первый раз.

– Когда ты ударил ее, ты не думал, что ей может быть больно?

– Нет! – Мальчик резко схватил диванную подушку и ни с того ни с сего спросил: – Это кто купил? Дорого стоит?

Дядя вздохнул.

– Ты же обещал, что посидишь спокойно, пока мы будем разговаривать...

– Так давайте скорее уже! – закричал мальчик.

Дядя выглядел встревоженным.

– Ты задумывался о том, что она умрет, если будешь сильно бить? – спросил дядя.

Ребенок впервые замер, всего на мгновение, и бессильно покачал головой.

– Ты просто хотел припугнуть ее, чтобы она не пожаловалась, ведь так?

– Да, – рассеянно ответил мальчишка.

– Ну хорошо. А что ты сделал с той тысячей вон?

– Купил булку.

– Вкусная была?

– Да...

Дядя сначала оцепенел, а затем взял в свои ладони исцарапанные руки мальчика, которые были словно в оспинах, а под ногтями виднелись следы засохшей крови. Что же случилось до того, как эти многочисленные раны появились на маленьких ручонках? О происхождении шрамов еще можно догадаться, но кровавые следы под ногтями были для меня загадкой. Позднее мне рассказали, что у него была привычка царапать стену, пока под ногтями не выступит кровь.

– Кто из родителей больше тебя бьет? Мама или папа?

– Папа!

– А кто сильнее бьет?

– Папа. Я пойду...

Было видно, что дядя растерялся. Ребенок же вскочил, открыл дверь и вышел из кабинета. Тетя его окликнула, но тот уже убежал. Тетя последовала за ним.

– Он что, убил? Этот малолетка? Убил человека?!

– Да. Убил соседскую четырехлетнюю девочку. Хотел отнять тысячу вон... По закону детей до четырнадцати лет никак не привлечь к ответственности. Но и на лечение их не отправляют и под специальным наблюдением не держат. Одним словом, просто пускают всё на самотек. Твоя тетя в последнее время взялась курировать таких ребятишек...

Мы немного помолчали. Одиннадцатилетний мальчик забил до смерти четырехлетнюю девочку. Забрал у нее тысячу вон и купил булочку. И эта булка была вкусной. Все! Конец истории. «Куда же катится мир, в котором я живу?!» – мелькнула одна мысль. «Насколько низко мы пали?» – догнала ее другая. У меня не укладывалось в голове: почему вещи, которые я раньше не замечала и о которых я совсем не задумывалась, вдруг открылись мне разом? Сейчас даже не было желания связать или подтрунить над ситуацией, как я люблю делать обычно и как не любила моя тетя. Вдруг мне показалось, что именно я барахтаюсь в паутине, а не тот ребенок.

Вышедшая вслед за мальчиком тетя вернулась в кабинет. И они с дядей недоуменно улыбнулись, переглянувшись, как давние близкие друзья. Эта улыбка двух беспомощных людей словно бы говорила: «И что же теперь?..»

– Ушиб, похоже, серьезный, пусть сначала здесь перевязку сделают, – вздохнув, проговорил дядя, имея в виду тетину травму.

– Не переживайте. Я займусь этим позже – рядом с монастырем есть неплохая клиника. Что же все-таки делать с мальчиком? О моей-то голове Бог заботится: несмотря на кровотечение, ее еще можно задействовать, – а вот у этого несмышленища с головой действительно все серьезно.

Дядя снова вздохнул.

– Требуется лечение. Причем вместе с родителями. И здесь не обойдешься лишь консультацией с психотерапевтом, необходимо принимать лекарства. Иначе я даже боюсь представить, что может

произойти. Я вообще не понимаю, что думает наша полиция... Или же те, кто пишут законы... На что они рассчитывают, отпустив этих детей домой... Ведь именно атмосфера семьи способствовала такому поведению ребенка, а власти, прикрываясь невозможностью мер для малолетних, отправляют его к родителям, снимая с себя всякую ответственность. В странах, как Америка, в таких случаях у родителей требуют обязательство о прохождении лечения у психолога. Это же реально опасно! Во-первых, лечение ребенка полезно прежде всего самому чаду... И, само собой разумеется, такими детьми как можно быстрее должно заняться государство, чтобы впоследствии наше общество не понесло бóльших потерь...

Тетя Моника заглянула в историю болезни, где дядя недавно второпях сделал записи.

– Выходит, десять к одному, что он станет преступником?

– Не десять к одному, а практически... 99 процентов. – Дядя подошел к окну. И пробормотал словно бы сам себе: – Одно и то же. Все одно и то же. Причем по всему миру!

В его тоне слышалось возмущение. Правда, он, похоже, и сам не знал на кого.

– Совершившие страшное преступление всегда подвергались жестокому насилию в детстве. Будто сговорились все как один. Одно насилие вызывает другое, которое в свою очередь приводит к новому... И так до бесконечности. Если кто-то решит проучить другого силой (вроде «вот тебе, получай!»), то не найдется никого, кто признал бы, что его и вправду нужно наказать. И я могу поклясться! С самого начала истории человечества ни одно насилие не положило конец другому... Ни разу такого не случилось.

По его лицу пробежала тень безысходности. Я впервые видела дядю в таком гневе и огорчении.

– Дядя, а правда, что у некоторых детей с самого рождения в характере заложена предрасположенность к жестокости? Говорят же про плохую генетику?

Меня шокировало, что десятилетний ребенок сначала совершил убийство, а потом просто сказал, что булочка была вкусной...

– Ну... Нет, неправда! – резко бросил дядя. Я удивилась, насколько он был взвинчен. – Знаешь, что касается человечества... Это поразительно, но человек не рождается полноценной личностью.

Когда жеребенок или теленок появляются на свет, они уже знают свое предназначение – скакать и бегать. А вот наша личность формируется после рождения. И процесс этот занимает около трех лет, хотя сейчас появились теории, что на самом деле около восемнадцати. Проще говоря, семьдесят процентов создает Творец, за остальные тридцать отвечают родители – и только потом можно говорить о целостности человека. Однако эти тридцать процентов в конечном итоге ведут за собой семьдесят. Если сравнивать с компьютером, то они являются операционной системой. Так вот, на снимках мозга тех, кто подвергался в детстве насилию, были выявлены нарушения на пять – десять процентов. Это можно сравнить с автомобилем, который ездит с поврежденным в начале эксплуатации двигателем, который не поддается полноценной регулировке. С таким «неисправным» мозгом совершенно невозможно нормально управлять импульсами. Но при этом на мышлении или интеллектуальных способностях это никаким образом не отражается. Вот почему серийные убийцы могут обладать высоким IQ и развитой логикой и, как результат, являться людьми с психическими расстройствами, чья болезнь не доказана.

– Но ведь невозможность управлять импульсами еще не означает, что все они опасны для людей? – спросила тетя.

– Да. Однако в подобных случаях самым распространенным симптомом является невосприимчивость к чужой боли. Другими словами, заметно снижена способность к сочувствию.

– Сопереживанию? – уточнила тетя.

– Да. Когда кто-то на улице упал или ушибся, мы представляем, как же ему, должно быть, больно, но они так не реагируют. По-английски это называется *sympathy*^[18], то есть у них недостаточно развита функция сопереживать кому-то всем сердцем. И поэтому они становятся нечувствительны к чужой боли...

– Получается, избиение ребенка может привести к таким страшным последствиям? – ужаснулась тетя.

Дядя помолчал.

– Существуют разные виды насилия. Самое распространенное – применение физической силы или, по-другому, жестокое обращение; затем идут сексуальное насилие, эмоциональное насилие и... пренебрежение родительскими обязанностями. Да, попустительство обязательствами в отношении детей... Например, не кормить, не

менять памперсы, когда нужно, избегать любого физического контакта, когда ребенку необходимы объятия... Под эмоциональным насилием понимается, так скажем, холодное обращение, лишение любви... Все это считается насилием. Больно говорить об этом...

Дядя снова вздохнул.

– Недавно здесь был семнадцатилетний подросток, он ножом насмерть зарезал проходящую мимо ученицу средней школы... Вы, возможно, помните об этом происшествии... Он сказал: «Она выглядела счастливой, и я подумал, как она может быть такой счастливой, когда я несчастен...» Он догнал ее и полоснул ножом. И мать, и отец души в нем не чаяли, но отец каждый день избивал жену. И видеть такое – еще хуже, чем самому быть побитым... Это тоже одна из форм насилия. Такие люди не могут контролировать мышлением свои импульсы, как делаем это мы. И говорить им: «Пытайся справиться силой воли» – совершенно бессмысленно. Какая сила воли может проявиться из поврежденного мозга? Именно поэтому они весьма импульсивны. Попадают в зависимость от алкоголя, азартных игр, секса... Насилуют, убивают или заканчивают суицидом.

На последних словах я, похоже, изменилась в лице. Дядя виновато посмотрел на меня – прости, заговорился... Я промолчала.

– Безусловно, я не хочу сказать, что все обязательно становятся преступниками. Некоторые могут вести нормальную социальную жизнь. И это также почти никак не сказывается на уровне образования. Из моих одноклассников многие закончили известные школы и котирующиеся вузы, однако и среди них встречаются те, у кого с головой не все в порядке. Вроде бы живут вполне прилично, а дома измываются над женами, детьми... Им... – Дядя то ли в шутку, то ли всерьез покрутил пальцем у виска и договорил: – ...Даже если им повезет и они не выйдут за рамки закона, когда-то у их детей могут возникнуть проблемы. – Дядя устало потер лицо.

Внимательно слушавшая тетя не удержалась:

– И все же, профессор Чхве! Бывает же так, что подвергавшиеся в детстве насилию и росшие в притонах потом становятся замечательными людьми? Ты же не хочешь сказать, что все они необузданны и становятся преступниками?

– Конечно же нет! Это можно сравнить с вирусом. Во время эпидемии кто-то заболевает, а кому-то хоть бы хны. Что ни говори,

человек – существо многогранное, под одну планку всех не подведешь.

– А возможно снова восстановить поврежденный таким образом мозг? Я имею в виду медицинские методы... – Она говорила с мольбой, будто возлагая последнюю надежду на врача, который только что поставил ее собственному ребенку диагноз «рак».

– Вообще-то все зависит от того, насколько глубокое повреждение.

Дядя указал на подоконник, где стояла орхидея.

– Если я ненадолго уеду в отпуск, этот красавец начнет чахнуть, но стоит его хорошенько полить, как он вновь оживет. А вот если я оставлю свой кабинет годика на три, то сколько потом ни поливай... Однако, дорогая моя сестра! У вас же есть ВЕРА! Был бы я на десять лет моложе, я бы однозначно заявил, что восстановление практически невозможно. И привел бы сотни доказательств. С возрастом мое мнение изменилось. Честно говоря, теперь мой ответ – «я не знаю». Вокруг нас происходит столько всего не поддающегося логическому объяснению. Иногда мне кажется, что в мире гораздо больше того, что невозможно объяснить с помощью науки и медицины. Человек на самом деле удивительное существо, и только вселенная может дать ответ. И я думаю, чаще всего лишь любовь может помочь ему исцелиться... Тогда остается ответить, что же такое любовь... Надо же, наш разговор все больше отклоняется в сторону философии или религии... Не падай духом, сестра! Ведь сейчас вы отдаете им всю свою любовь!

Казалось, тетя Моника почувствовала головокружение. На мой вопрос, все ли с ней в порядке, она не ответила, полностью погруженная в свои мысли.

Мы снова вышли в приемную. Там нас ожидала парочка – мать и сын с рассеянными взглядами. Увидев нас, женщина опять завела было свою пластинку:

– Сестра! Сюда так неудобно добираться. А мне нужно поскорее вернуться на работу. У хозяйки свекор свалился от паралича, и, между прочим, уже в третий раз. Вы только представьте, этот старик каждый раз оказывается в больнице, но никак не хочет умереть...

– Хорошо. Пойдемте! – сухо бросила ей тетя.

И, уже обращаясь ко мне, сказала: – Я тебя попрошу об еще одном одолжении. Давай подвезем их?

Тетя внимательно присмотрелась к ребенку. Мальчишка по-прежнему елозил на стуле, то взбираясь на него, то слезая, и лупил по нему ногами. Вслед за тетей я тоже пригляделась к нему. Раньше я этого сорванца и за человека не посчитала бы, а он в свои десять лет уже успел совершить убийство, съел булку и легко заявил, что она была вкусной... Глядя на того, на кого раньше я не обратила бы никакого внимания, не удостоила даже взглядом, я вдруг подумала: кто знает, может, мы страдаем от одинаковой болезни, и, хотя причины разные, мы с ним – калеки с дефектом одного типа. Тогда мне впервые пришло в голову, что я – художница и профессор, считающая себя весьма неплохим человеком, способной привлечь внимание тщеславного прокурора, – на самом деле совсем такой не являюсь; и я такая же ущербная, как этот несчастный мальчишка с исцарапанными руками и поврежденным мозгом или его ужасно болтливая и рассеянная мать. И когда пришло осознание того, какое же я на самом деле ничтожество, меня словно полоснуло ножом, по спине пробежали мурашки. Как и Юнсу, это ужаснуло меня.

Синий блокнот 12

Мы с Ынсу вернулись в Ёндынпхо. Там все еще руководил Черный, смуглолицый тип. Мы снова стали попрошайничать в метро и на рынке. Каждый раз, проходя мимо злополучной лавки, я сверлил взглядом хозяина, который заявил на нас в полицию, и мечтал, что однажды сведу с ним счеты и будь что будет... Вот встану на ноги, буду в козырях, и однажды заставлю его валяться у меня в ногах с мольбами точно так же, как я когда-то молил его о пощаде, и с таким же равнодушным взглядом, как у него, задам ему по полной программе. Если тогда мне и было ради чего жить, то именно ради мести.

В один из дней Ынсу заболел. Он весь горел от температуры, ничего не ел, даже его любимый рамён в стаканчике, который я купил. Мне ничего не оставалось, кроме как проторчать возле него несколько дней, не выходя на заработок. Так что мы сидели на бобах. Когда температура немного спала, он открыл глаза и позвал:

– Брат! Та девушка, поющая сейчас гимн, красивая, наверно, правда?

Я бросил взгляд на экран. На время болезни Ынсу нас поместили в каморку Черного, чтобы не заразили гриппом других детей. По телевизору показывали открытие профессиональных бейсбольных игр, и в эти минуты девушка в короткой юбке и в бейсболке пела гимн. Не особо рассматривая, я ответил:

– Да.

– Она такая же красивая, как наша мама?

Мне надоели его вопросы, и я опять, не задумавшись, ляпнул:

– Да.

А Ынсу ни с того ни с сего расплакался. И я знал почему. Несмотря на его слезы, накинулся на него с матами и пинками... на больного ребенка... Он заревел еще пуще, сквозь всхлипы, упрашивая:

– Брат, я не буду, я больше не буду плакать...

Поколотив его, я выскочил из комнаты. Вместе с бывшими друзьями я напился, избегая возвращения к Черному и Ынсу. Мне хотелось снести всё на своем пути. Казалось, я не успокоюсь, пока не выпущу весь свой гнев, отыгравшись на ком-нибудь из прохожих, не важно, будь это мать, ведущая за руку малыша, парочка влюбленных или же стайка учеников, одетых в школьную форму... Меня переполняло желание надрать задницу любому, кто излучает счастье всем своим видом. Так я прицепился к мужику, идущему под ручку с женщиной, и со словами «чё вылупился?» затеял ссору... Меня снова забрали в полицию и выпустили через несколько дней. Когда я вернулся, Черный пришел в ярость. Он велел мне забрать Ынсу и убираться ко всем чертям.

«Бляха-муха, да и хрен с тобой! Думаешь, буду уламывать оставить нас?» – про себя послал я его матом и пошел за братом. Без меня он совсем осунулся – кожа да кости, лицо сжалось в кулачок. У меня защемило сердце. Черный, однако, устроил сцену только для виду. Он, похоже, почувствовал неладное с Ынсу, поэтому и решил избавиться от нас. Я подхватил брата на закорки.

Это случилось весенним вечером. Запах цветов проникал в абсолютно все уголки города, даже в эти трущобы. Стало заметно теплее, поэтому я решил, что, постелив несколько газет на пол в метро, можно будет вполне перекантоваться, не околевав. Ынсу, как в те давние времена, когда мы рядышком лежали на расстеленных одеялах, взял меня за руку и сказал:

– Как хорошо, что ты опять со мной. – И попросил: – Спой гимн!
Будет хоть не так зябко...

Я же бросил ему:

– Спи уже...

– Хорошо, – сказал он.

Я долго не мог уснуть и, поворочавшись с боку на бок, крепко прижал к себе Ынсу, чтобы хоть как-то его обогреть. Однако, проснувшись утром, я обнаружил, что брат мертв.

Глава 12

«Смертная казнь» – набрала я в строке поисковика, навела курсор мыши на «ввод». На экране появилось множество документов и статей, связанных с высшей мерой. Первое объяснение гласило: «Смертная казнь – это самое тяжелое наказание, навеки изолирующее преступника от общества посредством лишения жизни...» Рядом с компьютером лежало письмо Юнсу:

Листва на деревьях стала другой. Вроде бы все то же самое, но теперь она чуть отливает желтизной, и я чувствую, что в воздухе что-то изменилось. Похоже, весна на подходе. Смогу ли я встретить еще одну? Возможно, эта станет моей последней. Однако почему-то меня упорно не покидает ощущение, что это самая первая весна в моей жизни!

Так начиналось его письмо. Я представила, как он с закованными в кандалы руками выводит это послание по одной букве. Тут же перед глазами всплыло лицо мальчишки, всего в царапинах и шрамах. Неотступно виделся образ Юнсу, когда он, рассказывая про Ореста, воскликнул со слезами: «Это как раз про меня!» Я переместила курсор на слова «самое тяжелое наказание».

«И если у меня спросят, что я предпочитаю, встретиться с ней еще раз или пойти на виселицу, я выберу второе. Я подумал, что если Бог существует, то сейчас он наказывает меня самым ужасным образом. Ведь для меня смерть – ничто. Меня это не страшит. С самого детства она нисколько не пугала...» – вспоминала я слова Юнсу. А еще его слова с первой встречи о том, что самое страшное для него – наступление утра.

Я прошла по новой ссылке: «Возникновение и история смертной казни...» Попалась любопытная информация. Оказывается, было

зафиксировано, что в Англии для ликвидации разгула карманных краж решили публично подвергать наказанию воришек. Куча народу стекалась поглазеть на зрелище, и в такой толпе карманников развелось еще больше. Так история посмеялась над человеком. Еще нашелся рассказ свидетеля публичной казни 164 из 167 заключенных смертников Бристольской тюрьмы – в Англии публичные казни практиковались вплоть до 1886 года. В Штатах публичная казнь существовала до конца 1930-х годов. В списке сверхдержав Америка занимает второе место после Китая по количеству смертников.

Я прошла на кухню долить себе кофе и мельком выглянула в окно. Холмы за домом, где я жила, и вправду покрылись желтым цветом, как и писал Юнсу в письме.

После вашего ухода мне приснился сон. Брат умер весной, может быть, поэтому он мне часто снится с ее приходом. Я вспомнил, как в детстве мчался для него за лекарством, когда он заболел еще совсем маленьким. Тогда мне казалось, что весь мир окутан в бледно-зеленые краски, и от этого мне было ужасно грустно, не знаю почему. Вчера перед сном я помолился... Если брат снова приснится, скажу ему: «Знаешь, а я ведь встретился с той певицей, которая так хорошо пела любимый тобой гимн и про которую ты спросил, красива ли она, как наша мать... Между прочим, она стала признанным профессором...» Мне кажется, брат ответил бы: «Вот видишь, я же говорил, что она красивая и замечательная!» Знаете, вчера впервые за долгое время я спал крепко, без всяких сновидений. Вот еще что: книжку, которую Вы прислали, я тоже прочитал. Никогда не думал, что книги – такая хорошая вещь! В последнее время я целый день только и делаю, что читаю. Может быть, поэтому и хочется поскорее Вас увидеть. Я знаю, что Вы заняты, но, может быть, когда-нибудь, хотя бы раз, вы навестите меня вместе с Вашей тетей? Надеюсь, я не покажусь Вам слишком нахальным...

Так заканчивалось его письмо. Буквы в его письме скакали в разные стороны, как у подростка, который пишет неровным почерком молодой учительнице. Скорее всего, я становлюсь сентиментальной из-за того, что он стоит на пороге смерти. Нет, так не пойдет. Это настораживает. Будто в сердце налили холодный лимонад – там все пенилось и шипело. В последние дни стала замечать, что за рулем машины мои мысли ни с того ни с сего возвращаются к нему. Мне даже приходилось встряхивать головой, когда я ловила себя на том, что рассеянно гляжу в лобовое стекло. Как бы там ни было, я не могла оставить без ответа письмо, написанное закованной в кандалы рукой. Но что ответить? В голове царил пустота. Не могла же я признаться в том, что когда-то хотела умереть, и вы, оказывается, тоже... Какое совпадение!

Так, не торопясь, смакуя кофе перед кухонным окном, я вдруг заметила в парке нечто странное. Подростки, человек двадцать, которые на вид учились в девятом-десятом классе средней школы, стояли в круге. Заинтересовавшись, чем они там заняты, я всмотрелась внимательнее – оказалось, они обступили одного мальчишку и избивали его. Даже с пятнадцатого этажа можно было разглядеть следы крови на его лице. Мне вдруг стало жутко, сердце учащенно забилось. После того как один закончил и отошел, за мальчишку принялся другой. Я припомнила, что уже видела в этом парке подобные сцены со стайками подростков, которые устраивали побоища. И, если мне не изменяет память, в лифте даже висело объявление: общим собранием жителей было принято решение об обращении в полицию для усиления охраны парковой зоны за домом. Удивительно, раньше я не проявила бы абсолютно никакого интереса к этой заварухе, но сейчас все было иначе. Мне стало так страшно, словно я наблюдала сцену убийства. Я схватила телефон и набрала 112. Моим домашним приходилось из-за меня обращаться в службу спасения, но я звонила им впервые. Мне ответили.

– Послушайте... Я... Тут... Район Каннама в Сеуле...

– Да, жилой комплекс Сорён? – оборвала оператор мое заикание.

Я восхитилась тем, как в нашей стране развита служба экстренной помощи.

– Послушайте... Здесь на пригорке за блоком 109 подростки избивают одного мальчишку. Похоже, до крови... – Держа телефон, я

подошла к кухонному окну и снова выглянула на улицу. Мальчишка уже лежал на земле. – Он уже на земле! Пожалуйста, приезжайте поскорее!

– Хорошо.

Оператор положила трубку. Я посмотрела на часы. 15:48. Мне даже стало немного стыдно, что я насмехалась над Кореей после возвращения из-за границы. Когда в Париже мы с моим парнем выясняли отношения и я стала кричать на улице, не прошло и пяти минут, как подъехал полицейский и схватил молодого человека за руку. И я, и он перепугались. Полицейский спросил у меня:

– С вами все в порядке, мадемуазель? Может, стоит арестовать этого мужчину и проводить в полицейский участок?

– А... Да нет... Мы просто дурачились...

Припоминаю, что на этом наша ссора прекратилась. Кто-то увидел сцену и заявил в полицию. Мы тогда поразились, как молниеносно полицейские среагировали на полученный вызов, и договорились больше ни за что и никому не говорить, что мы корейцы, затем вернулись в кафе и продолжили выпивать.

В волнении я не отходила от окна. Прошло уже несколько минут, а мальчишка так и лежал на земле. Я испугалась, что он уже умер. Несколько ребят подняли бедолагу и, поддерживая под руки, поволокли прочь из парка. Я подумала, что полиции уже можно не приезжать, раз драка закончилась. Однако двое, схватив за руки другого мальчишку, затащили его в центр круга. Будто смертника провели на место казни. Один из окруживших подошел ближе и начал избивать. Оглядев весь парк, полиции я не обнаружила... Звука сирены тоже не было слышно. Я посмотрела на часы – уже перевалило за четыре. Я снова набрала 112.

– Алло! Я только что звонила вам. Одного мальчишку, избитого до крови, уже утащили, теперь бьют другого. Почему вас еще нет?

– Понятно, выезжаем.

Трубку положили. Новая жертва, видимо, решила попытаться дать отпор, но несколько подростков набросились на него одновременно. Мальчик рухнул на землю, и его стали пинать. Словно стая коршунов, налетевшая на погибающее животное, они и не думали отступать. Я посмотрела на часы. 16:15. Полиции до сих пор не было. Сердце готово было выпрыгнуть из груди и меня даже затошнило, будто

отчаяние того, над кем издевались, передавалось мне напрямую. Полиция не появлялась. Я ходила из угла в угол, размышляя: откуда во мне проснулось это упрямство?! Я снова схватилась за телефон.

– Это опять я, я уже звонила вам. Что происходит? Почему вы еще не на месте?! Ребенка избивают. Подростки окружили его и пинают, между прочим, уже лежачего! Я повторяю, это уже вторая жертва!

– Да-да, понимаю.

Трубку опять положили. Я снова подошла к окну на кухне. Двое подняли мальчишку и держали его под руки, а третий подлетел и в прыжке со всего маху ударил его, еле живого, ногой в живот, словно в кино. Вся боль, испытываемая мальчишкой, отдалась и во мне. У меня начали стучать зубы. Я чувствовала, что подвергаюсь пытке. Полиции не было. Зазвонил телефон.

– Алло.

– Да.

– Вы же звонили только что? Это из полиции...

«Ого-го, вот это да! А служба 112 в нашей стране на высоте – даже номер звонившего могут определить!» – забрела идиотская мысль.

– Я ничего не понимаю, почему вас до сих пор нет?! Если бы вы вовремя прибыли на место, то хотя бы одному ребенку не так сильно досталось... Говорю вам, они уже переключились на следующую жертву! Толпа пацанов – против одного! Надо же это как-то прекратить! Пожалуйста, поторопитесь!

– Послушайте! Сегодня на перекрестке Каннама произошло столкновение трех машин... Мы задерживаемся. В любом случае мы пытаемся выехать быстрее, так что, пожалуйста, больше в службу 112 не звоните!

Тон полицейского напоминал своей обходительностью работников автосервиса. Мне все объяснили и попросили войти в положение. За это время мальчишка уже практически потерял сознание. Стрелка часов сдвинулась за 16:20. «Да здравствует полиция Республики Корея!» Повторяя это, я пыталась успокоиться. Вскоре послышался звук сирены. Сжав до боли кулаки, я ждала поскорее полицию, которая наказала бы тех гадких мальчишек. Несколько подростков отошли разведать, в чем дело. Стоявшие плотным кругом ребята стали разбредаться – они тоже слышали сирену. Снова раздался звонок.

– Это полиция. В парке никого нет.

– А вы где?

– Парк жилого комплекса Сорён.

– Вы имеете в виду небольшой скверик внутри жилого комплекса?

С телефоном в руках я побежала к балкону. Во дворе был небольшой скверик с мраморными дорожками и фонтаном. Возле него стояла полицейская машина, сирена яростно завывала. На детской площадке с качелями и горкой мамы с колясками стояли рядышком и наблюдали за полицейскими.

– Послушайте, офицер! Что за ненормальные будут дубасить кого-то на детской площадке охраняемого жилого комплекса?! Конечно же не там! Я же сказала, на пригорке позади 109 дома!

– Дамочка! Вы чего шум поднимаете? Теперь я вас понял. – Он положил трубку.

Вскоре телефон зазвонил снова. Опять полицейский.

– Послушайте, а проезд-то есть? Что-то не видно дороги...

Если до этого его манера речи была вежливой, как у сотрудника автосервиса, то теперь его тон напоминал грубоватое покрикивание агента сервисной службы по переездам. Подавляя в себе закипающий гнев, я ответила с учтивостью телефонного оператора из справочной службы:

– Вам следует припарковать машину перед 109-м домом и пешком обойти его. Прошу вас, скорее!

Я снова подошла к кухонному окну. Уже легче, наконец, полиция хотя бы была на месте. Раз они приехали, больше никому не достанется. Подростки сбились в кучу, будто что-то обсуждая, затем несколько из них подхватили под руки окровавленного мальчишку и потащили его по тропинке через парк. В это время, словно по сценарию спектакля, где все рассчитано до секунды, явились полицейские Республики Корея и вразвалочку направились к оставшимся ребятам. Так, словно вышли прогуляться. Наблюдая за этим с верхнего этажа, я ощущала себя Богом, следившим с небес. Снова раздался звонок.

– Послушайте! По вашему вызову мы все проверили... Однако пострадавших не обнаружили.

– Да вы что? – Изображать из себя вежливого сотрудника справочной службы 114 было уже выше моих сил...

– Я опросил их, они объяснили, что у них сбор одноклассников. А когда велел выйти вперед избитому, никто не вышел, и раз пострадавших нет, то и нападавших не выявлено...

Меня буквально подбросило от этих слов. Я едва не потеряла дар речи.

– Велели выйти побитому? А не предложили выйти тем, кто избивал? Вы в своем уме?! Что ж, это была моя ошибка. С моей стороны глупо было ожидать чего-то от полиции нашей республики! Прошло уже более тридцати минут с моего первого звонка. За это время не то что один, а двое или трое могли погибнуть.

Я с грохотом бросила телефон. Интересно, если бы там калечили моего сына или младшего брата, спустила бы я все это с рук полиции?.. Снова зазвонил телефон. Похоже, опять полицейский. В последнем эпизоде романа Бальзака «Отец Горио» юноша Растиньяк, поднимаясь на холм, бормочет: «Ну все, Париж! Я объявляю тебе войну!» В моей ситуации эту фразу можно было переиначить на «Ну все, полиция! Держись!».

– Алло.

– Это из полиции. Вы, женщина, чего так разбушевались? В чем мы перед вами провинились? Я постараюсь объяснить, а вы, пожалуйста, выслушайте до конца. Опоздание произошло не по нашей вине. Сегодня в ручей Яндже свалился калека. Нам пришлось вытаскивать его и отвозить домой, и мы упустили время. К тому же эти подростки сказали, что просто собрались развеяться. Нынче, дамочка, времена другие... Или вы ожидали, что я у них под пытками вытяну признание?! – Он выдал эту тираду с плохо скрываемой досадой. Так, словно просил войти в его положение, обидевшись на меня за то, что я недооценила все сложности его тяжелой работы: и обязанностей невпроворот, и рук не хватает, и делам конца и края не видно...

Я хотела пробурчать, что у нас тут то ли цирк, то ли детский сад... Но гнев все еще искал выхода.

– Можно подумать, вы спрашиваете у граждан разрешение, прежде чем под пытками вырывать признание. Неужто именно таким образом вы действовали все это время?! И если я попрошу вас об этом, вы выполните мою просьбу?!

– Конечно нет.

Мне стало смешно. А что еще оставалось в этой ситуации...

– Вообще-то я была уверена, что в ваши обязанности входит хотя бы поговорить с ними, внушить этим подросткам, что среди бела дня – да-да, когда светлым-светло – нельзя бить человека, да еще и прямо перед окнами жилых домов. Мы взрослые и должны по крайней мере сказать молодым людям, что такое поведение недопустимо. Вот так вырастают пацаны, потом они идут на большие преступления, а это в итоге приводит их к смертной казни!

– Да что вы себе такое позволяете?! По-вашему, где что случится – сразу полиция во всем и виновата, так, выходит? С вами, я смотрю, бесполезно разговаривать!

На этот раз раздраженно бросил трубку он. И единственный вывод, который он сделал, – это что со мной бесполезно иметь дело... Я подумала: вдруг я излишне запаниковала? Но потом прикинула: а почему я, собственно, так переживаю? Кроме погибшего, когда я училась в школе, Симсима, мне было абсолютно наплевать на других. И вообще, при чем тут смертники? Это был явный перебор с моей стороны. Я снова села за стол. Все это так не походило на Мун Юджон. Вернувшись на родину после семи лет отсутствия, я сразу отметила, что в общении стало значительно больше грубости и резкости. Выражения стали острее, шаги прохожих на улице ускорились. Даже если в метро кто-то наступал на ногу или больно толкал плечом, он просто проходил мимо, глядя себе под ноги и не думая извиняться. Поначалу меня это бесило, казалось ужасно грубым, однако позднее я поймала себя на том, что уже совершенно не обращаю внимания на то, что кто-то толкнул меня или наступил мне на ногу. Все куда-то спешили. Но куда? Этого не знали ни они, ни я. В каждом фильме через слово слышался мат; сюжеты, безусловно, были проработаны до мельчайших деталей, однако их переполняли сцены жестокости и насилия, которые невозможно было смотреть с открытыми глазами. Во всем этом задействованы ужасно привлекательные актеры, и мне даже хотелось с кем-то из них завести роман. Несмотря на все, со страниц газет раздавалось ликование о признании корейских фильмов на международных кинофестивалях.

Я соскучилась по тете Монике. Еще захотелось поехать в тюрьму на встречу с Юнсу, прикупив по дороге какой-нибудь весенний цветок в горшочке. Не знаю, почему появилось такое желание. Хотелось спросить, почему тот, кого настолько впечатлила история об Оресте,

кто с болью осознает, что эта весна для него первая и последняя, – почему же он совершил подобную жестокость. Мне хотелось понять, что же все-таки из себя представляет этот человек. В голове царил хаос из-за попыток разгадать, до чего человеческое существо может прийти в своей жестокости и где границы нашей добродетели. И ко всему этому примешивалось беспокойство о том, с какой, собственно, стати я вообще думаю об этом. Снова зазвонил телефон. Я съежилась от испуга, не зная, что еще придется выслушать от полиции. Не хотелось вмешивать старшего брата, да и если бы я обратилась к нему за помощью, это ничего бы не изменило. Я взяла трубку. Это был старший брат. На какой-то миг у меня даже промелькнуло дурацкое предположение: неужто телефонные провода протянулись от полиции до прокуратуры, и служба 112 добралась аж до моего брата? Вот так дала волю своей буйной фантазии, но брат серьезным тоном проговорил:

– Приезжай в больницу, маму снова госпитализировали.

Синий блокнот 13

Когда Ынсу ушел из жизни, я будто избавился от ноши. Во всяком случае, физически. Я связался с плохой компанией. Ну, на самом деле не такие уж они были и плохие... Как минимум они кормили меня, когда я был голоден; одевали, когда я был наг, поили вином, когда меня мучила жажда, и навещали, когда я сидел в тюрьме. Так от одной отсидки до другой я постепенно все глубже и глубже погружался во тьму. Не имея возможности закончить даже начальную школу, я набирался знаний в тюрьме. Там я осваивал криминальное мастерство, постигал науку ненависти и мести. Там тысячи наставников обучали, как напрочь избавиться от чувства вины и одновременно набраться большей наглости и подлости. Когда во время ограблений я стоял на стреме и нервы натягивались до предела, а сердце переполнял страх, я тихонько напевал гимн. И пускай в такие моменты я не чувствовал себя тем героем, про которого говорил Ынсу, однако страх отступал.

Глава 13

В комнате нас было только трое. Он, я и надзиратель. Жуя купленную мной пиццу, он украдкой взглянул на меня. Я все еще ничего не говорила. Упорно не могла перестать размышлять, правильно ли поступаю. Я продолжала хранить молчание, а офицер Ли уже несколько раз успел поправить очки, сдвигая их то вверх, то вниз. У меня не было с собой Библии, с которой не расставалась тетья. В сумочке болтались сигареты, помада, кошелек, пудреница и прочая ерунда. Юнсу долго на меня смотрел, давая понять, что ждет инициативы с моей стороны. И офицер Ли тоже. Однако я никак не могла заговорить. За окном царил весна, а из этой комнаты виднелась лишь серая стена бетонного забора. Когда я ехала сюда на машине, я обратила внимание на вестники тепла – нежно-зеленые почки, говорившие, что весна уже в самом разгаре; и на маленькие речушки, резво журчавшие, пенясь и бурля, из-под мостиков, словно наконец-то решили помыть голову; а еще высыпавшие то там, то здесь отдельными созвездиями крохотные цветочки на зеленых лугах, – и все это не имело совершенно никакого отношения к месту, называемому «следственный изолятор». Даже с приходом весны здесь нечему было пробуждаться. Оскар Уайльд сказал: «В тюремных стенах время не бежит, а лишь медленно вращается по кругу, сосредоточившись на страданиях». На каких-то двух пхенах – площади в шесть с небольшим квадратных метров – семь – восемь здоровых мужчин целый день вынуждены сидеть вплотную друг к другу. Даже если молодую любящую пару поселить хотя бы на месяц в тесную комнатку, скорее всего, их любовь вскоре сойдет на нет и сменится ненавистью. Что уж говорить о тех, кто, по словам тети, не всегда жили с добрыми намерениями. Спасибо и на том, что у них не возникает желания прикончить друг дружку после постоянного и вынужденного нахождения нос к носу.

– На улице явно потеплело. Наверно, поэтому мои обмороженные уши отогрелись и теперь ужасно чешутся...

Юнсу ничего не оставалось, кроме как заговорить первым. При этом он неуклюже поднял руки, закованные в кандалы, и дотронулся до уха.

И как времена года сменяют друг друга и ветер с приходом весны прекращает свои атаки и теперь лишь нежно шевелит полы одежды, так и в словах Юнсу исчезла былая колючесть. Он после наших встреч преображался день ото дня, словно дерево ивы в весеннюю пору. И, как у годовалого младенца, перевоплощение проходило очень быстро. Уже потом я поняла, что наш внутренний ребенок растет, не подчиняясь законам времени.

– Послушайте...

Они с офицером Ли одновременно посмотрели на меня. Такое ощущение, что я стою перед своими студентами. Нет, скорее, перед духовником, ожидающим моей исповеди.

– Сегодня я пришла сюда не потому, что хотела прийти. И в предыдущие визиты бывала не по своей инициативе.

У обоих враз вытянулись лица, Юнсу помрачнел и склонил голову. Казалось, всем своим видом он хотел показать: и ты туда же – записалась в лицемеры. Если же попытаться расшифровать поточнее, то он как бы говорил: «Я предполагал, что так и выйдет, и больше не хочу страдать из-за подобных личностей...»

– Я... мне не хочется врать. Терпеть не могу обмениваться избитостями. Самое ненавистное для меня – это банальщина, – с трудом договорила я. Юнсу, так и не изменивший позу, молчал. Затем поднял голову, словно его осенило.

– Все нормально. Я ведь тоже пришел, потому что считал, что увижусь с сестрой Моникой. А раз вы сказали, что сестре пришлось поехать в больницу к больному раком и ее не будет сегодня... Видно, и там человеку недолго осталось... И поскольку вы заставили себя приехать сюда только для замены сестры Моника, хотя у вас наверняка и без этого полно дел... Давайте закончим на этом. Вы можете ехать. Я очень признателен вам... профессор! За вашу честность.

На последних словах он встал и окинул меня ледяным взглядом. И снова усмехнулся, как раньше. Он явно жалел о том, что, хоть и ненадолго, начал питать ко мне какие-то надежды. И от брошенного «профессор» я ощутила мрачную тень прошлого, когда он, скорее всего, также куролесил и хорохорился, слоняясь по подворотням глухих переулков. Однако за его словами чувствовалась горечь. Взгляд его говорил: то, что мы привыкли к предательствам, совсем не значит, что нас не ранит очередная измена, как и опыт многократных падений

не уменьшит боль нынешнего. Уже позднее я узнала, что в заточении у него не было возможности увидеться с кем-либо по своему желанию, только если кто-то из посетителей сам придет навестить его. Даже в случае визита его родной матери ему разрешили бы общаться с ней всего лишь десять минут и только через акриловое ограждение с несколькими отверстиями. Поэтому неудивительно, с каким нетерпением он всю неделю ожидал наших встреч по четвергам в этой католической комнате.

– Я не говорю, что собираюсь уходить. Сегодня я приехала вместо тети, так как она пошла навестить ракового больного – он при смерти. Кстати, это моя мать, поэтому я попросила ее поехать туда и взялась подменить здесь. Вот так и получилась, что я тут, а тетя там. – Я проговорила это, глядя на него снизу вверх.

И тоже начала закипать, подумав: «Надо же, какой нервный!» Он удивленно посмотрел на меня, так же как и я на него в первую встречу. Похоже, он переживал, не зная, о чем я буду говорить дальше.

– Просто я не люблю свою мать. И сто к одному, поедь я к ней, я бы снова захотела покончить с собой. Поэтому я здесь. Не потому что ты мне так уж нравишься, а потому что пока не успел опротиветь. Мы ведь ничего не ждем и не успели сблизиться настолько, чтобы возненавидеть друг друга... А раз у нас нет неприязни... то меня это устраивает гораздо больше или, сказать точнее, мне лучше здесь, чем там. Надеюсь, недоразумений по этому поводу не возникнет. И это еще не все... – Я помолчала. Могу поспорить, он был в полнейшем замешательстве от всей этой несурязицы. И офицер Ли тоже недоумевал. – Это прозвучит странно, но, увидев тебя впервые, я подумала, как мы с тобой похожи... Если спросить почему, я не могу ответить, но первая мысль, которая приходит на ум, – это то, что ты, скорее всего, тоже ненавидел свою мать и, возможно, уже давно...

Юнсу окинул меня странным взглядом и снова присел.

– Откуда такие предположения?.. Вы читали статьи про меня?

– Читать читала, но это уже было после первой нашей встречи. Дело вот в чем: у тех, кто не любит матерей, или даже тех, кто рос, не получая материнского тепла, которое так необходимо в детстве для нормального развития, в глубине души какая-то часть остается недоразвитой. Словно ребенок остается недоношенным, и следы этого отражаются на лице... Вот их я и заметила у тебя.

Меня напрягало, что офицер Ли слушает все это, но я решила идти до конца. Теперь-то и он узнает – я совсем даже не замечательная персона. На душе скребли кошки. Я представила, как, придя сегодня домой, он скажет жене: «Ты не поверишь, но оказалось, певица приходила сюда совсем не из благородных побуждений...» Я мимоходом подумала, что, кажется, теперь начинаю понимать, какие страх и горечь испытывают лицемеры.

– Я говорю это впервые. Мой дядя – психотерапевт, но даже ему я никогда не рассказывала об этом. По дороге я размышляла, что именно заставило меня ехать сюда, и пришла к выводу, что хочу выговориться тебе. Мне нелегко признаваться в этом. Однако если мать надолго застрянет в больнице, то мне, по-видимому, придется какое-то время приезжать сюда. Если ты не захочешь меня видеть... я прекращу визиты.

Похоже, офицер Ли, смекнув, в чем дело, изо всех сил старался делать вид, что его это не касается. А Юнсу наблюдал. Казалось, в нем просыпаются какие-то новые чувства, каких до этого я в нем не замечала. И тем не менее его не оставляли сомнения на мой счет: он настороженно вытянул шею и пристально вглядывался, словно олень, наостривший уши и напрягший все органы чувств. По всему выходило, что он все-таки хотел мне верить. Я сглотнула и встретилась с ним взглядом.

– Ты же писал раньше в письме, что это, возможно, последняя твоя весна. И так как для нас обоих она может оказаться последней, мне не хочется обсуждать очередные банальности, о которых вещают достигшие совершенства духовники. У нас ведь нет на это времени. И раз нам довелось встретиться, хотелось бы поговорить о настоящем... Благодаря тебе я впервые по-настоящему осознала: весна приходит лишь раз в году, и следующую встречу с ней придется ждать целый год. Так что, как ты заметил, я почувствовала то же самое. И это двойственное ощущение одного и того же времени года в первый и одновременно в последний раз было для меня открытием. Сезоны непрерывно сменяют друг друга, для кого-то новая весна может не наступить, и поэтому человек проводит каждый день в каком-то томлении и жажде, с постоянно обостренными чувствами... Вот и для тебя эти мгновения, когда соки земли наполняют стволы деревьев и расцветают ярко-желтым незамысловатыми кусты форзиции,

встречающиеся на каждом шагу, – для тебя все словно впервые. Но сразу после встречи тебе приходится говорить: «Прощай!» Ты не поверишь, но именно благодаря тебе я узнала, что многие вещи, воспринимаемые как должное, существуют не просто так и, возможно, отпечатываются у кого-то в сердце первым и последним воспоминанием... А самое главное, я жаждала смерти, но ты помог мне понять, что я хотела убить не себя.

Юнсу снова насторожился.

– И в чем же, черт возьми, состоит настоящий разговор?

– Пока не знаю. Постепенно появится на свет правда без прикрас. Я не могу говорить тебе только хорошее, как тетя Моника. Она пообщалась с комендантом тюрьмы, и с сегодняшнего дня я нахожусь здесь как член религиозного комитета, поэтому какое-то время придется носить бейджик. Священное Писание я не знаю, молилась в последний раз лет пятнадцать назад, в католический храм с тех пор заходила только во время путешествий по Европе, да и то только чтобы купить открыток. И, как ты мог догадаться, я в этом нисколько не раскаиваюсь... Так-то я художница, но, вернувшись домой, написала несколько картин и устроила одну персональную выставку, а теперь ничего не рисую. И еще у меня звание профессора только потому, что я закончила никудышный университет во Франции, в который поступит любой имеющий деньги. В университете коллеги косо на меня поглядывают, как бы спрашивая: откуда только такие липовые профессора берутся? Студенты же гораздо сообразительнее преподавателей – в их завистливых взорах можно прочесть: «Ясно-понятно, мир так устроен, что в обеспеченной семье и дети с деньгами и связями. Все же знают, она приходится родней самому председателю правления...» И сама про себя я думаю точно так же. В прошлый раз я попала в полицию за вождение в нетрезвом виде, и там предположили, что я псих. Они ошиблись, ведь я не сумасшедшая... А всего лишь безбашенная.

На слове «безбашенная» Юнсу, напряженно сидевший все это время, прыснул со звуком выпущенного из шарика воздуха. Офицер Ли тоже сдавленно засмеялся. Возможно, благодаря этому смеху атмосфера в комнате разрядилась, заиграв яркой весенней желтизной. Теперь и до меня дошло, как это все смешно звучит. Оба проявили явную заинтересованность.

– Три раза я пыталась покончить с собой. В последний раз – этой зимой, поэтому между лечением в психиатрической клинике и посещениями тюрьмы я выбрала второе. И пообещала тете Монике приходить сюда. Другими словами, выбора у меня особо не было. Но это совсем не значит, что я сошла с ума. Просто ненавидела себя и хотела умереть. Из-за того, что в пятнадцать лет...

Я до сих пор не пойму, зачем тогда открылась ему. Но я точно нисколько не колебалась и была решительна и спокойна. Вдобавок он всем своим существом ловил каждое мое слово. И еще, пожалуй, я пошла на это, потому что я могла быть последним человеком в его жизни, с которым он общается, ведь каждый божий день он встречал как последний. Да и был ли в моей жизни кто-то, кто с вниманием прислушивается ко мне?

– ...мой двоюродный брат по отцу...

У меня на мгновение перехватило дыхание. Я крепко сжала губы, чтобы справиться с эмоциями. Пронзила нестерпимая боль, словно сердце разрывалось на части. Я прикусила губу в попытке справиться с ней, пропуская через себя.

– ...из... насильничал меня. Это случилось, когда я по поручению матери пришла к ним домой. В то время у него уже была жена и даже ребенок.

Впервые я заговорила о том случае сама. Впервые назвала это холодным языком фактов, определением «изнасилование». И если мне и нужно было рассказать об этом кому-то, то лучше поделиться именно с тем, кто проживает последнюю весну. Странно, но между мной и Юнсу было сильное чувство родства, и, по правде сказать, так было с самой первой встречи. Более всего нас объединяло стремление с какого-то момента жизни сесть на поезд смерти, неважно каким образом, под влиянием обстоятельств или по собственной воле. А как только человек начинает желать смерти, все ценности мира сразу же разбиваются вдребезги. Все, казавшееся важным, становится неважным, а казавшееся неважным приобретает новый смысл. Это желание многое искажало и одновременно показывало многое в истинном свете. Смерть противостоит жажде наживы, занимавшей самое почетное место среди ценностей этого мира. Потому что, наверно, именно смерть является единственным средством, способным посмеяться над деньгами, на которых помешался весь мир, заладив:

«Деньги, деньги, деньги...» К тому же каждому предстоит умереть. Я верила, что Юнсу сможет меня понять.

Комната словно бы опустела – не раздавалось ни звука. Офицер Ли и Юнсу слушали меня, затаив дыхание. Уже потом я предположила, что Юнсу даже во время объявления судьей смертного приговора был менее напряжен и сосредоточен, чем в ту нашу встречу. Я не задумывалась, как он отреагирует на слово «изнасиловать». Говоря это, я не задумывалась, как он отреагирует на упоминание об изнасиловании. Лишь потом вспомнила, что говорю это насильнику и убийце семнадцатилетней девушки. Однако, к моему удивлению, он молча и внимательно смотрел на меня, показывая безграничное сочувствие, жалость и горечь сожаления о прошлом. Взгляд выражал ужасное раскаяние. Бередя свои старые раны, судя по всему, я затронула и его больные места. И все же я решила идти до конца.

– После этого у меня не получалось создать нормальных отношений с мужчинами. С нелюбимыми проблем не возникало, а вот с любимыми не ладилось... Поэтому мне приходилось отпускать тех, к кому у меня были чувства... Так все оставили меня.

Мои глаза резко заболели. Я впервые так емко и лаконично попыталась описать свою жизнь. И зачем я все рассказываю, удивлялась я себе. Краска стыда залила мои уши. Я-то считала себя непробиваемой и дерзкой. Совершенно хладнокровно шла на расставания, уверенная, что так и следует поступать. И только сейчас осознала, насколько это ранило меня каждый раз. Хотелось воскликнуть: «Эврика! Вот, оказывается, где правда-то скрывалась!» Я чувствовала, как Юнсу впитывает, словно губка, всю мою правду и даже испытываемый мною стыд. Уже привыкнув к тому, что от моей правды отворачиваются, не воспринимают ее всерьез, я очень трепетно это восприняла. Когда я договорила, его взгляд дрогнул, и мое сердце дрогнуло в ответ. Казалось, между нами лежала глубокая пропасть, а мы стояли напротив друг друга, связанные веревочным канатом; и когда один из нас начинал дрожать, то эта дрожь передавалась другому... Теперь, оглядываясь назад, я думаю, что мне тогда хотелось хоть как-то его утешить, показать, что не он один страдает, и сказать: «Не одному тебе приходится плохо, вот и нечего сидеть с таким лицом, будто... будто ты уже умер...» И это было правдой.

– Я прочитала все статьи про тебя, – медленно и с расстановкой проговорила я, стараясь сделать это как можно безэмоциональней.

– Постойте, – прервал меня офицер Ли.

Лицо Юнсу резко перекошило.

– Знаете, здесь... нельзя упоминать случившееся или то, что с этим связано, – извиняясь, проговорил офицер Ли, глядя на меня.

На минуту воцарилась тишина. Я помолчала. Мне хотелось спросить: «А о чем тогда можно говорить?» Ведь именно случившееся было решающим поводом для встречи и, если честно, без этого случившегося ему незачем видеться с членами религиозного комитета... Такие уж правила в изоляторе. Мне совсем не хотелось вести с Юнсу житейские разговоры с абстрактными рассуждениями вроде «Вот Иисус и пришел в этот мир, и ты очень важен для него» и все в таком духе... На самом деле я хотела поговорить о том, каким образом Иисус пришел именно ради меня и ради него, кто я, и кто он, и почему мы являемся ценными созданиями в глазах Бога. Юнсу продолжал сидеть, склонив голову на грудь, – по всей видимости, до сих пор не мог переварить сказанное. Позади него на стене висела картина Рембрандта «Блудный сын». С самого появления на полотне вернувшийся домой сын каждый божий день, и вчера, и сегодня, проводил на коленях. Я пригляделась к сандалиям блудного сына, припавшего к земле в низком поклоне – они все износились и оголили ступни. Отец же на картине и вчера, и сегодня все так же продолжал обнимать за плечи вернувшегося ребенка. Художник изобразил именно момент возвращения. Рембрандт не нарисовал, какой пир устроил отец, простив свое чадо. И, несмотря на то, что сын вернулся, а отец держит его в своих объятиях, он уже более ста лет никак не может встать с колен. В конце концов, блудному сыну так и не удастся подняться и зайти в дом. Как и все блудные дети, стоявшие в этой комнате на коленях, окажутся с веревкой на шее на месте казни.

– Офицер! Я просто собираюсь рассказать про себя. Я же не прокурор и не журналист, да и нет у меня намерения обвинять его...

Офицер, подумав немного, кивнул. Я снова взглянула на Юнсу. Его глаза были полны настороженного любопытства, как у первоклашек в первый школьный день. Он явно нервничал и даже, похоже, испытывал страх. Казалось, он находился в некой прострации, будто увидев впервые в своей жизни неведомое ему существо.

– Если честно, я тебя не знаю. И никогда не считала, что статьи поведают о тебе всю подноготную. В газетах есть факты, но нет правды, которая привела к этим фактам. Именно то, что привело к нынешнему положению вещей, на самом деле является правдой, но людям на это наплевать. Правда – это то, что существовало еще до поступка. Если бы я намеревалась убить кого-то и, взмахнув ножом, вместо этого разрезала веревку, обвивающую шею, и спасла бы тем самым жизнь; или если бы я собиралась разрезать веревку на шее человека, но нечаянно перерезала ему горло. Это ведь совсем разные вещи, однако в первом случае человека наградят за героизм, а во втором – подвергнут смертной казни. Все потому, что мир судит только по поступкам. Свои мысли никому не покажешь и никак не рассмотришь, а раз так, можно ли однозначно определить преступление и наказание? Поступок – это всего лишь факт, а вот в основе его всегда лежит правда, и поэтому мы должны прислушиваться не к фактам, а к правде... Такие мысли пришли мне в голову благодаря тебе. Если представить, что кто-то решит написать про меня статью, то мой случай наверняка переплюнул бы твой. «Женщина по имени Мун Юджон целых три раза предпринимала попытки самоубийства. Несмотря на то что проходила лечение в психиатрической клинике. Никто не знает почему. Точка». Так звучала бы история обо мне...

В его глазах за стеклами очков в темной роговой оправе мелькнуло подобие искры. Если бы я не встретила с ним, если бы не тетя Моника, я бы тоже помнила его только по статьям. Подонок, и точка. Однако это не конец истории. В последнее время мне вдруг стало казаться, что даже смерть не конец. Рильке сказал когда-то: «Некоторые люди даже после смерти продолжают расти».

– Между нами три года разницы, мы почти ровесники... Кто знает, возможно, когда-то мы случайно пересекались. Однако с самого первого посещения тюрьмы у меня не укладывается в голове, что эти узники родились и живут со мной в одной стране... А если уж совсем начистоту, то я думала, что в этом мире нет человека несчастнее меня. И этот вопрос, почему я несчастна, когда все остальные счастливы, гложил меня и делал еще несчастнее. Однако, попав сюда, я растерялась, и это чувство было вызвано и мной самой. Я не могла понять, почему, будучи несчастной, я не заперта в этих стенах... Это

место кажется средоточием всех скорбей и бед нашего мира. Я была поражена: у каждого из множества сидящих здесь людей может быть столько грехов, а за ними стоят многочисленные горести и несчастья. Еще меня шокировало, что изо дня в день столько несчастных совершают преступления и попадают сюда. Я хотела узнать, почему нахожусь снаружи, а ты – здесь. Поэтому думала, что настоящий разговор с тобой (хотя я не представляла, что именно это значит) поможет мне понять саму себя. Понять, почему я несчастна и почему я не могу быть счастливой... Ты понимаешь, о чем я?

Юнсу сидел, словно статуя, и не отводил от меня взгляда. Он медленно кивнул.

– Я здесь не потому, что у меня масса свободного времени. Если бы по четвергам у меня были лекции, я бы вообще не смогла приходить. Однако судьба распорядилась иначе: в этом семестре по четвергам пар нет, а мать положили в больницу. И вот благодаря всем этим случайностям я могу приезжать. Я никогда не занималась никакой благотворительностью или волонтерством, да я и не жажду этого. Честно говоря, не верю, что люди делают это из искренних побуждений. Даже если признать, что есть те, кто оказывает безвозмездную помощь от чистого сердца, это точно не про меня. Я не люблю оставаться внакладе. Поэтому я от тебя тоже кое-чего хочу. Это ведь будет честно? Следовательно, теперь твоя очередь говорить...

Так начались наши свидания той весной. Каждая наша встреча была как последняя. Потому что было неизвестно, когда приведут в исполнение приговор. Юридически смертники являлись подследственными, так как они могут ждать казни очень долго. Именно поэтому они не попадали в тюрьму, а находились в сеульском следственном изоляторе вместе с теми, кто мог еще находиться под следствием. В самом названии изолятора закралась административная неточность – находился он не в Сеуле, а в Ёйване. И все равно звался сеульским.

Мы продолжали встречаться, обоюдно заключив в кавычки слова «в последний раз», хотя они все время витали в воздухе. Мы виделись по четвергам с десяти до часу дня, то есть проводили вместе целых три

часа. И в этих трех часах шесть раз проходили тридцать минут, которые, как говорила тетя, мне не жалко выкинуть на помойку.

На следующей неделе после описанной мной встречи мы опять сидели друг напротив друга. Все вокруг сияло весенней белизной, словно залитое тонким слоем сгущенного молока, но в здании было по-прежнему промозгло и мрачно. Кто-то описал это место и назвал его обиталищем смерти, и, кажется, чем ярче были краски мира, тем глубже погружалось оно во мрак.

Лицо Юнсу светилось.

– Как только Верховный суд вынес приговор о смертной казни, на моей груди появилась красная нашивка. Как-то я шел по коридору и увидел, что с противоположной стороны кто-то идет мне навстречу. Присмотревшись, обнаружил у прохожего на груди ярко-красную нашивку. Кровь в моих жилах похолодела. «Что же этот подонок натворил, ежели ему приклепнули такую?!» – ужаснулся я и прошел мимо, изо всех сил стараясь избегать его взгляда. Так перепугался... Вернувшись в камеру после обеда, я ненадолго прилег, и вдруг меня осенило: у меня на груди точно такая же нашивка.

Мы с надзирателем рассмеялись. Юнсу со стаканчиком кофе в руках, закованных в кандалы, тоже рассмеялся.

– Тебя никто не трогает, если ты приговорен к вышке. В прошлый раз, кажется, на праздники утром дали ттокгук – суп с рисовыми клецками, и, знаете, заключенные не могли его есть. Как вы тогда говорили, все были несчастны от мыслей о домашних и подавлены от осознания своей горькой доли. Один раскис из-за того, что дети остались одни без матери; другой переживал, что жена прикована к постели; третий убивался из-за предательства наставившей рога жены... Однако стоило им посмотреть на меня, и их лица менялись: «Тот вон вообще скоро умрет...» После этого их переживания начинали восприниматься как детские шалости, и они, подбадривая друг друга, снова хватались за ложки и с аппетитом жевали. Тогда я понял, что и от меня – смертника – все-таки есть какая-то польза другим... За всю жизнь ни разу не пытался никому сделать добро и

только приговоренным к смертной казни смог наконец стать полезным. Это можно назвать правдивой историей?

Если честно, я не знала, плакать или смеяться...

– В прошлое посещение вы сказали, что не любите оставаться внакладе и хотели, чтобы все было по-честному... Вы даже не представляете, как меня это обрадовало... Я думал, что ничего у такой сволоты – ой, пардон! – пропащего человека за душой нет, чтобы можно было с кем-то поделиться. Мои руки в кандалах, денег даже на тюремном счету по нулям, я темнота деревенская, школьные науки тоже не успел освоить, и даже моя собственная жизнь мне не принадлежит... Когда вы заявили такому, как я, ублюдку (опять же прошу прощения), что не хотите остаться в убытке... тогда я подумал: эта женщина, видно, и вправду безбашенная...

Мы втроем снова рассмеялись.

– Ну а теперь давайте о настоящем... Я решил стать лицемером. Одно только слово «верующий» вызывает тошноту, но я все же решил попробовать им стать. Если буду жив до Рождества, приму крещение, для этого начал изучать катехизис. Есть у нас тут один человек – отец Ким. Вы, наверно, слышали, что наши смертники отказывались от обеда и молились за его исцеление, а он возьми и поправься и стал опять приходить. Голова у него облысела, и он исхудал, но заверил нас, что окончательно выздоровел. Что тут началось! Все на уши встали, якобы чудо произошло... Вот многие и вызвались изучать основы христианства. Даже я впервые в жизни задумался о чудесах. На прошлой неделе сестра Моника писала в письме, что, когда камень превращается в хлеб, а рыба в человека – это фокус, а вот когда человек преобразуется – это чудо... Я хоть и не верю в подобные перевоплощения, но мне вдруг захотелось проверить, сможет ли случиться, что такое никчемное существо, как я, заживет другой жизнью. Я ведь тоже безбашенный.

Не ожидала я от него такое услышать. А когда под конец он добавил, что тоже малость ненормальный, мы снова схватились за животы.

– Однако вам же наплевать на все эти разговоры про религию, поэтому я больше об этом не буду. Это же будет честно? Я тоже не люблю оставаться внакладе и другим не желаю.

– Хорошо, – ответила я. Видно, Юнсу помнил все, о чем я говорила ему в прошлое посещение, раз в точности повторил мои слова.

– После прошлого вашего визита, вернувшись в камеру, я немного размышлял, и мне показалось, что на самом деле не так уж и плохо вести настоящие разговоры. Я тоже не знаю, что это такое, но, думаю, можно попробовать. От вас я впервые в жизни узнал о существовании правдивого диалога и притворства. А еще благодаря вам я впервые столкнулся с тем, что даже с университетским дипломом и возможностью учиться искусству в удивительной Франции, при профессорском звании и при деньгах можно оставаться несчастным человеком...

Он внимательно посмотрел на меня. Его сочувствующий взгляд словно бы просил прощения. Я молча усмехнулась. Все мои друзья твердили одно и то же: «Какого черта, ну чего тебе не хватает?!» Мать тоже так говорила. И братья. Только один человек не говорил этого – тетя Моника. Она только иногда ворчала себе под нос, что бедность богатых гораздо страшнее.

– У меня это не укладывается в голове. Я таких ненавидел, думал, что эти зажавшиеся твари – ой, сорри, – эти люди уже всё поимели от жизни, так что и жалеть об их смерти не стоит... Я даже представить не мог, что молодая женщина, которая не знает ни в чем отказа, может пережить... подобное...

Юнсу помолчал, переживая за мою реакцию. Он так и не смог произнести это слово «изнасилование» и, немного помявшись, продолжил:

– Никак не верилось, что вы хотели покончить с собой.

Похоже, он говорил искренне. Его взгляд был полон сочувствия. Я впервые встретила такое сострадание к себе от мужчины. На мгновение он опустил голову.

– Только после встречи с вами я узнал, что женщина из элиты, живущая в одном со мной мире, просто в другом его уголке, мучается и жаждет смерти. И богатые могут страдать, а высокообразованные могут многого не знать... Я – мужчина, и я впервые осознал, что... насилие... над женщиной – это еще более жестокий поступок, чем убийство. Вернувшись тогда к себе, я еще несколько дней бормотал себе под нос, что виноват, и вместо того мужчины просил у вас прощения. И после того как я смог повиниться перед вами... Я подумал о погибшей в тот день... семнадцатилетней...

Он умолк, поднес руки в отливающих металлическим блеском кандалах к губам и спрятал в ладонях свое лицо. Его закованные руки всегда были сложены вместе, отчего создавалось впечатление, что он молится.

– Правда... мне ужасно жаль. Я знаю, что этими запоздалыми извинениями прошлого не вернуть... Но на самом деле я сожалел от всей души. Если бы только я мог искупить свой грех, хоть для этого потребовалось бы и умереть... Я бы пошел на это десятки раз. Когда прокурор, рыча, разносил меня в пух и прах, я не чувствовал ни капли раскаяния... Я не собирался просить прощения, даже если бы меня повесили прямо там... А теперь мне внезапно стало ужасно жаль, и это произошло само собой...

Он закрыл глаза. Из-под ресниц текли слезы. Могу заверить, это не выглядело пошло. У меня и в мыслях не было читать ему нотации, но этот искренний монолог привел в смятение мою душу. Мне было все сложнее считать, что тот Чон Юнсу – главное действующее лицо в деле об убийстве в районе Имундон, о котором я искала информацию в Интернете, – и этот Чон Юнсу, с которым я сейчас встречаюсь, – один и тот же человек. Порой на наших встречах меня преследовала мысль: мог ли он *на самом деле* изнасиловать девушку и убить человека? Мы сидели с ним лицом к лицу, улыбаясь и попивая кофе, а сердце у меня болело. Конечно, звучит глупо, но я хотела спросить его: «Неужто ты не мог не делать этого?» Совсем как тетя Моника, бывало, спрашивала меня, пристально глядя мне в глаза: «Тебе обязательно было так поступать?»

– Вспоминая те события... Вам, наверно, трудно будет в это поверить, но я не знаю, почему я так сделал. Такое чувство, будто я смотрю фильм про самого себя. По правде сказать, даже когда я устроил сцену с заложниками и когда меня схватили, мне и тогда казалось, что все происходит не со мной. Однако беда в том, что это был я. И нельзя ничего вернуть, нельзя сказать: «Я виноват, простите меня...» Только сейчас я понял... что это был я!

Его трясло. Офицер Ли протянул ему салфетку. Юнсу взял ее и вытер пот со лба.

– А еще...

Уставившись в промокшую от пота салфетку, он добавил:

– Для меня впервой разговаривать с кем-то в уважительном тоне. Обращаться к кому-то на «вы»... Впервые в жизни мне пришлось в голову, какой замечательный у нас язык!

Я развернула купленный по дороге кимбап^[19]. И протянула ему вилку, которую захватила из дома, предусмотрев, что он не сможет есть палочками. Он отказался, и мы лишь потягивали только что заваренный зеленый чай.

– Вы, офицер Ли, тоже расскажите что-нибудь начистоту. Мы с Юнсу делимся тут забесплатно, а вы слушаете наши признания и даже зарплату за это получаете, – решила я разрядить обстановку.

Офицер Ли, усмехнувшись, ответил:

– Я не шибко разговорчивый... Да и признаваться особо не в чем... Единственное, в чем я могу вам открыться, что я, как и вы... тоже... малость безбашенный.

Мы от души рассмеялись. Казалось, в этот момент трое безбашенных сблизилась, как друзья. И в те минуты смерть, смятение, мысли об убийстве, время страхов и проклятий отступили на задний план. Понятно, что там, за незримыми кулисами, все это гремело и рокотало, напоминая яростные удары гонга, но мы изо всех сил избегали разговоров об этом. Мне было страшно. Так за этими еженедельными трехчасовыми встречами сменилось одно время года.

Синий блокнот 14

И вот однажды я встретил одну девушку. Она работала в парикмахерской недалеко от места, где я жил. Многие из наших пытались за ней ухлестывать, но, как ни старались, красotka не обращала внимания. Я запал на нее, когда ходил стричься и хотел заплатить больше, чем требовалось, однако она отказала, заявив, что не возьмет у того, кто занимается грязными делишками. Гордячка отшила меня с дерзким и наглым видом, и я даже сперва подумал, что бабенка-то бывалая, но мои предположения не подтвердились.

Я полюбил ее. Да и она, видно, не была равнодушна ко мне. Когда я сказал ей, что хочу жить вместе, она поставила неожиданные условия: сначала необходимо пожениться, а если это случится, то я должен все бросить и уехать далеко, начать абсолютно новую жизнь... Сказала,

что бандитов она на дух не переносит, поэтому спросила, способен ли я на это... Мне было трудно решиться, ведь я ничего не умел. Если честно, меня беспокоило, что физическим трудом не заработаешь и одной десятой тех легких денег, которые можно было получить, провернув всего лишь несколько краж. Если жениться, то и о жилье надо позаботиться, а черной работой и за сто лет, скорее всего, на свой угол не наскребешь. Однако тогда мне казалось, что вместе с ней я могу горы свернуть. Мы уехали. Она работала в парикмахерской, а я занимался доставкой в местном магазинчике. Было тяжело, но это были счастливые дни. И вот однажды она забеременела. Но радость длилась недолго. Как-то ночью у нее заболел живот, я на заливке отнес ее в больницу, и оказалось, что беременность внематочная. За срочную операцию нужно было заплатить три миллиона вон. Сказали, что надо торопиться – жизнь матери под угрозой. Она, глядя на меня, говорила, что ей страшно. Мне тоже было страшно. Я не мог оставить ее умирать, как Ынсу. Мне пришлось положить ее в больницу, и потом я обратился к старому приятелю, которому я одолжил денег, когда мои дела шли в гору. На одном дельце я порядочно поживился и теперь хотел получить долг обратно. Но у него денег не оказалось, но его приятель сделал мне предложение: «Давай провернем одно дельце, и баста». Выхода не было. Я думал, это будет мой самый последний раз.

Глава 14

Струи воды в фонтане танцевали в такт красивой мелодии. Возле него бегали ребятишки с мороженым в руках и медленно прогуливались нарядно одетые пары в ожидании концерта. К центру искусств я приехала раньше назначенного времени, поэтому можно было не торопиться, и я зашла в кафе под открытым небом. Один сезон быстро сменялся другим – время скоротечно. Прошла неделя с окончания семестра. Глядя на прохожих, я вытащила из сумки маленький альбом и машинально стала делать наброски: девочек в пышных кружевных юбочках, напоминающих пачки балерин, мальчиков в шортах с разноцветными шарами в руках, женщин, держащих под руку кавалеров, в платьях без рукавов, демонстрирующих изящную линию плеч. Это был летний вечер, деревья источали густой терпкий аромат, заглушающий запах увядших цветов. Я вдруг перестала рисовать и задумалась, счастливы ли они... Раньше, словно бродяга из темного закоулка, заглядывая в освещенные окна, я думала, что все люди счастливы. Иногда даже представляла, что за этим окном счастье тихо ждет меня, как серебряные приборы на столе. Стоит только оказаться рядом, и я стану счастливой. Каждую ночь я не могла уснуть от обиды, словно меня одну выгнали в никуда и я бреду босиком по бесконечной ночной дороге. Однако уже тогда я поняла, что нельзя находиться лишь на одной стороне счастливой или несчастной страны. Все бывают счастливы и несчастны понемногу. Хотя, возможно, и это было не совсем верно. Если поделить всех людей в мире на две категории, то, скорее, образовалось бы две группы: в одной несчастны временами, в другой же несчастья постоянны. Как сказал Камю, счастливых нет: существуют лишь люди, сердца которых обеднены счастьем в большей или меньшей степени.

Заполнив лист, я перевернула страницу альбома. Вдруг подумала об Юнсу, находящемся где-то далеко-далеко от центра искусств, и вспомнила слова одного профессора, бывшего заключенного на долгий срок, о том, что зима в тюрьме – это человеческое время года. А лето – сезон, который пробуждает ненависть к сокамерникам. Мне привиделись мускулы молодого Юнсу, изнывающего в кандалах от

духоты и жары, которая усиливалась из-за температуры тел сидящих в тесноте сокамерников, учитывая, что наручники снимали только при перемене одежды. Он как-то обмолвился, что терпеть не может жару, поскольку ему все детство приходилось скитаться по холоду. Наручники не давали нормально утереть пот... Красные рубцы от них начинали гноиться из-за той же жары. «Сейчас стало лучше. Раньше, по словам старожил, летом в ранах на запястьях заключенных с высшей мерой заводились личинки мух», – рассказывал офицер Ли, смазывая запястья Юнсу мазью, которую я приносила. Неосознанно вместо фонтана на площади с ребятишками и мороженым, символом счастья, я начала делать набросок Юнсу: его бледные запястья с голубоватым рисунком вен из-за того, что его открытые участки тела видели солнце только на получасовой прогулке; отливающие серебром наручники и израненные тыльные стороны ладоней; глаза, пристально изучающие меня. «Вы не представляете, с каким нетерпением я жду четверга! Как бы я хотел, чтобы всегда были только четверги», – так он писал в письме. Как ребенок. Эта его наивность порой обескураживала. После встречи я все время чувствовала себя виноватой за теплые летние солнечные лучи, освежающий ветер и прохладу помещений. Каждый раз, когда я потягивала бодрящий лимонад из стакана, наполненного льдом, или когда пила свежее пиво из предварительно охлажденного стакана с морозным узором на стекле, я непременно видела перед собой лицо Юнсу. И каждый раз степень моего наслаждения уменьшалась обратно пропорционально заплаченным за все это деньгам. Одна мать после того, как ее сыну вынесли смертный приговор, поселилась перед сеульским изолятором в малюсенькую каморку размером с тюремную камеру, в которой существовал ее сын, и зимой жила в ней без обогрева, а летом – с закрытыми окнами. Она была глубоко верующей в Будду женщиной, каждый день делала три тысячи поклонов в сторону изолятора и каждый день навещала сына. И, кто знает, может, небеса были тронуты всем этим. В конце концов ему смягчили наказание, заменив смертную казнь на пожизненное заключение, и его история стала легендой сеульского изолятора. Как-то на одной вечеринке друзья завели разговор об армейских делах, и я помню, как один из парней сказал не насмехаться над армией Республики Корея: когда он служил офицером разведки в войсках на передовой, было

строго запрещено отправлять в демилитаризованную зону (на границу между Севером и Югом) бойца, у которого нет матери. Выходит, все матери – живое олицетворение истинной любви.

Вдруг кто-то подошел ко мне и легонько потрепал по плечу, выдернув из размышлений. Старший брат был одет в темно-коричневый костюм. Мне даже стало немного жаль его – в этот жаркий летний день ему приходится быть при параде. Если задуматься, это тоже своего рода мундир.

– Рано ты приехала! – сказал он, но, когда увидел мой набросок рук в кандалах, сразу же помрачнел.

Я закрыла альбом. Обмахиваясь конвертом с документами, словно веером, он спросил с осуждением:

– Ты все еще ходишь туда?

Конечно, мне было известно почему. Ничего не ответив, я взяла его под руку, и мы направились в прохладное помещение ресторана. Сделав заказ, я мельком взглянула на конверт в его руках – похоже, он заранее купил билеты на концерт. Заметив это, брат ответил, что жена попросила его заехать за ними по дороге.

– Ах, какие же замечательные мужья получают из прокуроров Республики Корея! – проговорила я. Он усмехнулся.

– Ничего не поделаешь, перед концертом она настолько взвинчена, что порой мне кажется, что мое очередное судебное заседание – семечки по сравнению с этим... Не выполнить ее просьбу себе дороже.

Все мужчины нашего дома, включая умершего отца, относились к женщинам уважительно. Как говорила мать: «Непонятно, чего только им не хватает, на цыпочках ходить перед женами!» Мы старались как можно дольше оттягивать главный разговор – о матери.

– Знаешь, жена Ючани... – заговорил старший брат о самом младшем. Даже скорее о его жене, которая в прошлом была актрисой: ее творческим псевдонимом было имя Сорина, а по-настоящему ее звали Со Ёнджа. Все равно стол еще был пуст; к тому же мы оба прекрасно знали, что наслаждаться едой и одновременно обсуждать дела матери – абсолютно несовместимые вещи. По сути, мы начали с нейтральной территории. – Пришла ко мне в прокуратуру. Даже предварительно не позвонив...

Пережевывая канапе с лососем, я внимательно смотрела на брата. Когда речь заходила о Со Ёндже, я испытывала больше комфорта, чем

когда упоминали старшую невестку – пианистку, или среднюю – врача.

– Так вот, пришла и без предупреждения набросилась на меня с просьбой, чтобы полиция отпустила вора, который на прошлой неделе залез к ним в дом, а сейчас находится под следствием.

– Надо же, даже такое у них случилось?! Странно, что миссис Со Ёнджа так себя повела... Может, он ее бывший приятель?

Брат прервался и зацокал. Я решила настроиться на серьезный лад.

– Проблема в том, что этот тип был схвачен на месте преступления с драгоценностями. Однако миссис Со Ёнджа... Тьфу... Ты заладила, миссис да миссис, вот и я вслед за тобой... – выговорил он мне с улыбкой.

Казалось, мы с ним вернулись в прежние времена, болтали как старший брат с сестренкой. Прямо как перед моим пятнадцатилетием, когда он получил свою первую зарплату, обучаясь в институте по подготовке судебных кадров и проходя практику в суде. Тогда он позвал только меня и перед домом купил мне не обыкновенную ледышку на палочке, а сладкое тающее во рту мороженое в вафельке – сейчас эти события кажутся далекой сказкой.

– Однако младшая сноха не заявила на этого охламона в полицию. Да что там полиция! Она его поймала, накормила, отмыла и даже обувь ему купила, после чего отправила восвояси. Ючхан был не в курсе и спустя несколько дней после этого случая, вернувшись домой, увидел, как этот сопляк миссис Со Ёнджу, тьфу ты боже мой... жену брата... на диване в гостиной душил, вцепившись в горло. Это беременную-то женщину! Естественно, он бросился на него и задал трепку по первое число... Тут-то и выяснилось, что ему только на словах пятнадцать лет, а на деле – дохлик, ростом с третьеклассника. Тогда-то Ючхан и узнал, что этот парнишка уже один раз попадался его жене на краже. Разве будет он молчать, оставив все как есть? Он поволок этого пацана в полицию... А жена пришла просить, чтобы его освободили...

Я совсем запуталась, что к чему. Старший брат улыбнулся и выпил бокал хереса, который принесли как аперитив.

– Я тут узнал, что, оказывается, третья невестка у себя в районе известная личность. Если мимо проходит нищий, она домой его приведет, отмоет и накормит, а когда в округе чернорабочие на стройке после тяжелого труда устраиваются на земле, чтобы перекусить, зовет

их к себе и накрывает на стол... Так что в их доме побывало немало бродяг, на батальон, может, и не потянет, но с роту точно наберется. Таких выходов Ючхан не вытерпел и, предложив развестись, ушел из дому.

Брат закурил и, затянувшись, на минуту умолк.

– Так вот, пришла она ко мне в прокуратуру – ни грамма косметики, наряд самый простой... Обратилась: «Деверь!» – а я ее даже сразу и не узнал. Подумал еще: «Неужто годы берут свое, ведь когда-то она была непревзойденной красоткой Сориной...»

Казалось, старший брат ненадолго опечалился из-за того, что ее женская красота осталась в прошлом. Я вспомнила, как мой третий брат – профессор на кафедре экономики – заявил, что женится и зовут его избранницу Сорина. Старшие братья, не обращая внимания на возмущенный окрик матери «ты что, с ума сошел», сидели с выражением изумления и зависти... И только спросили, когда он приведет ее домой знакомиться...

– Припоминаю, что, когда они только поженились, случилось нечто подобное... Тогда, по-моему, произошел случай с мелким воришкой, который украл все свадебные украшения молодоженов и потом попался полиции. Однако они его отпустили после того, как невестка пришла в полицейский участок подтвердить, их ли это драгоценности: то ли они узнали в ней актрису Сорину, то ли она слезно умоляла освободить его, утверждая, что это ее знакомый и она сама с ним разберется. А раз пострадавшая просит, да и преступник уж очень молод, полиция, видимо, пошла навстречу... А в прошлом году, если мне не изменяет память, невестка села в такси, а водитель у нее спросил, узнаёт ли она его. Она ответила, что нет, а на ее вопрос, кто же он, таксист промолчал. Она приехала к месту назначения, сделала все свои дела, вышла на улицу, а водитель поджидал ее, упал перед ней на колени и заявил, что он такой-то и это его тогда полиция отпустила. Послав работу ко всем чертям, он упросил ее поехать к нему домой. А там его жена с годовалым ребенком рассказала, что муж каждый день вспоминает о заступившейся за него женщине, благодаря которой полиция его не задержала, и что им никогда не следует забывать о ее доброте... По ее милости он стал человеком... что после случившегося каждый раз, когда возникали трудности, он вспоминал слезы той женщины, и это помогало ему все преодолеть... Вот такая история.

И хотя уже принесли заказанную еду, мы еще некоторое время хранили молчание.

– Чудная женщина, что тут сказать. Ведь когда-то была шикарной актрисой, а сейчас мужественно сносит все мамины нервные вспышки и, в отличие от других невесток, неплохо справляется с поминками предков и домашними делами... Я только так привык о ней думать... Погоди, я увлекся. В итоге она стала упрашивать вмешаться, жалея, что вор совсем юный, умоляла в последний раз закрыть глаза, говорила, что нет никакого смысла сажать его за решетку, ведь он превратится в преступника со стажем... Послушал я, ситуация неоднозначная... Конечно, подсуетился и позвонил Ючхану сказать, как повезло ему с женой – великая женщина! А он захохотал, приведя в пример поговорку «Чтобы на свет появился святой, десятеро должны сгинуть!». И, вздохнув, объявил, что он один из десятерых и скоро сам станет бездомным...

Мы рассмеялись. Я вдруг осознала, что все это время безотказную третью невестку, которая не имела нормального высшего образования и беспрестанно со всеми во всем соглашалась, эту самую Со Ёнджу я на самом деле ни во что не ставила. Еще поняла, что я смотрела на нее глазами матери. Я ненавидела мать за то, как она измеряла все на весах тщеславия, а оказалось, я оцениваю людей точно так же. И при этом умудряюсь обвинять родных в снобизме и презирать их за это. Невестка, несомненно, была женщиной со странностями, ее действия были нелепыми и порой даже опасными и, по словам брата, доводили до изнеможения соседей, но мне пришлось признать: я сильно заблуждалась. Неожиданно мне стало стыдно перед младшей невесткой.

– Да уж, не самые подходящие родственнички для судебного обвинителя. Если так будет продолжаться, глядишь, прокуратура вообще двери закроет.

Брат засмеялся, а потом, взглянув на меня, проговорил:

– А ты думала, что в прокуратуре всех без разбора сажают? Мы тоже стараемся входить в положение. Недавно попала на краже женщина с ребенком на руках – жалко до невозможности... Я взял с нее обещание, что она никогда больше не будет этим заниматься, и отпустил по отсрочке возбуждения судебного дела.

– Что-то не верится! – воскликнула я, накручивая спагетти на вилку, хотя еда не лезла.

Отсмеявшись, брат перестал резать стейк и, мельком взглянув на меня, все-таки заговорил о главном:

– Мама... Матери через многое пришлось пройти. Обследования показали, что рецидива нет. А она заявила, что будет лежать в больнице, и устроилась в палату для вип-персон. Ну с ней ничего не поделаешь, если настаивает, что у нее снова рак, и говорит, там для нее лучше... Ты бы зашла к ней. Я каждый раз по дороге домой ненадолго заезжаю. Какая-никакая, а все же мать... И неважно, есть рак или нет, ясно одно: ей недолго осталось... – словно уговаривая, слегка пожурил брат.

Это застало меня врасплох. Я думала, он предложил встретиться, чтобы отругать меня за то, что я ее не навещаю. Брат отложил вилку и нож, допил бокал вновь заказанного вина и вздохнул. Видно, сейчас начнется настоящий разговор, как мы называли это с Юнсу. Я вдруг подумала: как же долго он проработал прокурором! Хотя я ни разу не присутствовала на допросах, когда преступник сидел лицом к лицу с прокурором, мне показалось, что именно так все и происходит.

– То, что ты сказала тогда на Итэвоне, когда напилась...

У меня упало сердце. Я подняла бокал и постаралась выпить вино как можно медленнее.

– Юджон! Это правда?..

Я опустила глаза. Мне не хотелось даже упоминать об этом. Я поняла, почему близкие убитой девушки поначалу не хотели встречаться с сестрой Моникой. Да и она сама говорила, что встреча с родными жертв в разы тяжелее, чем работа по перевоспитанию смертников, и самая сложная, потому что они не хотят выслушивать ничьи утешения. Когда я услышала от нее это признание, я не понимала, о чем она, но теперь до меня дошло.

– Прости. С тех пор я спать не могу нормально... Я правда не знал, поверь мне. Мать тогда сказала, что кто-то настойчиво приставал к тебе, а ты, как и все подростки в переходном возрасте, восприняла все чересчур близко к сердцу... Даже сейчас у меня не укладывается в голове. Ведь этот двоюродный брат на первый взгляд сама порядочность...

– Хватит об этом, – сказала я, схватившись за сигарету дрожащими пальцами. Умудрилась вставить сигарету не тем концом, а потом и вовсе выронила изо рта уже подожженную. – Мать была права, так что не стоит об этом... – проговорила я, оставив затею прикурить.

– Так значит, это было правдой!

Брат был прокурором. И на своем веку он перевидал тысячи врущих преступников. Его глаза медленно наливались кровью.

– Я поспрашивал у приятеля адвоката, если ты хочешь... Можно подать гражданский иск... – сказал он и потянулся за сигаретой.

Задача не из легких. Потребовать компенсацию за физический и моральный ущерб по обвинению в изнасиловании двоюродной сестры, произошедшем пятнадцать лет назад, у человека, занимающего одну из главных должностей во всемирно известной корпорации, имеющего хорошую репутацию и считающегося глубоко набожным христианином. В обществе поднимется шумиха. Ведь неизвестно, кто говорит правду. Из доказательств – только мое признание. И, скорее всего, мое богатое прошлое – несколько попыток суицида, лечение в психиатрической клинике, в том числе и от алкогольной зависимости – все это сводило вероятность победы практически к нулям. И более вероятно, что это меня упрекнут в ложном обвинении. И брат не мог не знать этого.

– Я тут подумал... Я... Если ты только захочешь... Я сделаю это. Даже если я потом лишусь мундира, хотя до этого вряд ли дойдет. Даже несмотря на то, что мама будет вне себя от ярости и мне придется отказаться от должности и завести частную практику... Я пойду на это, Юджон! Если это правда, то я этого ублюдка... как... как... это... этого не должно было случиться!

От избытка чувств он замолчал. Мне стало неудобно перед ним. За все произошедшее со мной. Я почувствовала вину перед ним за то, что, как говорила тогда мать, взрослая девка выросла и специально повертела хвостом и теперь – даже спустя пятнадцать лет – заставляю страдать старшего брата. И пускай ему пришлось бы для защиты своей сестры хоть двадцать раз подряд расставаться со своим мундиром так же, как регулярно линяет золотая летучая мышь, это вряд ли сработало бы. Он прекрасно понимал это, но все равно готов был пойти на этот шаг, за что я испытывала одновременно и благодарность, и вину.

– Я служил все это время честно, мне нечего стыдиться. Я не для того стал прокурором, чтобы посылать на повторные судимости несчастных мелких воришек, как думаете вы с младшей невесткой. Я во всеуслышанье заявлял о справедливости, и поэтому, как это ни печально, мне часто приходилось привлекать к ответственности и сажать за решетку. А служил я честно потому, что кому-то нужно брать на себя роль отрицательного героя, и тогда действительно хорошие люди будут под защитой закона... Справедливость – это наказание за плохой поступок, которое ты получишь, несмотря на возможность откупиться или влиятельных родственников и друзей. Все это время я боролся за доказательство существования справедливости.

Казалось, сердце начало рваться по швам. Брат расшевелил старую рану.

– Будет тебе. Я благодарна за твои слова, больше ничего не надо... все, проехали...

И это было правдой. Его слова стали огромным утешением. Нестерпимее всего мне было от того, что меня – пострадавшую – превратили в обманщицу. И это в глазах тех, в ком я была уверена, что они меня оберегают, любят и могут убрать с моего пути всех врагов... Но вместо этого они надо мной посмеялись. Одно только произошедшее было для меня травмой, но последовавшая реакция моих родных оставила на всю жизнь глубочайший след. И то, что это были любимые мною люди, которым я доверяла, лишь усугубляло ситуацию. Однако брат утверждает, что ни о чем не знал. Скорее всего, так оно и было. Я ведь тоже не знала о поступках младшей невестки и насмеялась над ней. Когда мать возмущалась тем, что, как бы ее муж-профессор мало ни зарабатывал, это срам – так безвкусно одеваться, я ей поддакивала. Также я не знала, с какой болью жил мой старший брат и как обстоят дела у среднего с младшим... И, наверно, и дальше ничего не изменится. И мой шок от посещения тюрьмы: я не предполагала, насколько бедны заключенные, у которых не было даже тысячи вон... Не знала, что преступник Юнсу, в досье которого три зверских убийства и изнасилование, может так светло улыбаться и горько плакать. А раз не знала, то ничего уже и не поделать. Поэтому мы, по словам Иисуса, являемся именно теми, кто «не ведает, что творит», и даже больше: мы даже не подозреваем, что являемся этими самыми глупыми созданиями.

Некоторое время брат подавленно сидел. Я, пытаясь подбодрить, похлопала его по руке и постаралась улыбнуться.

– Не торопись с решением... Давай еще подумаем... – выговорил он с трудом.

– Послушай, как проводится повторное рассмотрение дела? – перевела я разговор. Брата, похоже, удивил мой вопрос. – Я имею в виду тех, кто получил смертный приговор... Возможно ли остаться в живых, проведя пересмотр дела?

Выражение страдания и сочувствия на лице брата моментально сменилось усталостью. Он стал похож на мать, когда та восклицала: «Вот ты вся в свою тетю!»

– Ну... пересмотр возможен, только если настоящий преступник схвачен или же появились важные обстоятельства, способные изменить ход дела. А что?

Чуть помедлив, я проговорила:

– Я... я же встречаюсь с заключенным смертником... Чон Юнсу... Главным обвиняемым в деле об убийстве матери и дочери в районе Имундон... Этот человек... сам он об этом не говорил, но те, кто его знают, считают, что он взял на себя вину своего подельника. А если его сообщник признался, хвастаясь похождениями, тогда ведь точно правда? Этот самый подельник сейчас находится то ли в Тэджоне, то ли в Вонджу. Ему всего лишь пятнадцать лет дали: если повезет, сможет и раньше выйти...

Брат усмехнулся, будто бы говоря: вон ты про что...

– Чего ты смеешься? Если есть возможность, я попробую уговорить его сказать правду.

Брат посмотрел на меня так, как смотрят на младшую сестру, к которой надо относиться снисходительно.

– Правду? Юджон! На этом деле давно поставили точку. К тому же органы юстиции и прокуратуры не настолько глупы. И ложь, которую говорят эти люди, далека от справедливости, которую вершит судебная система нашей страны.

Брат, давая понять, что больше не хочет об этом говорить, переключил внимание на пачку сигарет, подхватил ее и стал постукивать ей по столу.

– Я... несколько раз виделась с этим человеком... Он не лжет. И о том, что я только что тебе рассказала, проговорился надзиратель. Во

время наших встреч он сказал, что тот просто хотел умереть, когда его схватили. И на первом свидании с тетей сказал то же самое. Просил оставить его в покое и дать ему умереть. Вот и получается, что он взял вину на себя, желая покончить с жизнью. Я верю этому. Ты же знаешь, я так просто людям не доверяю. Но я знаю это по себе, так как сама одно время хотела умереть. Будь я на его месте, поступила бы так же... У него нет расчета... Он хоть и преступник, но, уверяю тебя, он не лжет!

– Хватит уже об этом! – жестко отрезал брат, не в силах сдержать раздражение и гнев.

Мне показалось, что собеседник, который секунду назад с удовольствием общался и шутил со мной, вдруг принял строгий вид и с силой оттолкнул, отчего я упала навзничь. Брат, еще недавно готовый ради меня отказаться от должности и вынести общественное порицание, вдруг куда-то исчез, а вместо него появился Мун Юсик – прокурор Республики Корея. Кажется, слова «персона» и «личность» произошли от греческого театрального термина, означающего роль или маску... Оставалось решить, какое истинное лицо, а какое – маска.

– Что же такого особенного в судебной системе нашей страны? Чем же она так отличилась? Она же не Бог, чтобы все знать?

Брат строго взглянул на меня, всем видом показывая, что готов простить все, кроме этого.

– Сейчас не те времена, когда, основываясь лишь на словах преступника, выносят ему смертный приговор! Ты думаешь, стоит преступнику признаться, что он виновен, и судья – бац! – вынес решение?! – Брат повысил голос.

– И все равно ведь нельзя все знать с абсолютной точностью. Всю правду о преступлении могут знать только его участники и Бог, разве не так? Если даже в Америке, по слухам, в год выносят примерно десять ошибочных приговоров? И уже после того как человека подвергли смертной казни, обнаруживался настоящий преступник... Как ты можешь быть так уверен? Есть те, кого убили незаслуженно. Ты же не можешь не признать этого?!

– Не убийство, а приведение приговора в исполнение!

Похоже, брат разозлился не на шутку.

– Именно убийство!

– Говорю тебе, исполнение приговора!

– И все равно это означает убийство!

Брат на секунду перевел дыхание. Я не отступала.

– Как ни называй, все равно это убийство. Да и того, кто... как его, кажется, Чве Мощик, который подорвал мост на Хангане, его ведь тоже несправедливо убили. Так же как и печально известного О Хвиуна и членов так называемой народно-революционной партии... К тому же полно тех, кто практически дошел до вынесения верховным судом смертельного приговора, когда вдруг схватили настоящих преступников. И их ведь совершенно случайно поймали. Так что и прокуратура, и судебные органы не будут из кожи вон лезть, выясняя истину ради этого человека!

Брат снова глубоко вздохнул. Было видно, как ему хочется поскорее уйти отсюда. Я, мягко уговаривая его, продолжила:

– Ведь был давно случай, когда за убийство девушки задержали полицейского. Ты же слышал про это дело? Полицейский провел ночь со своей сожительницей в ёгване^[20], в семь часов приехал на службу, а его девушку обнаружили мертвой. Зная о том, что его несомненно обвинят в убийстве, он специально указал в журнале учета более раннее время прибытия на службу. Его арестовали. А раз он даже попытался фальсифицировать доказательства, то это была безоговорочная вышка... Полицейский просто признался в убийстве. Почему же он так поступил? Он прекрасно знал, как работает вся эта система... И раз уж он влип, то, естественно, понимал: ему никак не выпутаться. Вот и пошел на «чистосердечное признание», надеясь на пожизненное, так? Примерно в это же время, случайно, недалеко от места убийства был задержан воришка на карманной краже. У него обнаружился ключ от комнаты убитой сожительницы полицейского – так и вышли на настоящего преступника, а полицейского отпустили. И еще был случай! Человек, которого задержали, кажется в Кенджу, как убийцу? А так как он упорно отпирался, утверждая, что это не он, что не убивал, то прокуратура подсуетилась и нашла безоговорочные улики, поставив его в безвыходное положение, чтобы он никак не смог отвертеться. В результате его арестовали. А потом – раз! – задержали настоящего преступника тоже совершенно случайно! Это даже поместили в учебник по судебной практике как выдающийся пример расследования.

Брат сидел в полной растерянности.

– И когда это ты успела во всем разобраться?

Я тряхнула головой. Мне хотелось закричать: «Почему ты думаешь, что все люди так плохи?!» И вдруг вспомнила, что тетя Моника, бывало, говорила мне то же самое! Надо же! А мы и вправду с ней похожи! Внезапно мне захотелось снова стать «старой» Мун Юджон, которая вдребезги разбивала пластинки. Какое же у меня истинное лицо? Даже сейчас я думаю, что тогда в моих словах логика отсутствовала. Буквально пять минут назад я заявляла, что ни за что не смогу простить своего двоюродного брата, а теперь защищала Чона Юнсу как мать.

– Послушай, брат...

– Даже если бы я был президентом, ничего бы не вышло. И разве этот тип открытым текстом заявляет, что не убивал? Послушай, Юджон! Для таких личностей ничего не стоит врать, они лгут, словно рис едят. Я, конечно, понимаю твои чувства, но все же я получше тебя осведомлен про этот сброд...

– Тем не менее и среди них встречаются хорошие люди. Бывает, человек ищет смерти, а бывают времена, когда человек не в себе. И в такие моменты люди идут на обман, но признайся, ведь и мы с тобой вполне способны на такую ложь... Если кто-то заявит, что вся прокуратура Республики Корея состоит из мошенников, это не будет правдой. На свете есть и прокуроры похуже убийц, есть и заключенные, похожие на ангелов. Как лица отличаются друг от друга, так и обстоятельства у людей у всех разные.

Брат посмотрел на часы, показывая, что уже выдохся. Ему явно хотелось сбежать, он не понимал, почему его собственная сестра защищает преступников.

– Можно ну хотя бы... Чтобы он просто остался жить?

Брат опять улыбнулся и потер усталые глаза. В кои-то веки встретился с младшей сестренкой, хотел утешить ее, а разговор вдруг повернул совершенно в другое русло.

– Я же не прошу выпустить его из тюрьмы, только прошу сохранить ему жизнь.

Брат, скрестив руки, медленно покачал головой. Надеяться не на что.

– Он ведь в любом случае умрет. Даже если получится спасти ему жизнь... Не пройдет и пятидесяти лет, как мы все покинем этот свет...

Ты так любишь жизнь, что жадничаешь и не хочешь спасти его? – Я почти перешла на крик.

Во время всей этой тирады я засомневалась, действительно ли так переживаю за Юнсу. И, договорив, вернее, заставив себя замолчать, вынуждена была признать, что меня по-настоящему беспокоит судьба заключенных. Казалось, я сейчас расплачусь. Лицо брата побелело, он не двигался. Я снова, глядя ему в глаза, медленно проговорила:

– Знаешь, мне хотелось собственноручно прикончить эту сволочь!

Он внимательно взглянул на меня. Это признание, похоже, его шокировало.

– Да, именно так... Несколько раз я хотела заявиться в его дом с ножом в руках и сделать это на глазах у жены и детей. Сейчас его дочери исполнилось где-то четырнадцать? Так вот перед ней я хотела зарезать этого мерзавца ножом, самым мучительным способом... Потому что его нельзя назвать человеком – мразь он порядочная. Но, несмотря на все, семейные фото этого ублюдка печатают в журналах... А когда я увидела фотографию, где он молится в церкви... Говорю тебе, мне хотелось пойти к нему и прикончить его.

– Юджон! – гаркнул брат с перекошенным лицом.

Я понизила голос:

– Да, знаю! Убивать – это плохо. Поэтому не смогла. Не хватило смелости, не подвернулся случай... Однако что бы было, если бы я пошла на это? Что, если я, считая его отбросом общества, достойным смерти, повесила бы его? Это считалось бы убийством? Если за совершенное меня назвали бы убийцей и повесили, как бы это называлось? Свершением справедливости? В обоих случаях один убивает другого, а по твоим словам выходит, что в одном случае – убийство, а в другом – приведение приговора в исполнение. Один окажется убийцей и заплатит за преступление смертью, а второй поднимется по служебной лестнице! Это и есть так называемая справедливость?

Брат с каменным лицом рассеянно смотрел на меня. Потом с улыбкой проговорил:

– Ну надо же, как подобрела наша Юджон, теперь даже начала ходить по тюрьмам...

Затем взял счет и встал из-за стола.

Синий блокнот 15

Существует ли на самом деле то, что называют судьбой? Возможно, да. В тот день мы со старшим приятелем решили ограбить ювелирный магазин в районе Ыйджонбу и сели на метро, чтобы съездить на разведку. Надо было пересесть на «Тондэмуне», но, увлекшись разговором, мы по ошибке вышли на станции «Стадион Тондэмуна». И вот там я встретил ту злополучную женщину. Если бы в тот день я правильно пересел на метро, как бы все сложилось? Был бы я спасен?

Та женщина лет сорока владела маленьким баром, куда мы с приятелями часто заходили в пору моих бесчинств. Надо сказать, она относилась ко мне довольно благосклонно и даже иногда подкидывала денег на карманные расходы, словно я приходился ей младшим братом. Женщина эта, судя по всему, не отличалась особой порядочностью (хотя кто знает, что вообще означает добропорядочность) и, честно признаться, частенько бросала на меня недвусмысленные взгляды. Я же ни о чем подобном не думал из-за немаленькой разницы в возрасте, да и она мне почему-то не нравилась. Не знаю. Может, я интуитивно чувствовал, что отношения с ней не принесут ничего хорошего...

Она сказала, что сегодня у нее выходной, и предложила пойти к ней домой пропустить по стаканчику. Мне стало противно от ее явного заигрывания, и я собирался отказаться, но приятель подмигнул, давая понять, что хочет согласиться, – он был в курсе, что у нее водятся деньжата. Однако тогда я воспринял его подмигивание просто как согласие на выпивку. Поэтому, хоть мне не сильно и хотелось, мы поехали к ней на квартиру в районе Имундон.

Как только мы пришли домой, дамочка тут же переделась в полупрозрачную юбку и, выставив спиртное, заявила, что хочет поговорить со мной с глазу на глаз. Я попросил приятеля подождать и последовал за ней в спальню. У меня не было времени на праздные разговоры, пока моя любимая, неудачно забеременевшая по моей вине, находится между жизнью и смертью. Я стал умолять хозяйку занять мне три миллиона вон, обещая во что бы то ни стало отдать их. Выслушав мою историю от начала до конца, она сделала предложение: я спасу твою женщину, дам деньги на операцию, а ты за это должен

будешь переехать ко мне жить. Я жутко разозлился, что эта тетка в такой критический момент тянет драгоценное время, зазвав нас к себе ради подобной низости. Вне себя от ярости я бросил, что не пойду на это, и собрался выйти, как из комнаты напротив послышались вопли.

Глава 15

Лето подходило к концу с дождями и ветрами. Я ждала прихода четверга так же, как Лис ждал Маленького принца к четырем часам. На этот день я старалась ничего не назначать и уже с вечера среды размышляла, о чем же мы будем беседовать с Юнсу. Помня, что в тюрьме за всю неделю его никто не навестил, и ждет он только меня, по четвергам я не могла позволить себе даже заболеть. Юнсу основательно взялся за чтение книг и иногда упоминал имена поэтов, о которых я никогда не слышала. Меня это радовало и одновременно тревожило. Когда на газетных страницах появлялись статьи о других преступниках, у меня сжималось сердце от мимолетных замечаний окружающих: убивать надо... выродков этих... Перед моими глазами всплывал образ Юнсу. Общаясь с тетей Моникой по телефону, я несколько раз порывалась сказать о моем желании прекратить встречи, однако мысль, что следующий четверг может для него стать последним, останавливала меня. Я не могла бросить его. Вот, оказывается, почему тетя приходит сюда уже тридцать лет.

Я шла по коридорам изолятора после посещения Юнсу. Перед зданием тюрьмы виднелось несколько цветущих кустов роз, чудом распустившихся в этом месте, но они совсем не напоминали золотое поле пшеницы, где Лис ждал Маленького принца. Офицер Ли шел за мной, неся в руках сумку с пустыми контейнерами от перекуса, который я принесла с собой. На дорожке напротив изолятора валялось несколько листьев, опавших раньше остальных. На сегодняшнем свидании Юнсу сказал про них, что листья еще не растеряли свои зеленые краски, но шуршат при каждом порыве ветра, предвещая приход осени. Внешне вроде не изменились, а звук другой. Казалось бы, одна и та же зеленая листва на деревьях и весной, и летом, и осенью, а слышится по-другому... Выходит, внешний вид – это еще не все.

Сегодня Юнсу говорил особенно умиротворенно, как-то неторопливо. У него словно что-то улеглось на душе. Это напомнило мне осеннее озеро: внешне вроде бы такое же, как и в другие сезоны, однако цвет воды оседал где-то там, в глубине.

– Вы знаете... А я ведь тоже живу в ожидании четверга... – произнес офицер Ли.

Я смущенно улыбнулась, убирая выбившиеся волосы за уши. Стало как-то неловко. «Госпожа Мун, вы сильно изменились в последнее время... Выглядите отлично! Видимо, произошло что-то хорошее. Раньше вы были такой взвинченной...» – говорили мне при встрече преподаватели в институте. Хотелось, чтобы они не сильно перемывали мне кости, но я была польщена, что от них не ускользнула моя перемена к лучшему.

Сейчас мне кажется, мы с Юнсу отражали друг друга. Я успокаивалась настолько, насколько спокоен был он, а когда он начинал нервничать, я тоже начинала испытывать тревогу. Наступает осень, совсем скоро – конец года, и мы не могли опять не думать о смерти. Степень напряжения, которую испытывает заключенный-смертник и его родные и близкие, равноценна ежедневному прохождению казни. Его страх подобен страху человека, который получил угрожающее послание от гигантского монстра: «Будь готов, я иду тебя убивать!» Он чувствует, что каждый день находится в лапах этого чудовища.

– Сначала... попал сюда ради сдачи государственного экзамена, а сейчас благодарю судьбу, что так получилось. Именно здесь я начал задумываться, что такое человеческая жизнь и что такое смерть.

Офицер Ли впервые обратился ко мне с такой длинной речью. И его слова показались мне искренними. За десять лет работы в изоляторе мимо него прошли десятки смертников, таких как Юнсу, которых он приводил сюда и затем уводил навсегда.

– Наступает осень, и в сердце закрадывается страх, ночами не могу заснуть. Если в прошлом году смертные приговоры не приводились в исполнение, значит, в этом году их не миновать... Представляете, если у меня такой мандраж, то что говорить о приговоренных. С этого момента и до конца года все будут взвинчены, и начинают происходить всякие инциденты. Услышу ночью крики, пойду проверять – оказывается, кошмары мучают... Похоже, даже во сне они проходят через муки казни...

– А как Юнсу в последнее время?

Офицер Ли хохотнул.

– Можно сказать, чуть ли не монахом стал. Ночами читает книги и молится, а деньги, которые вы переводите, судя по всему, отправляет тому, кто больше всех в них нуждается. В последний раз, когда сестра Моника приходила на мессу и рассказывала про католических отшельников, которые всю жизнь проводят за решеткой, и про буддийских монахов, которые живут в землянках, она даже похвалила Юнсу за то, что он похож на них. Пока я здесь служу, тут и бывшие президенты сидели, не так давно был кандидат на пост президента. Парламентарии, министры, монополисты... Я в политике не силен, однако в этом месте жизнь каждого как на ладони, можно наблюдать сквозь стекло... Невольно задумываешься о многом...

Я не спросила, о чем – не было необходимости. Мы миновали одну дверь за другой. На выходе, перед тем как попрощаться, я спросила:

– Послушайте... приведение в исполнение... о нем заранее объявляют?

Офицер Ли, чуть замешкавшись, ответил:

– Накануне вечером... Надзиратели без выпивки не могут это все выдержать... Вроде бы и уголовники... да и мы все время ворчали, глаза бы их не видели, однако, хочешь не хочешь, успели привыкнуть. Когда читаешь про них в газете, они кажутся чудовищами, а узнаешь поближе – обычный человек. На поверку выходит, люди везде одинаковые... После проведения казни еще месяц без выпивки жить не получается. Говорят, те, кому пришлось быть свидетелями убийства, выступают за высшую меру наказания, а те, кто видел смертную казнь, становятся сторонниками ее отмены... Понятно, что правы и те, и другие. Я сказал, что благодарен судьбе за то, что оказался надзирателем, но после исполнения смертных приговоров хочется все бросить и уйти. Неудивительно, что многие надзиратели впоследствии становятся проповедниками или буддийскими монахами. Думаю, причина одна и та же.

– Когда я встретилась с вами впервые, вы, кажется, назвали Юнсу вконец испорченным отморозком...

Офицер засмеялся.

– Хоть и отморозок, но все же человек. Ведь нет таких, кто изо дня в день творит зло? Я тоже иногда выкидываю такое... Ого! Похоже, и я договорился до правды...

Попрощавшись у выхода, я зашагала к машине, по дороге оглянулась и увидела, что офицер Ли все еще стоит на прежнем месте. Я помахала рукой. Он помахал в ответ. Внезапно я задумалась: что же будет с нами после смерти Юнсу? Я сомневалась, сможем ли мы смотреть друг на друга без него. Я вдруг поняла: мысль о том, что смерть настигает лишь приговоренных к казни, – заблуждение. На самом деле, хоть и неизвестно когда, я тоже умру, и офицеру Ли суждено когда-то покинуть этот мир. Как и мать без какого-либо намека на рецидив тяжелой болезни лежит в больнице, пытаюсь избежать смерти, которая и сама-то не торопилась приходить.

Солидные люди в костюмах и с черными папками в руках выходили из стоящих поодаль черных микроавтобусов, торопливо направляясь к входу. Судя по всему, адвокаты. Они тоже умрут. Даже если не торопить события, среди тех, кто сегодня находится здесь, через сто лет в живых не останется никого. И тем не менее все они торопились. Побыстрее убить... Если бы старший брат услышал мои рассуждения, он бы рассердился, утверждая, что это всего лишь приведение в исполнение приговора.

Зазвонил телефон. Тетя Моника! Мы давно не виделись, осень задувала сухим ветром, и мне еще больше захотелось с ней встретиться. Я отправилась в Соннам. Кто-то умер, и она просила приехать туда. Еще одна смерть. По словам будды Шакьямуни, самое удивительное в этом мире – что все мы живем, напрочь забывая о поджидающей нас смерти. Чтобы добраться до Соннама, я поехала в сторону Пундана. Слева от дороги на крутом склоне я заметила кладбище. Иногда я проезжала по этой дороге, возвращаясь из тюрьмы, но увидела его впервые.

– В газете я прочитал про самолет корейской авиакомпании, потерпевший катастрофу на Гуаме, – сказал Юнсу сегодня на встрече. – Я подумал: погибло аж двести человек. Я не мог уснуть. Господи, лучше бы ты забрал мою жизнь вместо тех невинных людей... Сердце сжималось от боли. Ведь у погибших наверняка остались те, кого они любили, кто сейчас скорбит и терзается.

Кладбище и потерпевший катастрофу самолет... Та осень начиналась с какого-то зловещего предзнаменования.

На пустыре позади рынка в районе, где дома плотно прижимались один к другому, были установлены несколько тентов. Я припарковала

машину на углу и, зайдя на пустырь, стала искать тетю – какая-то женщина проводила меня. Тетя сидела под тентами в окружении людей. Когда я приблизилась, она притянула меня к себе.

Перед комнатой с фотографией покойной выстроилась длинная очередь. «Странно! Да кто же это умер, что в этом захолустье собралось так много людей?» – подумала я. К тому же почти все в очереди стояли со слезами на глазах. Они искренне горевали.

Тетя Моника взяла меня за руку и посмотрела в лицо снизу вверх. Ее волосы, убранные за уши, серебрились под сквозными лучами осеннего солнца. Я снова подумала, что будет, если она умрет. Маленькие руки тети были жесткими и шершавыми, словно необработанное дерево. Неожиданно мы оказались в самом начале очереди.

С фотографии в черной рамке улыбалась женщина в красивом ханбоке, традиционном наряде. Волосы спереди были разделены прямым пробором, а на затылке собраны в пучок. В комнатухе где-то в полтора пхёна (ее и комнатой-то не назовешь) с фотографией покойной едва мог уместиться один сидящий человек, помимо гроба. На входе люди выстроились в длинную очередь. Я положила цветок и поклонилась. В это время тетя Моника стояла, прислонившись к стене, рядом с которой в углу лежала груда писем до самого потолка. Таких стопок было несколько по всему периметру комнаты.

Я напоминала человека, который, выплакав положенное, интересуется: «А кто же умер?» Тетя вывела меня наружу. Пока мы были внутри, очередь из желающих помянуть покойницу, воскурив благовония в курильнице, стала еще длиннее.

– Эти люди приехали со всей страны. Среди тех, кто связан с волонтерской деятельностью в тюрьмах, нет ни одного, кто не знал бы ее. Еще в довольно молодом возрасте, ей было чуть больше сорока, она овдовела, а муж, видимо, оставил кое-что в наследство. Детей не было. Эта уважаемая женщина продала все имущество, арендовала каморку в полтора пхёна, все имеющиеся накопления перевела в наличность и положила их на хранение в комод, который ты видела в комнате. Потом с этими деньгами ездила по всем тюрьмам и переводила на счета заключенных, встречалась с ними... Видела горы писем? Все они пришли с разных уголков страны. Как-то я спросила ее: «Что будете делать, если, не дай бог, заболете, а деньги к тому времени уже

закончатся?» А она мне в ответ: «А чего переживать? Если для меня еще дела остались, то Господь восполнит всем необходимым, а нет – так заберет к себе!» Про себя я тогда подумала: ну надо же, какая непредусмотрительность! А сегодня утром она покинула этот мир. Говорят, еще вчера она посетила изолятор в Тэгу, поужинала со своими спутниками, а после расставания ушла спать... Утром открыли комод, а там денег осталось как раз на похороны.

Я снова взглянула на ту маленькую комнатку.

– Да ну?

– Вот ты недоверчивая, что ж, я тебя обманывать буду?!

– А почему в газете не напечатали?

Уже после того как вопрос сорвался с языка, я поняла, что сморозила глупость. Однако, если честно, в историю верилось с трудом. Вроде и не сказка, которую рассказывают детям на ночь, и не байка о чудесах, слушая которую, в глубине души подозреваешь, что без выдумки не обошлось. Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Это произошло не когда-то давным-давно, не в Средневековье и не на Западе, а здесь, в Корее, да еще и в настоящее время! Дрожь пробрала от того, что на свете действительно есть такие люди!

– Она шумиху не переваривала и изо всех сил старалась избежать. Хотя раз или два в газете про нее все-таки написали. На интервью она не согласилась, так что вышла просто статья, – сказала тетя, не выпуская моей руки из ладони.

– Странно. Почему же я не слышала об этом?

Тетя промолчала. Если разобраться, пишут про это в газете или нет, я жила в полном неведении, что такие люди вообще существуют в этом мире. Я не хотела знать, потому что, как говорил с грустью в голосе дядя, если хочешь что-то познать, нужно это выстрадать. И кто бы это ни был, ты сам или кто-то другой, чтобы это прожить, надо честно на все взглянуть, прочувствовать и понять. Выходит, истинная жизнь, основанная на познании, невозможна без сострадания. А сострадание не существует без понимания, а понимание не может существовать без заботы. Любовь – это заинтересованность. Получается, старший брат Юсик, признавшийся в неосведомленности об изнасиловании, возможно, на самом деле не любил меня. Хотя он и катал меня на спине, баловал мороженым и утверждал, что всегда переживает за

меня. На деле же, видя перемены, происходящие во мне, он всего лишь успокаивал себя мыслью, что не знает, почему это случилось. Таким образом, если задуматься, незнание не может служить оправданием грехов и является антонимом любви. А также антонимом к словам «справедливость, сочувствие и понимание», и даже является противоположностью единоклассника, которое должно существовать между людьми само по себе.

– Кстати, я ведь позвала тебя сюда, потому что Юнсу тоже знал эту женщину. Прошлой зимой, когда я ездила к нему без тебя, он рассказывал мне про нее и очень хотел встретиться с этой удивительной личностью. Я тогда пообещала разузнать, но она решила отправиться на покой раньше Юнсу... Смерть ведь сама решает, кому какой черед... Старая стала, голова уже совсем плоха, в последнее время все забываю...

Мы прошли под один из тентов и присели за столик. Женщины в фартуках разносили еду и выпивку. Пожилой мужчина неподалеку помахал нам с тетей, словно мы были знакомы, подошел к нашему столику и, поприветствовав, сказал: «Давно не виделись, сестра Моника!» Казалось, он намазал гелем не только волосы – так сильно лоснилось его лицо. Эдакий румяный здоровяк.

– Познакомься, это бывший начальник сеульского изолятора. Сейчас на пенсии, – проговорила тетя. Я тоже представилась, чем вызвала его бурную реакцию:

– Я слышал, что вы решили стать членом религиозного комитета, и очень хотел встретиться с вами. Вы не представляете, как мои дети в детстве обожали вашу песню «В страну надежды»...

Мне он почему-то не понравился. Как у людей не очень умных, но с обостренными чувствами, я ощутила это на уровне инстинкта. Особенно чувствительные радары у меня срабатывали на мужчин. Правильно это или нет, но при виде мужчин я первым делом давала им оценку, а мерилом служил мой двоюродный брат. Кто бы передо мной ни был, у меня сразу возникала антипатия, если он напоминал мне мерзавца-кузена. Это было что-то вроде шрама. Так что, вероятно, тетя Моника была права, говоря, что пришло время освободиться от гнета прошлого. Мой кузен довлел над всей моей жизнью. И даже если бы передо мной выстроились хоть все святые – неважно, какой религии, – я бы все равно сначала сравнила их с братом. Зная за собой эту

слабость, я почувствовала укол вины перед этим мужчиной. Он предложил тете Монике рюмку соджу. После некоторого колебания она поднесла ее ко рту.

– А почему бы и нет! Одна не повредит... Покойница так любила соджу, что частенько просила пропустить с ней по стаканчику, а я, прикрываясь своим монашеским званием, связанная религиозными ограничениями, все отнекивалась и в конце концов упустила шанс.

Лицо тети выражало искреннее раскаяние. Она медленно поднесла рюмку к губам и продолжила:

– Покойница мне как-то призналась, что тоже хотела стать монахиней, но из-за соджу не смогла. И меня все поддевала, говоря, что водка гораздо ближе к Богу, чем монашеское одеяние. Да и среди всех изобретений человечества алкоголь – самая демократичная вещь, и все в таком духе... Доказывая, что и финансовые магнаты, и самые захудалые трудяги пьют одну и ту же соджу за шестьсот вон... Заграничные виски и вина делятся на категории, и только у одной соджу нет ничего подобного... И напоследок подшучивала надо мной, как это я могла состариться, не отведав этого спиртного напитка... Вот наконец и распробовала – вкус и вправду отменный!

Тетя не выпила и половины, но казалось, уже захмелела.

– Да уж, она в свое время предлагала хотя бы по праздникам отпускать заключенным по рюмочке соджу, из-за этого такое началось... Конечно, скорее всего, она пошутила... И тогда же, если мне не изменяет память, сокрушалась, что наши братья за решеткой не могут побаловаться этим доступным для всех напитком... Что ни говори, я благодарен Богу за то, что жил и трудился бок о бок с таким замечательным человеком!

Тетя не ответила. На некоторое время разговор прервался.

– Какие у вас впечатления от общения со смертниками? Мы ставим себе целью перевоспитание, однако в действительности людей сильно не хватает. К тому же в нынешние времена чего ни коснись, все сразу начинают кричать про права личности – голова кругом идет. Вот надзиратели из последних сил и выбиваются... Слышал, вы встречаетесь с Чоном Юнсу... Да уж, таких сволочей, как он, еще поискать... Этот тип хоть какие-то признаки раскаяния проявляет?

Его вопрос привел меня в замешательство. Промелькнула мысль, что он не в тюрьме работал, а состоял на службе где-то в

госучреждении. Если бы это была не первая наша встреча, скорее всего, я ответила бы в духе старой Мун Юджон, не церемонясь: «Если вас так интересует, сходили бы и лично убедились...»

– Вашими молитвами я сама перевоспитываюсь.

Он громко расхохотался, хотя мой ответ, видимо, его не удовлетворил – он решил сменить тему.

– А священник Ким окончательно выздоровел! Не чудо ли?

– Нынешняя медицина на высоте... Лекарства делают свое дело, да и сам отец Ким был решительно настроен на борьбу с болезнью.

Казалось, это тетя в прошлом была начальником в тюрьме, а этот тип был как монашка. Меня это немного развеселило.

– По правде сказать, когда в последний раз я ходил его навещать, сказал ему, чтобы он забыл обо всем и лишь без устали повторял двадцать второй псалом... Это принесет исцеление... В прошлом мой друг заболел раком, а после того как я посоветовал ему то же самое, это сработало – он выздоровел, – протараторил мужчина.

Я, кажется, поняла, почему тетя таким образом отвечала ему про медицину. Однако мне стало интересно, что же это за стих в Библии, имеющий силу заговора.

– А что за двадцать второй псалом? У него и вправду такой хороший эффект?

Мужчина изумленно взглянул на меня. «Вот это да, член религиозного совета называется, а таких азов не знает?» – говорил его вид. А то, что я употребила слово «эффект», окончательно испортило картину. Я даже немного заволновалась. А вдруг он спросит, исправно ли я хожу в церковь? Мне действительно стало не по себе, но в то же время в душе поднялся протест: и чего он так умничает, взял бы да объяснил, что это за двадцать второй псалом. Он взглянул на меня немного высокомерно и ничего не ответил, как бы намекая: раз тебе так интересно, то походи и посмотри дома сама.

– Там говорится... «Господь – мой пастырь, и я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим... И если пойду долиною смертной тени, не убоюсь зла!..» – решила вмешаться тетя Моника, чтобы хоть как-то разрядить накалившуюся атмосферу.

Не такой уж и трудный отрывок. Даже нехристианин хотя бы раз встречался с ним.

– А! Так это тот самый отрывок с плаката-оберега, который клеят у входа в ресторан!

– Послушайте...

Тетя, видимо, почувствовала, что я сейчас взорвусь, поэтому оборвала меня на полуслове. Я ведь и правда всегда таким образом нарывалась на неприятности, так что она логично предположила, что может оказаться из-за меня в некрасивой ситуации.

– Послушайте... Знаете, совместно с представителями буддистской и протестантской общин мы хотим начать активную кампанию за отмену смертной казни... Вы не хотите присоединиться?

Помрачневшее лицо нашего собеседника говорило, что задета его гордость, ибо та, кого он от души поприветствовал, вдруг ни с того ни с сего понесла несусветную чушь про какие-то обереги и талисманы, умалив достоинства псалмов.

– Отмена смертной казни? Гм-м, даже не знаю... В любом случае надо добиться одобрения парламента... Кто знает, возможно, он пойдет навстречу ради роста своей популярности, ведь они люди современные и идут в ногу с прогрессом... Однако, что касается меня, то... как вам сказать... мой ответ – скорее нет, чем да... Поскольку, сестра, это прежде всего создаст бюджетные проблемы снабжения изоляторов. Каждый смертник должен быть под круглосуточным наблюдением, а значит, придется увеличить количество надзирателей. Кто возьмет на себя такие расходы? К тому же это, конечно, крайности, но имеет ли смысл пострадавшим платить налоги, чтобы содержать чудовищ, которые убили их любимых? Выходит, что в конце концов мы перекладываем обязанность поддерживать существование убийц на плечи близких убитого...

– Да уж, когда думаешь о потерпевших, смотришь на ситуацию их глазами... Решение проблемы заходит в тупик, – заговорила тетя, а я не удержалась и беспардонно встряла:

– По-вашему, выходит, что их следует убивать, чтобы сэкономить деньги?

Он впился в меня взглядом, который говорил: «Дело не в деньгах, а в финансовых соображениях!» После чего просто-напросто отвернулся.

Синий блокнот 16

Когда мы с женщиной выбежали, мой приятель уже успел изнасиловать и пырнуть ножом ее дочь, спавшую в комнате напротив. Рубаха приятеля была вся в крови. Он заявил, что понял наше перемигивание в метро как мое согласие на то, чтобы избавиться от хозяйки, обчистить квартиру и свалить. Поэтому, когда я пошел с ней в спальню, он решил – я прикончу ее, а он разделается с дочерью. Я остолбенел, но пути назад не было. За моими плечами уже числилось пять отсидок, и, как бы в подобной ситуации я ни оправдывался, с таким багажом избежать наказания было невозможно. Женщина побелела от страха и даже не могла кричать. Я замешкался лишь на секунду, она начала пятиться в комнату, и тогда я совсем струхнул. Приятель бросился вслед за ней и, несмотря на мольбы, задушил ее. В тот момент, вспомнив, как она бесстыдно заигрывала со мной, бахвалилась своими деньгами, я, кажется, подумал, что такую, как она, не жалко и прикончить. У меня не возникло ни грамма сочувствия к старой развратнице. Я подошел к мертвой женщине и хладнокровно снял с ее пальца кольцо. Сидящий внутри дьявол, давно воспитывавший меня, словно бы подбадривал: молодец, ты правильно поступил, – отчего я почувствовал невиданную браваду, которой не было раньше. Я думал только о том, сколько у нее может быть денег... «Хорошо бы, если много...» И это думал тот, кто называет себя человеком! Когда мы выгребли из комода карточки, деньги, украшения и собрались удирать, в зал выползла дочь. Она была еще жива – приятель ткнул ее ножом впопыхах и решил, что убил. Вам наверняка знакомо чувство, когда судьба насмехается над человеком. В довершение ко всему вдруг послышался звук открывающегося во входной двери замка.

Глава 16

– Ради бога, веди себя как подобает в твоём возрасте! Ты ведь ко всему прочему все-таки профессор. Ладно при мне или при домашних так выделываться, но перед чужими людьми ты могла быть сдержаннее? Даже окружающие стали замечать, что твоё состояние в последнее время стало лучше, чувствуется прогресс, и на́ тебе... Ты хоть представляешь, как они сильно помогают нам и на сколько вещей закрывают глаза? То, что я приношу булки, а ты – перекусы, считается незаконным... Тебе уже за тридцать, а все поумнеть не можешь! Или, как ты сама выразилась, до конца жизни и будешь безбашенной?

Листва на улице перед монастырем в районе Чхонпхадон уже кружилась. Тетя еще не до конца оправилась от сильной простуды, поэтому я заехала за ней. Пускай я первая обозвала себя безбашенной и поделилась с ней по телефону, что мы с офицером Ли и Юнсу в шутку называем себя «командой безбашенных» (после того как я употребила это словечко), как могла тетя упрекнуть меня? Да еще и по прошествии целого месяца с того разговора. Слова задели за живое. Внутри я возмущалась, однако у тети действительно был повод. Только что она обмолвилась по телефону, что после встречи с тем типом на похоронах какие-то слухи дошли до начальника изолятора, и он велел членам религиозного комитета придерживаться установленных правил.

– А мне все равно не понравились его слова, что нужно казнить из-за денег! Я не понимаю, как можно считать, что казни экономят деньги. Старший брат наверняка долго и упорно убеждал бы, что не из-за денег, а по финансовым соображениям. Но ведь это одно и то же! Все чиновники одинаковые! В любом случае меня это бесит... Разве тебя, тетя, это не выводит из себя? А самое ужасное, что это говорит бывший начальник тюрьмы!!!

Тетя тяжело вздохнула.

– Конечно, меня это тоже возмутило, чего скрывать... Почему, думаешь, твоя мать постоянно попрекает тем, что мы похожи? Если бы я в твоём возрасте услышала подобное, я бы не раздумывая подошла и стукнула его по башке!

Я чуть не выпустила из рук руль.

– Так почему же ты одергиваешь меня?

Она на минуту задумалась.

– По опыту знаю, что пользы от этого никакой и даже наоборот, все может выйти боком. Меня за такое чуть из монастыря не выгнали несколько раз. Вот я тебя и предостерегаю, чтобы не повторяла моих ошибок.

– Тетя! Ты точно монашка?

Она засмеялась.

– Не знаю, Юджон... Я на самом деле тоже этого не знаю. Ведь черное одеяние еще не означает принадлежность к монашеству, а ношение с собой Библии – не доказательство христианства... Наступила осень, и у меня на душе неладно. Мне кажется, я не переживу, если в этом году еще раз придется прощаться с моими подопечными. После последней казни отец Ким три месяца не мог оправиться от шока. Скорее всего, и раком заболел из-за этого. Так что мы затеяли это движение за отмену смертной казни скорее не ради узников, а ради себя.

Тетя вздохнула.

Я тоже с недавних пор при встрече с Юнсу представляла, как перед его глазами опускается петля. В моем воображении его лицо покрывала смертельная бледность. Хотя, честно говоря, он и так казался смертельно бледным. В такие моменты в моем сердце рождался вопль: «Нет! Ни за что!» – и в то же время я чувствовала себя жалкой, удивлялась, как жизнь смогла связать меня с этими людьми и довела до нелепых фантазий. Интересно, кому принадлежит фраза «испариться, как роса», подразумевающая повешение? Офицер Ли как-то рассказывал, что петля на месте казни вся почернела. «Видимо, при сдавливании шеи у смертников выступает на коже какая-то жидкость, – пояснял он. – Но когда заходит речь о замене веревки, добровольцев для ее замены не находится...» Каждый раз, слыша это сравнение, я, скрипя зубами, огрызалась, что не роса это, а кровь вперемешку с потом, пропитавшие петлю. Изредка мои друзья заявляли, что слышали, будто повешение – самая безболезненная казнь... И тогда я яростно, брызжа слюной, набрасывалась на них: «А вы спрашивали у них? Спрашивали у уже мертвого, самый ли это лучший способ умереть?!» Например, в таких передовых странах, как

Япония и Америка, где еще выносят смертные приговоры, повешение уже давно не используют. Потому что, когда смертникам предлагают выбрать один из трех способов казни – электрический стул, смертельную инъекцию или петлю, – последний никто не предпочитает.

– Недавно Юнсу решил отдать свои глазные яблоки... когда умрет... Попросил передать, кому нужно... Сказал, что, представляя, как слепой сможет увидеть свет благодаря его глазам, он чувствует, что хоть как-то сможет искупить свою вину. В письме он попросил меня расписаться в документе о передаче органов – других родственников нет... Юнсу попробовал найти мать, так как именно ее подпись должна стоять в документах, но ему это не удалось... Наши священники пытаются отыскать ее через знакомых. Пока безрезультатно.

Миновав аллею с кружащими на ветру листьями, мы пришли в комнату для свиданий. На этот раз, увидев сестру Монику, Юнсу первым приблизился к ней и крепко обнял. Они постояли так некоторое время. Крохотная тетя плакала в объятиях громадного Юнсу.

– Прости старую... с годами по глупости только и делаю, что слезы лью, – пыталась оправдаться она, однако Юнсу, смотревший на плачущую женщину, был мрачным.

Разлив кофе по стаканчикам, мы приступили к беседе.

– В газете я наткнулся на статью о людях, которые ездят любоваться на листопад. Но ведь для дерева это на самом деле своего рода смерть, а люди даже едут насладиться зрелищем падающих листьев... Я подумал... Раз уж умирать, то так же красиво, как осенние деревья, чтобы люди увидели и восхитились тем, как это прекрасно.

Мы молча продолжали потягивать кофе. Чувствовалось, что Юнсу немного взволнован, видимо, из-за того, что давно не виделся с тетей Моникой. А может, после того как решил стать донором, он ощутил легкость даже в теле. В тот день он был необычайно многословен.

– Когда я попал сюда после случившегося, одновременно со мной поступил семнадцатилетний парнишка, обвиняемый в мелком воровстве, но его отпустили по условному освобождению. Он был смышленным и симпатичным парнем, и я относился к нему как к младшему брату. И вот перед его выходом я велел ему больше не попадать сюда, иначе его ждет моя участь... А на прошлой неделе он

опять оказался в изоляторе. На этот раз тоже за обычную кражу – поймали вроде с краденым телефоном. Прокурор, увидев в базе данных, что он уже привлекался по подобной статье, посадил его, недолго думая, в обезьянник. Я узнал у этого парня, как так вышло, и оказалось, что, выйдя на свободу, он проторчал один перед тюрьмой три часа.

Тетя Моника зацокала.

– Что ему еще оставалось делать? Пойти некуда, вот он и встретился со своими бывшими дружками и вновь попал сюда. Я решил, что так не пойдет, и попросил одного директора, который здесь сидит, устроить его по окончании срока к себе на завод, там и общага есть. Он хорошо ко мне относится, поэтому пообещал, что сделает.

– Ты и с директорами знакомства водишь? – поддела я. Юнсу расплылся в улыбке.

– У нас тут и президенты, и министры, и ведущие монополисты имеются. Так что отыскать какого-то там директора – не проблема...

Он сиял, как новенький паровоз. Услышав его ответ, я не смогла не согласиться.

– Как-то сижу, читаю сборник стихов, а один надзиратель, который при каждом удобном случае поддевал меня, снова бросил пренебрежительно: «Смертник, а чего возомнил о себе...» Я взъярился, подумав про себя: «Вот говнюк, выйду на прогулку и...» – Он взглянул на нас обеих и понурил голову. – Была б моя воля, я бы так и сделал, но тут, откуда ни возьмись, перед глазами возникли ваши лица...

Юнсу сидел с опущенной головой. Почувствовав, что от его рассказа атмосфера тяжелеет, он решил не продолжать и с трудом извлек из кармана несколько писем.

– Знаете, сестра! Я в последнее время переписываюсь с ребятами.

Развернув и бегло прочитав одно из них, мы поняли, что письма от ребят из горного района Тхэбэк провинции Канвондо. Похоже, в одном из журналов Юнсу прочитал статью про маленькую районную школу, где детям не хватало школьных принадлежностей, и стал ежемесячно переводить им часть суммы со своего накопительного счета. А ребята решили поблагодарить и написали письмо. Так дети из глухой горной деревушки и заключенный, ожидающий смерти, начали переписываться. Даже с первого взгляда можно было понять, какой

увлеченной была их беседа. Ведь и дети, и Юнсу испытывали сиротливое одиночество, словно оленята в заточении.

Пока мы с тетей разглядывали письма, Юнсу смущенно проговорил:

– Сестра... У меня есть к вам одна просьба. Я тут... чуток проштрафился...

Мы с тетей оторвались от писем и озадаченно посмотрели на него.

– Я пообещал им кое-что.

– Давай не темни, а то сказал «проштрафился», я и перепугалась... – успокаивающе похлопывая себя по груди, проворчала тетя.

– Когда я спросил у них, что больше всего на свете они хотели бы сделать, ребята ответили, что мечтают увидеть море. У них рядом сплошные горы – перевал за перевалом, а море лишь в часе езды на поезде. Я ответил, что когда-нибудь обязательно помогу осуществиться их мечте. А эти сорванцы решили, что я какой-то богач из Гунпхо – раз мой адрес записан как номер абонентского ящика почтового отделения этого города, – и задумали в следующем году первого января встретить восход солнца в Канныне, о чем и сообщили мне в письме. Сестра... как же мне быть?

Я догадалась, что Юнсу в это время думал о брате, о котором упоминал несколько раз. Брат был слепым, и именно поэтому он решил отдать в дар свои глаза. Я не спрашивала и ждала, пока он сам об этом заговорит, однако шестым чувством знала истинную причину. Мне было известно только, что тот умер на улице. Поэтому я захотела помочь выполнить обещание Юнсу.

– Я позабочусь об этом. Хотя это и нечестно и я остаюсь чуть-чуть внакладе, я оплачу поездку ребят, – сказала я.

Будто заранее зная мой ответ, он радостно улыбнулся.

– Ну раз все так нечестно складывается, то заодно попрошу еще об одном. Сфотографируйте их и пришлите мне фотографии. С восходящим солнцем и с лицами ребят, чтобы все было четко и крупным планом! Я, между прочим, тоже хочу увидеть море и то, как радуются дети. Пускай не могу поехать сам, благодаря снимкам я буду счастлив.

Я записала адрес детей в блокноте. Меня вдруг осенило, что Юнсу уже никогда не сможет побывать на море. А еще доживет ли он до той поры, когда поедут ребята и взойдет солнце 1998 года, а также до проявки и печати этих фотографий...

– Однако можно и по справедливости...

И Юнсу, как малое дитя – сюрприз! – с загадочным видом извлек из-под стола что-то заранее приготовленное. Приглядевшись, я поняла, что это крестик: два грубо отесанных брусочка дерева, а на них висел вылепленный вручную темно-серый Иисус. Увидев наше изумление, он опять улыбнулся.

– ...взамен я подарю вам это. Каждый раз во время еды я откладывал несколько рисинок, чтобы смастерить его.

Мы пригляделись. Иисус окрасился в серый цвет из-за того, что был вылеплен руками. К нашему удивлению, он очень напоминал Юнсу: такие же волнистые волосы обрамляли продолговатое лицо.

– Это... Это вы, пожалуйста, передайте той... той старушке.

Мы вспомнили лицо старухи из Самяндона.

– Я послал ей письмо... Она, видно, приболела... Писала, что поскользнулась на снегу и повредила спину. Я сейчас еще один делаю – подарю его сестре Монике, а для вас, Юджон, вот...

Юнсу вытащил из своего кармана синий пластмассовый крестик на тонкой красной нитке. Я протянула руку, он передал его мне и ненадолго задержал свою ладонь. Она была очень горячей. Я сконфуженно высвободила свою руку.

– Я два сделал, один оставил себе.

Чтобы хоть как-то выразить благодарность, я повесила крестик на шею. Он сказал, что смастерил его без ножа, обскабливая о цементный пол. Он возился над этим руками, закованными в кандалы. Целыми сутками, день за днем он обтачивал его и бережно сдувал пыль.

– У вас получилась пара одинаковых подвесок, как для влюбленных! – заметил офицер Ли. Мы рассмеялись.

Тетя Моника безмолвно держала в руках крестик. Словно молилась. Наши с Юнсу взгляды встретились. Впервые мне пришло в голову, что крест тоже является орудием казни. Распятие – чудовищное наказание, изобретенное Римом для усмирения порабощенного народа. И так как приколачивание к кресту гвоздями не могло убить человека, то, как правило, приговоренного начинали истязать за несколько дней до распятия. Избиение до полусмерти было обычной практикой, пытки продолжались всю ночь, и иногда преступникам даже выкалывали глаза. Можно считать, что распятие осуществлялось, когда человек находился уже на грани смерти. Но, несмотря на все, люди могли жить

еще несколько дней – по закону тело было запрещено убирать, и они умирали от клыков диких зверей и клювов птиц, раздирающих на части плоть. Иисус тоже был приговорен к смертной казни. И даже если бы провели всенародное голосование, он все равно был бы казнен. Ведь зафиксировали, что толпа гневно скандировала: «Убейте его! Пригвоздите его к кресту!» Выходит, если бы Иисуса повесили, то после двух тысяч лет верующие во Христа носили бы на шее петлю, водружали бы ее на крыши церквей и украшали бы стены приходов изображениями Иисуса в петле с подломленной головой. Внезапно я ощутила прилив благодарности к Иисусу за то, что он был казнен как преступник. Иначе кто бы еще мог послужить утешением для Юнсу?

В тот год в четверг на рождественской мессе Юнсу получил крещение. Я тоже присутствовала на этом событии. Ему дали крестное имя Августин – он был язычник и дебошир, любитель разгульной жизни; в один из дней, завороченный голосами детей, поющих христианский гимн, раскрыл Священное Писание и стал одним из святых. А еще его матерью была Святая Моника, в честь которой получила свое крестное имя моя тетья. На мессе я и другие женщины-волонтеры, работающие в местах заключения, сидели на месте хора в большом актовом зале. Издалека я увидела, что Юнсу одет в белую одежду, которую принесли сестры. В ней он выглядел непривычно и торжественно, напоминая укутанного в белоснежную пеленку малыша, а лицо было возбужденным, как у ребенка, которого впервые привели в детский сад.

Перед началом мессы, когда отдавали честь государственному флагу, я, по просьбе тети, прошла вперед и спела гимн. Некоторые вспомнили меня, послышалось перешептывание. Раньше я ни за какие коврижки не согласилась бы выступать перед этими людьми – преступниками с множеством судимостей, мнимыми верующими, которые пришли, чтобы заполучить заветный «сhoso ріе». Однако теперь я пошла на это. Ради Юнсу. И уже позже мне пришло в голову, что по сравнению с ними я еще большая лгунья и лицемерка. К тому же я зовусь членом религиозного комитета по исправлению подсудимых.

Он рассказал о мыслях, которые не давали ему заснуть в ту ночь, о том, что почти конченный человек через крещение может родиться вновь. Он добавил, что впервые в его жизни он не мог сомкнуть глаз от переполнявшей его радости; сказал, что в его голове не укладывается, как можно простить такого изверга, как он, который хуже самого дикого зверя. Ради этого самого Юнсу я поднялась на сцену и впервые за десять лет взяла в руки микрофон. Когда вступительные аккорды наполнили зал, я посмотрела в глаза Юнсу, сидевшему среди смертников в самом первом ряду. Я улыбнулась краешком губ, а лицо Юнсу словно застыло. Может быть, он думал про своего младшего брата. Я запела гимн:

Пока не высохнут воды Восточного моря,

Пока с лица земли не сотрется Пэктусан,

Бережет Господь наш народ,

Великий корейский народ...

Закончив, я начала спускаться со сцены, Юнсу сидел с низко опущенной головой. Приглядевшись, я поняла, что он плачет. На прошлой встрече он сказал: «Когда мне выносили приговор... Нет... когда я убивал тех людей, уже тогда я был мертв. Но теперь воскрес. Потому что вы помогаете мне, протягивая руку помощи и убеждая, что ничего страшного, если не получается сразу вскочить и бежать, и для начала нужно освоить первые шаги». Если честно, мне тоже хотелось поплакать, но боль разрывала лишь сердце, словно растрескавшееся от засухи рисовое поле. Выплакавшись, Юнсу посмотрел в сторону хора. Похоже, искал меня. Наши взгляды встретились. Он широко улыбнулся. Несмотря на то, что его сияющая белозубая улыбка, да и все лицо, обрамленное черными кудрями, говорили о духовном

перерождении, вид закованных в кандалы запястий потряс мою душу и отпечатался в памяти навсегда.

Месса подошла к концу, начался банкет. Юнсу принимал поздравления от заключенных, улыбка не сходила с его губ. Раздавая «СНОСО РЕ», я между делом поинтересовалась, как он. Юнсу ответил:

– Вы тоже, Юджон, глядя на меня, попробуйте довериться Христу! Заявляю со всей ответственностью: это и вправду здорово!

Я ничего не смогла произнести. Уплетая «сhосо рiе» закованными в кандалы руками, Юнсу продолжил:

– Говорят, президентом станет бывший заключенный, заявивший, что во время своего срока службы он не будет приводить в исполнение смертные приговоры. Поэтому братья по несчастью надеются, что, пока он у власти, мы будем жить... Так говорят... Юджон! Я тут подумал... Впервые мне захотелось жить. Раньше я так не думал. Но ведь даже здесь, в этих наручниках, я могу писать детям письма, и даже закованный в кандалы я могу хоть как-то делиться любовью, которую получил сам... Что, если всю оставшуюся жизнь молиться за тех, кому я причинил зло, и очищаться от греха?.. И жить в этих стенах, представляя, что здесь монастырь. И пусть я недостоин этого... пусть я не заслуживаю этого... впервые в жизни я подумал, как же не хочется умирать...

Это был последний раз, когда я видела Юнсу.

Синий блокнот 17

Мы поделили добычу и разбежались в разные стороны. Тот подонок сразу же ринулся в румсалон, где сорил деньгами, развлекаясь на всю катушку с женщинами... Уже потом я узнал, что дома жена уговорила его на добровольную сдачу с повинной. Он первый пошел в полицию и все рассказал. Мое взял на себя, а свое на меня свалил... Сейчас уже бессмысленно оправдываться... Так я оказался в розыске как самый злостный преступник, убивший трех женщин и одну из них изнасиловавший. По всей стране были распространены мои фотографии, и я вынужден был скрываться. Чтобы попросить присмотреть за лежащей в больнице подругой, мне снова пришлось

встретиться с парнем, которого я просил вернуть долг. Он сказал не беспокоиться и пообещал, что поможет ей с выпиской и некоторое время позаботится о ней. В тот вечер мы пошли в очередной кабак, где выпивали и развлекались с женщинами до потери сознания. Ночь провели вместе с ним, а наутро я проснулся от того, что кто-то долбил в двери. Приятель сдал меня, а сам дал деру. Может, думал, что тогда можно будет не отдавать долг?

Я выбил окно в ёгване и выпрыгнул на улицу. Заскочил в первый попавшийся дом. Схватил на кухне нож и, загнав в комнату женщину с ребенком, в последний раз позвонил моей девушке. Она была вместе с этим приятелем – он ночью ушел к ней. Сказала, что он заплатил за операцию и помог с выпиской из больницы... Что она в большом долгу перед ним, и он предлагает выйти за него замуж, ведь она понравилась ему с первой встречи в парикмахерской... Напоследок она спросила почему я пошел на это? Разве я не знаю, как она ненавидит тех, кто творит беззаконие, ведь она сразу об этом предупредила? Полиция выбила дверь и попыталась проникнуть в квартиру. Я подскочил к хозяйке и, приставив к ее горлу нож, устроил заваруху со взятием заложников. Ребенок заплакал, зовя ее «мама». Прямо как Ынсу. Затем последовал выстрел – меня ранили в ногу и арестовали.

Глава 17

Приближался конец года, времени было в обрез. Я несколько раз связывалась с директором сельской школы в горах Тхэбека, забронировала номера в кхондо – гостинице квартирного типа, – и заказала автобус, который повезет ребят. Все вроде было улажено, но с фотоаппаратом вышла загвоздка. Не помню, когда я последний раз делала снимки, так что дома у меня его не было. Пришлось позвонить младшей снохе. До родов ей оставалось совсем немного – на место встречи она пришла утиной переваливающейся походкой. Я, стоя у входа в универсам на Каннаме, увидела ее издалека. Как и рассказывал старший брат, с виду она была совсем непритязательна: одета скромно, без косметики, к тому же с огромным животом, – кто признал бы в ней когда-то знаменитую актрису? Если честно, лицо у нее сильно изменилось – от бывшего лоска не осталось и следа. Несмотря на это, от нее исходило какое-то умиротворение, присущее людям, чье внутреннее «я» находится в гармонии с самим собой, а еще достоинство и уверенность в своей значимости. Получая из рук невестки фотоаппарат, я протянула ей бумажный пакет.

– Что это?

– Одежда... Для малыша. Проходила мимо, мне приглянулась – решила купить.

Младшая сноха, кажется, растерялась. Столько племянников уже родилось, а я ни разу никому из них ничего не покупала. При встрече я говорила: «Поздравляю! Слышала, у вас мальчик»... Только это напоминало неуместный вопрос «все ли хорошо?», когда собеседник был явно не в духе. Однако в тот день я, глядя на круглый живот снохи, впервые задумалась о том, что испытываешь, становясь мамой... А что, если я?.. Конечно, словосочетание «я» и «беременность» звучало абсурдно, но я почувствовала, что внутри меня пробивается какое-то робкое желание, как если бы из трещины в цементной стене проклюнулся полевой цветок.

– Я слышала, вы занимаетесь благотворительностью... Даже лицо будто светится... – произнесла она.

В ее голосе не чувствовалось и тени притворства. Раньше я сомневалась в каждом ее слове. Казалось, за ними кроется какой-то подвох или злой умысел. Или же она полная дура. Однако сейчас я начинала понимать, что душой была не она, а я; и интриги строила я, но не она. Мое постоянное желание во что бы то ни стало считать другого хуже себя в конце концов оказалось полной ерундой. Я почувствовала себя плохим учеником, которого застукали за добрым делом, совершенным впервые за долгое время, и мне стало неловко находиться рядом с невесткой. Я уже развернулась, чтобы уйти, как она меня окликнула:

– Вы бы сходили к матери. Похоже, она ждет вас.

«Ну вот, опять про мать...» – эта мысль погнала меня прочь, однако сноха вдогонку крикнула:

– Ей же одиноко...

Или мне показалось?..

Еле передвигаясь от усталости, я сделала еще пару дел и вернулась домой.

Предвкушение первого дня года, когда я сфотографирую восходящее солнце и раскрасневшиеся, словно цветы портулака, лица ребят, а потом покажу эти фотографии Юнсу, и его радости, согрело мне душу. Тетя Моника поддразнивала: благодаря Юнсу ты находишься в этом мире и делаешь что-то доброе для других. Раньше, глядя на тех, кто так поступал, я думала: «Лицемеры! Ведь это все только чтобы потешить свое самолюбие». А теперь я сама хотела сделать Юнсу приятное. Если ему хорошо, то и мне тоже. И я впервые подумала, что не так уж и плохо чувствовать себя лицемеркой...

Напевая себе под нос, я приняла душ. Затем выпила свежесваренный чай и начала заносить оценки ребят в компьютер, как вдруг почувствовала себя не в своей тарелке. Непонятно отчего меня резко охватило сильное беспокойство, и я не могла усидеть на месте. И как бы я ни пыталась справиться с тревогой, сердце билось в бешеном ритме. Казалось, стены вокруг меня повисли в воздухе. Такое было со мной впервые. Я пошла на кухню и налила бокал вина. По привычке выглянула в окно: в парке за домом опять сбились в кучу подростки. И снова кого-то колотили. Я в раздумье посмотрела на телефон, однако в конце концов просто схватила бокал и вернулась в комнату.

Ненадолго появляющееся зимнее солнце уже сильно передвинулось на запад. Тогда прозвенел звонок. Это была тетя. Она позвала меня: «Юджон!» – и я ощутила, как она нервничает. Тетя еще не успела ничего сказать, а у меня уже промелькнула мысль: «Как же быть?» – и перед глазами все побелело, словно застланное туманом.

– Тетя!..

– Только что позвонил отец Ким. Завтра ранним утром его попросили приехать в тюрьму... Завтра Юнсу...

Я не могла заставить себя спросить. Да и как можно было произнести это? В голове исчезли все мысли, пространство вокруг потеряло свою форму и рассыпалось на фрагменты, словно раскрошившееся тофу.

– Я завтра на рассвете поеду в изолятор... Молись, Юджон! Молись!

Тетя впервые попросила меня помолиться. Положив телефон, я сначала схватилась за бокал, но затем поставила обратно. Цвет вина напоминал кровь, я не могла заставить себя выпить его. Вернувшись в зал, я присела, вскочила. «Нет!.. Нет, нет, нет...» Я подумала, чем сейчас занят Юнсу. Наверняка он еще ничего не знает. Он проводил свою последнюю ночь, не догадываясь об этом, в месте, куда нельзя позвонить и куда нельзя поехать. И казалось, что это еще более жестоко, чем смерть. Я набрала номер офицера Ли. Его, видно, уже оповестили: голос был приглушенный, чувствовалось, что он не хочет продолжать разговор.

– Я приеду сейчас. Пожалуйста, помогите мне с ним встретиться. Только пять минут. Нет, хотя бы минуту.

– Нельзя... Это запрещено.

– Но вы же можете. Я возьму всю ответственность на себя. Даже если нельзя предотвратить смерть, разве у него нет права хотя бы знать о том, что он умрет?! Чтобы хоть как-то подготовиться?! Разве можно оставить его в полном неведении? В эту последнюю для него ночь?!

Офицер Ли ничего не сказал. Ведь, если разобраться, Юнсу знал, что умрет. Единственное, все эти два с половиной года он не знал, когда именно – сегодня или завтра. Мы тоже знаем, что когда-то умрем... И, хотя он смертник, разве правильно не предупредить его, чтобы он смог подготовиться? Однако что мог сделать офицер Ли...

Я опустила трубку и начала слоняться из угла в угол. «Нет! – думала я. – Это же так подло, так бесчеловечно! Это убийство!» Ведь на свете

только про смерть от казни мы можем узнать заранее, можем не допустить ее... Однако не в наших силах было сделать это.

Я присела на колени, но молиться не получалось. Я слишком давно этого не делала... «Помоги! Ради Христа, помоги! – бормотала я. – Да, он совершил грех. Но если Ты спасешь его, если только сможешь спасти его...» В этот момент я вспомнила, как пятнадцать лет назад в доме дяди, в комнате на втором этаже, в лапах подонка, не понимая, что происходит, я плакала и так же молилась. Только тогда моя молитва осталась безответной. В сердце что-то оборвалось, казалось, не хватало воздуха. Я встала. Тиканье часов стало очень громким. Я взглянула: стрелка стояла на пяти. Завтра утром в десять часов свершится казнь. И уже через семнадцать часов его не станет в этом мире. Но часы продолжали тикать как ни в чем не бывало. Я вытащила из них батарейку. Тяжелая тишина накрыла с головой, время в моей комнате остановилось. И тогда передо мной пронеслись все часы, проведенные вместе с ним. Но не моменты, когда он, скрипя зубами, дерзил тете, и не его насмешливый взгляд, а то, как он улыбался... как из его глаз капали слезы... Как его колотила дрожь перед старухой из Самяндона, когда он умолял ее: «Простите меня! Простите меня!» Будет ли он дрожать так же, оказавшись в зале проведения казни, когда перед ним опустится петля... Буквально четыре дня назад он сказал мне: «Но ведь даже здесь, в этих наручниках я могу писать детям письма и могу хоть как-то делиться любовью, которую получил сам... Что, если всю оставшуюся жизнь молиться за тех, кому причинил зло, хоть как-то смывая свой грех?.. И жить в этих стенах, представляя, что здесь монастырь... И пусть я недостойн этого... пусть я не заслуживаю этого... впервые в жизни я подумал, как же не хочется умирать...»

Сколько прошло минут? В те мгновения время для меня исчезло, и я не могла его отследить. Внезапно охватила паника, что я не замечу, как минует ночь и наступит рассвет. Я схватила телефон и посмотрела на часы. Прошло всего лишь три минуты. Мне стало страшно, что изнуряющее время тянется так долго. И тогда я впервые подумала, что, возможно, незнание Юнсу – к лучшему. Иначе он бы не вынес этого. Мне стало чуть легче. Я стояла, разглядывая свои руки.

Затем медленно приблизилась к телефону. Набрала номер 114. «Я разыскиваю телефон человека по имени Мун... Юсон...» – говорила я,

но губы сводило судорогой. Впервые после события, перевернувшего мою жизнь, я проговорила имя ублюдка вслух. До этого он был для меня просто старшим двоюродным братом...

– Господин Мун Юсон? А какой адрес?

Даже на мой взгляд это выглядело глупо. А позвонить старшему брату и спросить я не могла...

– Не знаю...

– Людей с этим именем по всей стране очень много, – вежливо объяснила оператор.

– В Сеуле. Он наверняка проживает в зажиточном районе. Где именно, я тоже не знаю...

– Извините, но на основании этих данных я не могу сообщить номер телефона, – проговорила женщина вежливо, но безэмоционально.

Я положила трубку и вышла из дома. Сев в машину, завела ее. Руки тряслись. Крепко стиснув зубы, я нажала педаль сцепления.

Когда я вошла, мать листала журнал с лупой, водруженной на переносицу. Стоя в дверях палаты, я смерила ее взглядом.

– Тебя каким ветром занесло?

От такого грубого вопроса мне захотелось выйти из этой комнаты. Если бы она выглядела хоть капельку измученной, хоть немного несчастной или же, как сказала сноха, сиротливо-одинокой, мне было бы гораздо легче... Но, к сожалению, она пыхала здоровьем и умиротворенностью.

«Мама, у меня тут болит, очень болит», – пусть даже и матери, но как же мне было трудно говорить об этом, показывая на свои гениталии, уже почти взрослой девушке. Мать мельком взглянула, тут же натянула мои трусы обратно и резко бросила ледяным тоном: «Да что ты такое несешь?! Ты вообще понимаешь, о чем говоришь?»

Сначала я не могла поверить. Выйдя из того дома, я еле передвигала ноги – внутренняя сторона ляжек опухла. Повзрослевшая девочка шла по дороге и плакала. После каждого шага ощущалась ужасная рвущая

боль, мне казалось, я не смогу больше сдвинуться с места, однако я была уверена, что стоит увидеть маму и рассказать ей о случившемся, как все будет в порядке. Я верила, что она заступится за меня, а его накажут. Но когда я услышала мать и увидела ее холодное выражение лица, прозрачная завеса, словно нож гильотины, – хрясь – упала между нами, врезавшись в землю.

– Двоюродный брат Юсон позвал меня к себе в комнату... сказал, на пару слов... я поэтому поднялась, а он снял мои трусы... мама... мне так больно и страшно... очень больно.

Я плакала и не могла больше говорить. Мать спустилась на первый этаж, а затем снова поднялась, держа в руке мазь «от всех болезней». Сунув ее мне в руки, проговорила:

– Помажь и ложись спать. И не болтай. Как же такая взрослая дылда могла накрутить хвостом, чтобы...

Я бессильно опустилась там же, где стояла.

– Ни стыда ни совести... И не вздумай говорить взрослым братьям, держи рот на замке, поняла? Я смотрю, ты в последнее время уж слишком чтением романов увлеклась...

– Неправда! – закричала я из последних сил. Мать зажала мне рот. – Нет же, нет, говорю, нет! – кричала я, суча ногами, а мать в ответ отхлестала меня по щекам. Впервые она меня ударила.

Я подошла к матери. Она, поморщившись, закрыла журнал и приподнялась на постели. Как ни странно, я видела, что ей страшно.

– Ты чего? Что с тобой? – переполошилась она.

Я не могла вымолвить ни слова. Губы дрожали. Еще не поздно было развернуться и уйти домой.

– Я не знала, что еще можно сделать... Поэтому пришла... Мама, я пришла сказать, что про... прощаю... тебя.

В груди было так больно, будто бы ее непрерывно режут острым лезвием на маленькие кусочки. А из глаз начали литься слезы, словно из самой глубины моего истерзанного и черствого сердца хлынула застывшая комом кровь. Глаза пронзила резкая боль.

– Я не могла тебя простить и даже сейчас... я не хочу прощать! Ты поступила еще хуже, чем тот подонок... это невозможно простить...

Но сегодня... я пришла, чтобы попробовать...

Мать, будто не понимая, о чем я, хмыкнула:

– Найдешь же ты способ потрепать мне нервы. Мать тут, понимаешь, при смерти, а ты даже не соизволила ни разу прийти... И вдруг появляешься откуда ни возьмись и несешь невесть что? Неизвестно еще, кто кого должен простить...

– Я!.. Тебя!..

Мать вылезла из-под одеяла и села на кровати, спустив ноги.

– Ты что, рехнулась? Юджон! Позвать дядю? С тобой все в порядке?

Я ревела в голос, как малое дитя. Плачем, на который не была способна пятнадцатилетняя девушка в те страшные минуты, плачем, который не мог прорваться и все последующее время, – все эти слезы подступили к горлу, и если бы я не избавилась от них прямо сейчас, то, казалось, они перекроют дыхание, и я умру. Я потянула за синий крестик, который подарил Юнсу. Даже он будто сдавливал мое горло. «Неужели так же происходит и на виселице, когда шея в петле?» На лицо натягивают нечто вроде белого колпака, затем на шею надевают веревку. И после сигнала «Готов!» пять человек нажимают рычаг. На самом деле из пяти срабатывает только один. Это сделано для того, чтобы уменьшить чувство вины исполнителей приговора, – я прочитала в материалах о казнях. После этого пол под смертником, сидящим на коленях, падает, и преступник повисает на веревке. Бывают случаи, что даже после пятнадцати – двадцати минут ноги смертника все еще подрагивают. Тогда спускается врач и, приложив стетоскоп к груди, проверяет, остановилось ли сердце. Затем тело оставляют еще примерно на двадцать минут. Говорят, даже после этого человек мог выжить; бывало, веревка рвалась или из-за ее большой длины смертник просто падал весь окровавленный. И тогда начинали всё сначала... Этот процесс они называют «приведение в исполнение приговора». Слезы текли без остановки. Горло сильно саднило из-за этого освобождающего плача, случившегося со мной впервые за последние пятнадцать лет, – болело так, будто его сжимает. Мать, сторонясь меня, потихоньку отступала к входной двери. Я пыталась произнести слово «прощение», однако сейчас подозреваю, что, скорей всего, в моих глазах, как когда-то в глазах Юнсу, полыхала свирепость, не оставлявшая меня эти годы. Я подумала, что, возможно, мать была права, дядя здесь не помешал бы. Интересно, сказал бы он мне:

«Юджон! Вот и правильно! Поплачь! Вволю... Мне бы хотелось, чтобы ты выплакалась!» А я ответила: «Прости меня, дядя...» Тогда он спросил бы: «За что ты себя винишь, Юджон?» И я захотела бы ответить: «Не знаю, дядя! Даже не знаю, почему мне так стыдно перед тобой...»

– Это не потому, что я хочу тебя простить. Я думала, так надо. Что и мне надо принести хотя бы одну жертву... Сделав самое сложное для меня – то, что хуже смерти, – простить тебя!

Дверь открылась – вошел старший брат, решивший, видимо, заскочить в больницу по дороге с работы. Мать опрометью бросилась к нему.

– Юсик! Юджон... Что же с ней делать? Как могу я отправиться на тот свет, оставив ее в таком состоянии? Эту несчастную... И почему она не может взяться за ум?!

Теперь заплакала мать. От страха? Не знаю. А может потому, что я порчу ей кровь? Или она думала: «Ну почему этот свет так издевается надо мной, отчего, черт подери, не благоприятствует моему счастью и спокойствию?!» Но все же могу поспорить, это было от злости.

Брат усадил ее на стул в другом конце комнаты и, после того, как она успокоилась, подошел ко мне. Схватил за руку, и меня повело в сторону.

– Прощу, – бормотала я.

Брат подвинул стул и усадил меня.

– Простить... я пришла, чтобы про... стить... – выговаривала я упрямо. – Завтра приведение в исполнение приговора. Говорю, его убьют! Вдруг, если я сделаю что-то, чего раньше не делала, может... Знаю, так глупо думать, но я ничего не могла предпринять. А вдруг, если Бог все-таки существует, он, зная, чего стоит мне прощение матери, сжалятся и совершит... какое-то чудо... Брат, ты меня понимаешь?

Юсик тяжело вздохнул.

– Все были уверены, что священник умрет, а он вернулся живым... Я решила, что и я должна пойти на жертву. А иначе утром, когда мы откроем глаза... Брат! Как мне быть? Это же несправедливо. Ведь правильнее было бы забрать меня, потому что это я несколько раз хотела покончить с собой. И если говорить про грех, то мне тоже нечем похвастаться.

Брат с завидным терпением обнял меня за плечи.

– Я ведь... пыталась полюбить... Раз я не способна полюбить ни одного мужчину, то я ведь могла бы любить хотя бы его... Лишь бы он оставался живым, пусть даже никогда не выйдет из тюрьмы... Лишь бы он только жил...

Брат, похоже, догадался, что происходит. Конечно, он не мог ни понять, ни принять это, но, во всяком случае, он понимал, о чем я говорю. И пусть Юнсу еще жив, но казнь – это дело почти свершенное, а раз так, – опасность мне больше не угрожает, и этот вывод, скорей всего, смягчил сердце брата.

– Что же ты раньше не сказала? – мягко, будто уговаривая меня, спросил он.

– А если бы сказала... ты бы спас его?

Он промолчал.

– Знаешь, брат, с моих губ еще ни разу... не слетало этих слов...

Я уронила голову на грудь. Снова поражение. Да. Нелепая была затея.

Так закончилась эта длинная-предлинная ночь. Я до сих пор ее помню. Все чувства обострились, и в то же время я словно была мертва. Сильнейшее чувство живости происходящего и абсолютная апатия постоянно сменяли друг друга. Наконец наступил рассвет. Я ненадолго уснула от нервного истощения. Проснувшись, взглянула на небо: хмурое. Дул сильный ветер. Мне стало ужасно стыдно, что я смогла заснуть в подобной ситуации, я чувствовала, что скоро он умрет, а я все-таки буду жить. Я выскочила из квартиры и села в машину. Будто шаманка, стоящая на лезвии ножа, я не чувствовала ни усталости, ни голода. Все казалось нереальным, вне времени и пространства, словно после затяжки марихуаны во Франции, когда окружающая обстановка словно повисала в воздухе. Разница была лишь в том, что тогда это происходило от наркотика, а сейчас – из-за душевной боли. Когда человек доходит до грани реальности, с ним происходит одно и то же. Невосприимчивость ко всему.

Тетя уже стояла под каменной оградой изолятора. Казалось, она вся сохла и почернела. Осуществление приговора было назначено на десять часов утра. Сейчас было 9:50. Тетя держала в руках тряпичный узел – он еще не умер, а нам уже вручили его вещи. Тетя, закрыв глаза, крепко сжимала в пальцах четки. Я взяла у нее узел. Это было все имущество, которое он нажил за свои двадцать семь лет. Я заглянула: Священное Писание, белье, носки, одеяло, книги... и синий блокнот. Я вытащила его. На обложке фломастером было крупно написано «Синий блокнот, Чон Юнсу». Я крепко прижала его к себе, словно это был он сам.

Пастор, другие священники и монахи прошли на место казни, родные и сестры-монахини стояли рядом с нами. Кто-то успел упасть в обморок, и его выносили, взвалив на спину. Женщина в сером одеянии буддийского монаха подошла к тете и взяла ее за руки.

– Держитесь, сестра!..

Тетя обессиленно кивнула.

– Люди, попадающие сюда нелюдями, превращаются в ангелов... И после этого их убивают... Сестра, давайте прекратим это! Став ангелами, они вот так оставляют этот мир... Я больше не смогу с этим жить... – плача, проговорила женщина.

Сестра Моника похлопала ее по спине.

Буддийская монахиня плакала в объятиях тети Моника. Я прошла в угол. Знакомая женщина – мы несколько раз встречались здесь – подошла и спросила: «С вами все в порядке? У вас губы побелели». Когда я ответила, что все нормально, она сказала: «Не печальтесь. Сегодня они попадут на небеса». «Может, сама и проводишь их туда?» – мне так и хотелось поддеть ее, но у меня даже не было сил огрызнуться. Пытаясь избавиться от нее, я из последних сил проковыляла в другую сторону. Женщина, сложив перед собой ладони и подняв их вверх, что-то бормотала. И снова с просветленным видом приблизилась ко мне. Я подумала, как было бы хорошо, если бы ее здесь не было.

– Все хорошо. Не плачьте. Сегодня они попадут на Небеса. Говорю вам, их страдания закончились. Вы приходите старшей сестрой тому смертнику? Мне кажется, я вас несколько раз встречала здесь.

– Нет. Я не сестра этому приговоренному! – в замешательстве ответила я и отошла подальше. Вдалеке заметила человека в форме, топтавшегося на месте. Подойти и присоединиться к нам он не решился, но и уйти тоже не мог – это был офицер Ли. Когда наши взгляды встретились, он опустил голову. Его глаза были воспаленными и опухшими.

Внезапно я осознала, что сказала той женщине. Стоя под стенами изолятора, я плакала. Плакала, как Петр, трижды отрекшийся от Иисуса.

Настало десять часов.

Синий блокнот 18

Перед тем как сделать эти записи, я отправил письмо своему подельнику в тюрьму Вонджу. Написал, что прощаю. И его, хотя он оговорил меня и заплатил адвокату, чтобы тот повернул дело, и я оказался главным виновником. И полицию, которая все как следует не проверила и повесила на меня ложное обвинение в изнасиловании и убийстве. И назначенного государством правозащитника, который за время трех заседаний суда на протяжении восьми месяцев удосужился посетить меня лишь два раза. И прокурора, который не видел во мне человека и относился ко мне как к жалкому червю. И судью, исходившего якобы праведным гневом при перечислении моих злодеяний и одновременно пытавшегося корчить из себя объективность и беспристрастность, будто он Бог. Я написал, что прощаю ВСЕХ. И отца, закончившего жизнь как несчастное животное... А еще я перед лицом милосердного Господа простил и самого себя. За то, что колотил младшего брата Ынсу, что не спел ему гимн, хотя это было его последним желанием, что накинулся на него с матами и бросил одного, когда он горел от жара. И что был соучастником убийства троих невинных людей...

И только после этого я смог пасть на колени и молить прощения у двух погибших женщин и несчастной девушки. Припав к земле и коснувшись ее губами, я смог прокричать, что не имею права зваться человеком.

Я – убийца.

Я смог сделать это потому, что, попав в тюрьму, я впервые узнал о человеческом отношении. Впервые я понял, что значит быть человеком, и познал, что такое любовь. Наконец узнал, каково уважительно относиться к другому, обращаться вежливо на «вы», и как можно любить кого-то, испытывая трепет. Если бы я не попал сюда как убийца, то, возможно, смог бы продлить свое физическое существование, однако моя душа продолжала бы корчиться в навозной куче среди кишаших опарышей. И я бы никогда не догадался об этом... Оказавшись здесь, я впервые пережил часы счастья. Ожидание, волнительные хлопоты перед встречей, искренняя беседа двух людей, молитва за кого-то, встречи без притворства – теперь я знаю, что это значит.

Лишь познавший любовь может любить, и только получивший прощение умеет прощать... Вот что понял я.

Скорее всего, этот блокнот обнаружат после моей смерти. Если президент, когда-то тоже приговоренный к смертной казни, сдержит обещание не приводить в исполнение высшую меру наказания, то мне придется рассказать правду лично, хотя не могу себе этого представить. Однако если я все-таки умру, то тот, в чьи в руки попадет блокнот, пускай передаст его племяннице монахини Моники – госпоже Мун Юджон.

Во время наших настоящих разговоров я несколько раз порывался выложить все начисто, но так и не решился – побоялся разочаровать ее... И того, что она, как и остальные, покинет меня... Если же она откажется принять блокнот, передайте ей: проведенное вместе время, выпитое нами растворимое кофе, съеденные нами булки и те несколько часов в неделю – все это позволило мне выдержать всякие унижения, вынести любые муки, простить врагов, искренне раскаяться в содеянном и повиниться в прегрешениях перед Богом.

Передайте, что благодаря ей мне удалось пережить по-настоящему драгоценное, наполненное теплом и... и счастьем время. И если бы она разрешила... я хотел бы сказать, что готов сделать все от меня зависящее, чтобы хоть как-то облегчить страдания ее израненной души. И напоследок, если Господь позволит, то перед смертью я очень

хотел бы признаться в том, что никогда и никому не говорил... Я люблю вас!

Глава 18

На кладбище в Квантхалли было промозгло. В заупокойной мессе я не участвовала, а стояла поодаль. За всю свою жизнь я дважды молилась всем сердцем и оба раза просила кого-то спасти. Хотя бы один раз Бог должен был услышать меня. Однако Он не услышал. Возможно, умирающая в руках Юнсу женщина тоже молила о пощаде. Какой же толк в мессе после того, как людям пришлось страдать и в конце концов умереть? Для утешения живым? Юнсу сказал как-то: «Вы тоже, Юджон, глядя на меня, попробуйте довериться Христу!» Но меня не отпускал вопрос, почему я должна верить Богу, который ни разу не прислушался к молитвам Юнсу. Я взглянула на место, где предстояло его похоронить. Публичное католическое кладбище Квантханни. Один прогрессивный священник выделил небольшой уголок, который впоследствии стал местом захоронения смертников. Там не было ни тепла, ни света – темная северная сторона, которую избегают даже солнечные лучи...

Юнсу всегда прозябал в холодных местах, и теперь его хоронили в холоде. Недалеко от его могилы стояла статуя Девы Марии с ангелочком. «Тетя, почему там, где хоронят бедняков, скульптуры Марии с ангелами всегда такие грязные? Неужто не могут порядок навести... И Мария, и ангел – все замызганные. Как же это бесит...» – возмущенно ворчала я, а тетя тихо плакала.

Отец Ким, находившийся рядом с Юнсу в его последние часы, подошел к нам сразу после казни. На нем была черная шапочка – из-за химиотерапии почти не осталось волос. Чувствовалось, что он до сих пор не пришел в себя от наблюдения предсмертной агонии, которую испытал уже ушедший в мир иной. Когда тетя Моника позвала: «Отец Ким!» – он повернулся, но смотрел на нее отсутствующим взглядом. Впервые я видела такую ужасную муку мужчины.

– Он ушел с миром... – с трудом проговорил отец, едва шевеля губами. – Когда он вошел и увидел, как меня трясет, он сказал: «Отец! Сестра Моника отругает вас, что ведете себя не по-мужски...»

У тети подкосились ноги. Я подхватила ее.

– Я помолился, совершил святое причастие и спросил, хочет ли он что-то сказать напоследок. Он ответил: «Сперва я хочу искренне попросить прощения у всех, кто пострадал по моей вине, а также от всей души молю родственников погибших простить меня. Бабушка из Самяндона, простите меня, пожалуйста! И спасибо вам! Благодаря вашей самоотверженности я смог родиться заново. А еще я прощаю... свою мать. Нет, не то. Просто я очень хотел увидеть ее, я тосковал по ней все это время и перед смертью в самый последний раз хотел обязательно встретиться с ней... Передайте ей, что это чистая правда».

Плач сестер-волонтеров, которые уже давно посещали изолятор, начал усиливаться.

– А еще он еле слышно пробормотал: «Отец! Все ведь очень просто. Единственное, что от меня требовалось, – любить...» Он сказал, что слишком поздно осознал это. По обычаю, как и в других вероисповеданиях, я спросил его: «Хочешь спеть на прощанье? Знаешь какой-нибудь христианский гимн?» Он ответил: «Я совсем недавно крестился, поэтому не знаю. Лучше государственный спою...»

Больше я не могла это слушать. Тетя Моника крепко сжала мою руку.

– И он спел. Гимн...

Отец Ким умолк, крепко сжал губы, еле сдерживаясь, чтобы не заплакать.

– А когда надзиратели посадили его на колени, Юнсу...

Мы все смотрели, не отрывая глаз, на отца Кима.

– ...начал сучить ногами. Его последний взгляд был полон страха. Когда исполнители поспешно надели на него колпак, Юнсу закричал: «Святой отец! Спасите меня! Мне страшно. Даже гимн не помог, мне все равно так страшно...» Больше я не мог смотреть на него... – договорил отец Ким, мертвенно побледнев, будто он сам находился в петле...

Мы подошли попрощаться с телом. Машина скорой помощи, готовая еще до начала казни, сразу по окончании увезла роговицу Юнсу, поэтому его глазницы были пустыми. После смерти он ослеп, как и его младший брат. Однако мы пытались утешить себя тем, что глаза

достанутся такому же малышу, как и Юнсу, и он увидит свет. Тетя Моника подбежала к еще не успевшему окоченеть телу и крепко обняла его. Прикоснулась к шее. На ней остались черные полосы, напоминающие следы от шин на асфальте после торможения. Тетя без конца ощупывала их, словно Юнсу живой, гладила его по щекам и тихонько молилась. Я стояла подле нее и держала его за руки. Только смерть освободила его от кандалов. Руки были холодными, как восковые свечи. Я вспомнила, как он передавал мне подвеску с распятием и, хоть это длилось всего лишь мгновение, дотронулся до моей руки. Его кожа была такой теплой... Ну почему я не смогла улыбнуться ему и пожать руку в ответ... Почему не смогла сказать, что люблю...

По словам Юнсу, это ведь так просто – надо любить, вот и все... А теперь того тепла нет. И раз отсутствие тепла тела означает смерть, то отсутствие тепла в душе – это тоже своего рода смерть. Тогда, в прошлом, и я, и он, не зная этой простой истины, жили, мечтая умереть. Даже не догадываясь, что мы уже погибли...

После мессы мы с тетей поспешно отправились в Каннын. Пока я вела машину, тетя ненадолго заснула. Последние два дня пролетели без еды и сна, но усталости не было. За рулем у меня внезапно возникло странное чувство. Мне показалось, что сзади стало теплее... Я оглянулась – сиденья пустые. Однако что-то изменилось. Он ни разу не сидел в моей машине и даже не видел ее. «Юнсу?» – тихонько позвала я. Ответа не было.

Мы приехали на море. В конце года кондоминиум гостиничного типа был переполнен. Директор сельской школы Тхэбека уже прибыл вместе с восьмью учениками. Ребята, впервые увидевшие море, словно ласточки, носились по побережью и без умолку галдели. Только сейчас до меня дошло – я забыла захватить фотоаппарат, взятый ненадолго у младшей снохи. А потом решила, что теперь в нем нет необходимости. Мечтающий увидеть море Юнсу теперь, наверно, смотрит на него с небес. Во всяком случае, так мне хотелось думать. День был пасмурным. Темная вода выглядела угрюмо. Однако неизвестно, какая погода ожидает нас завтра. Этого никому не дано знать.

К нам с тетей подошел сухонький человек маленького роста и представился директором региональной школы в Тхэбеке.

Поблагодарив за организацию поездки для учеников, он почесал затылок – было видно, что ему неудобно.

– Сегодня позвонили из сеульской тюрьмы. Насчет денег, которые отправил человек по имени Чон Юнсу. Когда я сказал, что знаю о случившемся, мне сообщили, что он заранее попросил надзирателя, если его внезапно казнят, все оставшиеся накопления на его тюремном счету передать в нашу школу. Вот так-то... Этот ценный дар я не могу использовать абы как... вот и хотел посоветоваться с вами, сестра...

Из внутреннего кармана пиджака он вытащил сберкнижку и показал нам. Сумма была небольшая. Он снова заговорил:

– Если вы не против, сейчас у нас на трибуне школьного стадиона строится пристройка с крышей... Вот я и подумал, может, там эти деньги и пригодятся... Классы у нас светлые и просторные, но детям во время дождя или летом не хватает укрытия, чтобы почитать или просто отдохнуть. Не будете ли вы против пустить эту сумму на сооружение навеса...

Тетя тихонько прошептала: «О Боже!» Мы с ней припомнили, как прошлой ночью не могли уснуть – читали Синий блокнот. Одновременно нам привиделся маленький Ынсу, стоящий в ожидании окончания уроков брата и плачущий под проливным дождем, словно потерявший мать птенец ласточки. Тетя незаметно перекрестилась.

– Простите. Но если не на это, я даже не знаю, как можно еще использовать... – глядя на нас, сконфуженно проговорил директор. Он, верно, подумал, что мы заплакали от шока, и сделал вывод, что нам его предложение не по нраву.

– Нет. Именно так и потратьте эти деньги! Господин директор! Именно там их и используйте, пожалуйста! Чтобы можно было укрыться от дождя и летом спрятаться от пекла, обязательно соорудите этот навес! Чтобы, не дай бог, какой-нибудь малыш, ожидающий своего старшего брата, не промок под дождем... И чтобы у старшего брата, который видит это, не болела душа... – Тетя не договорила и опять расплакалась.

Я взяла под руку толком не спавшую и не евшую, отчего сильно ослабевшую тетю и направилась в сторону гостиницы. На землю спускались сумерки. Тетя предложила лечь пораньше, раз завтра с ребятами вставать ни свет ни заря. Я спросила у нее, встанет ли завтра солнце.

– Конечно встанет! – ответила она.

– Тетя! Дети такие довольные!

– Да уж, детям и вправду всё в радость! – поддакнула она.

Уже около входа в гостиницу я обернулась. В первых строчках государственного гимна – песни Юнсу и Ынсу – упоминается именно это море: «Пока не высохнут воды Восточного моря...» Казалось, за плеском волн откуда-то издали доносятся поющие голоса двух мальчишек, сидящих в городских трущобах у мусорного ящика. «Брат! У нас же хорошая страна? Когда я пою эту песню, мне почему-то кажется, будто мы становимся такими замечательными!» – едва слышный шепот слепого Ынсу переплелся с шумом волн. За песчаным пляжем, где резвились ребята, угрюмое море колыхалось, словно нахлынувшие слезы земли.

Синий блокнот 19

P.S.: Пожалуйста, передайте также сестре Монике и отцу Киму, что я им благодарен, прошу у них прощения и... люблю их.

Как написал один поэт:

Эти люди из своих слез пекут оладьи, начиненные любовью,

Они с ловкостью переворачивали эти оладьи в форме цветов

И делились этим теплым угощением с нами.

В конце концов они научили меня, что вся моя жизнь – это благословение!

Глава 19

В палате уже собралось несколько человек. Когда я зашла, отец Ким поздоровался. За это время он успел порядочно набрать вес, и волосы начали отрастать.

– А вы поправились, святой отец! – поддела его я.

Он, поглаживая живот, усмехнулся:

– Да и не говори, все растет да растет!

Когда живешь, что-то меняется. Иногда к худшему, иногда к лучшему. В течение семи лет после его смерти, встречаясь со многими другими Юнсу, я пришла к выводу, что это не наивное заблуждение. И ездящие на черных машинах судьи, и жестокие убийцы в глазах главного Судьи одинаково несчастные должники в этой жизни. Ни один человек по своей сути не является праведником, и никто изначально не является злодеем, и оттого мы каждый день проводим в мучениях. А объединяет нас непреложная истина – все мы вынуждены бороться со смертью. И это печальная участь человеческого общества, которой не избежать.

Вместо черного покрывала тетя Моника надела белый чепец. Ночной головной убор, как в европейских фильмах, с мелким кружевом по краю. Может, поэтому она казалась совсем маленькой, младенцем, лежащим в колыбельке. Если бы не ее постаревшее лицо, то можно было подумать, будто мы окружили постель, чтобы поздравить с рождением малыша. Однако, даже находясь на больничном ложе, тетя что-то живо обсуждала с отцом Кимом. Взглядом она попросила меня присесть и продолжила:

– И вот он просит положить ему Священное Писание... Выходит, что он согласился встретиться с вами? Ну и как он вам?

Я вспомнила снежный день, когда, узнав, что тетя ушиблась, я примчалась в тюрьму и увидела ее с носовым платком в розовый цветочек на голове. Тогда я еще подумала, что победа за ней, – и сегодня я ощутила то же самое.

Видимо, они говорили о серийном убийце, которого недавно приговорили к смертной казни.

– Ну что сказать... не особо он разговорчивый... Судя по всему, в детстве он имел какое-то отношение к христианству. Сказал, что специально расправлялся с жертвами у окна, откуда хорошо был виден крест на крыше церкви. А еще... признался, что считает себя отъявленным негодяем и боится признавать себя в каком-то другом качестве. Мне он показался обычным человеком.

Договорив, отец Ким с горечью улыбнулся. Тетя почувствовала себя хуже и прикрыла глаза.

В 2004 году в стране не было никого, кто не слышал бы об этом убийце. Из-за него требования возобновить смертную казнь (как и обещал президент, ее не проводили с декабря 1997 года) зазвучали с новой силой, и общественные настроения по отношению к смертникам резко ожесточились. Даже приговоренные к высшей мере, с которыми я встречалась после смерти Юнсу, узнав об этом убийце из газет, восклицали, что такого точно надо прикончить, а после смеялись над своей реакцией, вспоминая, что они и сами недалеко ушли.

– Мы не имеем права отворачиваться от человека, пусть даже он чудовищный убийца или сам дьявол во плоти. Никого из нас нельзя назвать совершенным праведником, никто из нас не безгрешен – одни лишь чуточку добрее, а другие чуточку злее. И жизнь ставит нас перед выбором – раскаяться или продолжать грешить. Поэтому мы не можем лишать этого права на выбор... Отец Ким, перед вами трудная задача... Так хотелось бы помочь, но я, видно, уже свое отжила...

Тетя говорила умиротворенно. Отец Ким, услышав последнюю фразу, собрался было утешить ее чем-то общепринятым в таких ситуациях, однако сдержался. Тетя повернулась ко мне. Ее взгляд был прежним: иногда мелькали шутливые искорки, однако шутить, как раньше, не получалось из-за слабости. Отец Ким вышел, а я присела поближе к ней.

– Ты связывалась с доктором Но?

Я кивнула. И тихонько погладила ее лицо, точно так, как это делала тетя зимой много лет назад. Видимо, она тоже вспомнила те времена и улыбнулась.

– Ну что, смогла оставаться живой все это время? И как ощущения?

– Да вот... Видно, еще придется пожить... – ответила я.

Казалось, я сейчас разревусь. Тетя на самом деле напоминала угасавший фитиль. Я вспомнила о своем старом опасении: «Что же

будет, если она умрет?» Однако теперь я знала точно. Несмотря ни на что, надо жить: кажется, так тяжело, и постоянно твердишь, что устал до смерти и это не жизнь вовсе, но тем не менее это тоже жизнь. Точно так же, как, бросаясь словами «умираю от жары или от голода», мы продолжаем жить, так и желание умереть – это тоже жизнь. И желание доступно лишь живым, вот и получается, что это тоже неотъемлемая часть жизни. Поэтому теперь мне пришлось заменить формулировку: вместо «хочу умереть» я говорю «хочу жить хорошо».

– Как дела у твоей матери? – спросила тетя.

– В добром здравии, – ответила я, и мы рассмеялись.

– Приходила мать... мать Юнсу.

От произнесенного имени у меня непроизвольно перехватило дыхание, я ничего не могла сказать.

– Оказалось... она живет неподалеку. Моя подруга монахиня присматривает за бесприютными стариками в Тондучхоне провинции Кёнгидо. Там она и обнаружилась. Как уж у нее жизнь сложилась, что оказалась в таком месте?.. Судя по всему, у нее старческое слабоумие... Это мне монахиня сообщила, проверившая данные.

Я молча сжала тетину руку. Она дрожащими пальцами достала из-под подушки крестик и протянула мне. Он был вылеплен Юнсу из рисинок перед смертью.

– Съезди и передай это ей. Рассказывают, что она, когда не очень холодно, целый день сидит перед домом и кого-то ждет... сестра у нее спросила: «Кого ждете?» – «Сына...» – «А как зовут сына?» – «Унсу...»

Я хотела повторить «Унсу», но не смогла. Сплетение имен Ынсу и Юнсу... Я взяла крест. Тетя без сил прикрыла глаза.

– Можешь помолиться, чтобы Он забрал меня побыстрее? Если честно, то побаливает... Да чего обманывать, ужасно больно, даже с инъекциями морфина все равно нестерпимая боль...

Я ответила, что помолюсь.

– Знаешь, так странно. Только что до твоего прихода я ненадолго забылась сном, и мне приснилось, что в этой комнате собрались все, кого я успела проводить. Среди них и Юнсу был... Все в белой одежде. Радостно улыбаются, а на шеях черные шрамы. Даже после смерти они не исчезают... У меня во сне все в душе от этого перевернулось.

Больше я не смогла сдерживаться и заплакала.

– Не плачь, моя хорошая Юджон. Когда ты преодолела все... Впервые пришла со мной в тюрьму, попыталась понять Юнсу... Когда я узнала, что ты ходила к матери, пытаясь спасти Юнсу... как же я гордилась тобой!.. Я, по правде сказать, еще раньше присматривалась к тебе, переживала... Ты горячий человек, а горячим людям больнее... Но нельзя этого стесняться.

Я взяла лицо тети в свои руки. Маленькое, испещренное морщинами. Хотела сказать: «Прости меня!» Сказать, что мне было страшно, когда я не знала, как надо жить. Что я, как и Юнсу, поняла это слишком поздно... Впервые я хотела сказать слова, которые не могла до этого произнести, но которые обязательно были нужны здесь и сейчас.

– Прости, тетя! Прости меня, пожалуйста... Прости, что заставляла тебя страдать.

Тетя, слабо улыбаясь, гладила мои ладони.

– Ну вот и хорошо, я теперь вижу, что моя любимая Юджон повзрослела, и моя душа радуется.

Тетя улыбалась, однако от невыносимой боли она скривилась.

– Помолись за меня. Молись. Не за смертников, не за грешников, а за тех, кто думает, что без греха, за тех, кто думает, что прав, за тех, кто уверен, что с ним все в порядке... всегда молись за таких людей!

Я кивнула, вытирая со лба тети выступивший пот. Бог ни разу не ответил на мои просьбы, и сегодня, по-видимому, тоже не отреагирует... Юнсу просил поверить, взять пример с него, теперь вот тетя просит молиться... «Буду...» – хотела ответить я, но не могла открыть рта. Казалось, что стоит мне заговорить, как всему настанет конец. И это опять заставит тетю страдать, поэтому я терпела изо всех сил. Любовь – это от всей души терпеть ради любимого. Благодаря Юнсу я поняла, что любовь иногда означает смелость изменить себя ради другого.

Тетя тепло улыбнулась и взяла меня за руку. Ее ладонь была грубой и мозолистой, словно древко метлы, всю жизнь подметающей двор. Она еще раз улыбнулась и закрыла глаза. Видимо, задремала. Чтобы она не замерзла, я стала поправлять одеяло, и из-под него показалась крохотная тетина ступня. Ноги в белых льняных носках были как у ребенка. Этими ступнями она исходила очень много мест! За свою

почти восьмидесятилетнюю жизнь она была и в дальних темных закоулках, и в заброшенных рощах, в долине ужаса и пустыне истины, в безжалостных и суровых, в стремительных и бурных потоках, которых мы все избегали, оправдываясь словами «был не в курсе»... И думала. В конце концов, маленькие безымянные ручейки и водные потоки, имеющие различные имена, соединялись и достигали места, называемого одним словом – море... И никто не имеет права помешать дойти до этого места... Поправляя одеяло, я прижалась губами к ее искаженному болью лбу. За день до смерти Юнсу, получая от младшей снохи фотоаппарат, я мельком захотела родить ребенка. Тетя сама отказалась от этого и стала матерью всех несчастных, потерявших родных матерей. Я прошептала тихо: «Теперь уж отдохни! Я люблю тебя, моя мама...»

Послесловие

Во время написания этого романа я провела необычайно счастливое время.

И я беру смелость назвать это время «Наше счастливое время», потому что я провела его вместе с теми, кто искренне раскаялся и родился заново, с теми, кто, преступая через свои раны и претерпевая боль прошлого, пытаются делать то, что не под силу другим, – прощать!

Я до сих пор не могу забыть 30 декабря 1997 года. В тот день на улицах было темно и безлюдно. Рассеянно шагая по ним, можно вдруг оглядеться и заметить, что, как ни странно, даже огни стали какими-то тусклыми, а звуки – приглушенными. Это был момент, когда вся страна напоминала безмолвную могилу. В ту ночь я села в такси после небольшой попойки с работниками одной редакции в Мапхо в честь проводов старого года. В другое время подобная встреча, скорее всего, затянулась бы, но из-за обвала экономики МВФ никто не мог беззаботно предаваться веселью, поэтому застолье в тот день закончилось рано. Я же, несмотря на все, в тот год считала себя весьма счастливым человеком. Наконец после пятилетней работы вышла книжка и вызвала хорошие отзывы у читателей, и впервые в жизни я слетала в настоящее заграничное путешествие. Нельзя сказать, что я совсем не переживала за судьбу страны, но дети росли здоровыми, и мы не бедствовали. Когда такси въезжало на набережную в северной части Сеула, по радио послышался голос диктора, безучастно сообщившего, что сегодня в десять часов утра в следственных изоляторах по всей стране была приведена в исполнение высшая мера наказания. Это было весьма крупное событие: за последние несколько десятков лет казнили максимальное количество приговоренных – двадцать три человека. Тогда даже я, неожиданно для себя, прикрыла ладонью рот. Где-то в потайном уголке сердца что-то екнуло, к горлу подступил ком. Даже сейчас я не могу выразить словами, что испытала

в тот момент. Просто засомневалась: было ли счастье, в которое я верила, настоящее ли оно? Настроение стало скверным, одновременно в душе смешались гнев и раскаяние. Я посмотрела в окно: река, казалось, расстелила на земле свои длиннющие черные космы.

Для такого человека, как я, изо дня в день живущего с мыслью «ну разве не чудо происходящее вокруг нас», воспоминания о той ночи несут особый смысл. Даже спустя время тот момент жив в моей памяти. И пережитые мной ощущения я испытывала на всем протяжении написания романа.

Начав сбор материала, я впервые побывала на мессе в следственном изоляторе для женщин-заключенных. Это как раз выпало на Чхусок – праздник урожая и день поминания предков, поэтому сестры-волонтеры, служащие в тюрьмах уже несколько десятков лет, приехали с традиционным праздничным угощением. Наверное, поэтому народу было больше обычного. Святой отец сказал мне, впервые посетившей тюрьму, что это закрытый монастырь. Место, куда приходят с улыбкой. Перед началом мессы священник попросил поднять руки тех, кто читал «Записки в монастыре» и «Старшая сестра Понсун». Неожиданно для меня очень многие подняли руки. На вопрос «Что вы думаете об авторе?» некоторые ответили, что не любят ее. Стараясь быть незаметной, я улыбнулась. Вдруг священник произнес: «Писательница сейчас находится здесь, вместе с нами, не хотите познакомиться?» – и пригласил меня на кафедру. Больше всего на свете я не люблю выходить вперед и вещать перед публикой, а тут – и не отказаться, и говорить нечего. Я решила рассказать о своих мыслях по дороге в изолятор: «В глазах Бога я, возможно, большая грешница, чем вы, однако почему-то вы – здесь, а я – там, снаружи...» После этих слов послышался плач, который все усиливался. Рыдания сопровождали всю мессу. Я растерялась, поспешила закончить свою речь и вернулась на место, успев разглядеть лица плачущих женщин. Если меня можно отнести к категории людей среднего возраста, то среди них большинство было младше или старше меня лет на десять. Все они чьи-то мамы, дочери или сестры; что же будет с их родными – детьми и родителями? Стоило появиться этой реалистичной мысли, как в голове зажужжали дурацкие вопросы: «Что за преступления они совершили, зачем пошли на это и оказались заперты здесь?» Одновременно пришло в голову: чем же я отличаюсь от них? «Я...» –

собиралась было ответить я... И вместе с ними проплакала всю мессу. После окончания я уже успела встать и засобираться, как ко мне подошла одна женщина и взяла за руку. «Знаете... это я давеча сказала, что мне не нравится писательница Кон Джиён... Простите. На самом деле я хотела встретиться с вами...» – проговорила она. Мы смотрели друг на друга опухшими от слез глазами, и мне хотелось успокоить ее, сказав: «Ничего страшного!» Я видела ее впервые, однако мы какое-то время постояли, держась за руки. Странное ощущение. Мне показалось, что мы давно знакомы.

После этого я почти каждый день встречалась с теми, кто имел то или иное отношение к преступлениям, особенно к убийствам: прокурорами и надзирателями, приговоренными к смертной казни и священниками, адвокатами и сестрами-католичками, докторами и законниками...

Вернувшись домой, я просматривала материалы, пропитанные насилием и убийствами. Поначалу после захода солнца становилось так страшно, что я даже не могла прикоснуться к этим документам. Меня начали мучить кошмары и бессонница. Моя жизнь, когда ночами я занималась изучением документов, а днем – сбором информации, напоминала прогулку по краю пропасти, а окружающие казались свирепыми и безжалостными дементорами^[21]. У меня было обычное детство, а став взрослой, я продолжила вращаться в кругу обыкновенных, достаточно образованных и воспитанных людей. Однако мир был гораздо суровее, чем я могла себе представить. Жизнь и смерть, преступление и наказание... Всю зиму мои руки и ноги немели от холода.

Каждый день я старалась посещать мессу и делать пробежку. Первое – для души, второе – для тела. Чтобы писать, мне нужно было поддерживать себя в отличной форме. Не помню, чтобы я еще когда-либо так бережно относилась к своему телу и душе не ради чего-то особенного, а ради написания книги. словно желторотый новичок, впервые приступающий к написанию романа, я ко всему подходила с осторожностью. Признаюсь, дело шло туго, и я несколько раз хотела бросить все на середине, так как тема была очень тяжелой и казалось,

что сложнее ее на свете не найдется. В этот раз я с новой силой прочувствовала, что профессия писателя сопровождается таким мучительным одиночеством. Мне самой нужно было выбирать, писать и нести ответственность. Порой сожаление о выбранной теме накатывало беспощадной волной. Однако каждый раз, когда хотелось послать все к чертям, перед моими глазами тут же возникали успевшие подобреть глаза смертниц, с которыми несколько месяцев подряд мы делили хлеб.

Во время наших встреч, по идее, смертницы должны были вызывать у меня страх и отвращение, но у меня не возникало таких чувств. Отчего у них такие просветленные лица? Да, иногда по ним пробегала волной тень беспокойства о будущем, однако это были прекрасные лица отшельниц, подобных которым я более нигде не встречала. И потому беспрестанно меня мучил вопрос: неужели я добрее их или у меня меньше прегрешений?

Удивительно еще то, что в дни наших свиданий со смертницами я отлично засыпала по ночам. Когда я встречалась с «безгрешными» людьми этого мира, на душе было холодно, и даже зимний ветер казался более промозглым, а после встреч с ними мое сердце оттаивало. Почему общение с теми, кто когда-то был беспримерно жесток, было таким теплым и проникновенным? Сказанные ими слова были наполнены глубочайшей скорбью и настолько близки к истине, что вполне могли занять достойное место в книге афоризмов. Странное дело. Сила, исходящая от истинно покаявшегося человека, с лихвой покрывала ледяное равнодушие всех гордецов этого мира. Что это было? Победа исправительной политики, которую развернуло управление тюрьмами в нашей стране, или же действительно дар небес... Если не оно, то доказательство того, что в человеке от природы заложено желание быть любимым и любить... Размышляя подобным образом, я однажды высказалась:

– Так странно, после поездки туда... иногда начинает казаться, что это место похоже на рай.

Мои шокированные приятели смотрели на меня как на сумасшедшую.

И вот наконец подходил к завершению сбор, казалось бы, нескончаемых материалов. Все это время я не могла себе позволить встреч с друзьями и даже нормальных ужинов с родными. Я сумела

преодолеть страх и просмотрела многочисленные папки, занимавшие изрядное место в книжном шкафу. Благодаря этим трудам мне удалось уловить нить повествования, однако начать писать никак не получалось. Ничего не оставалось, как спросить у себя: «Если вскоре тебя ожидает смерть, как ты поступишь?» Несколько месяцев подряд... смерть, смертная казнь, убийство и снова смерть, убийство, смертная казнь... Начиная с раннего утра и до поздней ночи, когда я укладывалась спать, да что там говорить, даже во сне все мои мысли были заполнены этими ужасами, поэтому этот вопрос совсем не удивителен. «Если через месяц мне предстоит умереть...» – задумалась я. Раньше я ответила бы что-то вроде: «Да просто хочется соорудить с детьми что-нибудь на обед и вместе от души потрапезничать!» или «Хотелось бы забраться с семьей в глушь и заняться выращиванием цветов», – однако вместо них в голову лезла нелепая мысль о том, что больше всего я хочу засесть за написание книги. Провести целый месяц с детьми, посвятив его совместному приготовлению и поглощению еды, – это тоже важно; сказать наконец то самое «люблю», которое никак не получалось сказать раньше, – тоже здорово; однако откуда ни возмись у меня появилась твердая уверенность, что написать и оставить после себя книгу – более сильное проявление любви.

Во время написания романа я провела необычайно счастливое время. Если бы не он, я бы просто прошла мимо такой стороны нашего общества, о которой непременно нужно знать. И я беру смелость назвать это «Наше счастливое время», потому что мне повезло провести его вместе с теми, кто искренне раскаялся и родился заново; с теми, кто, преступая через свои раны и претерпевая боль прошлого, пытается сделать то, что не под силу другим, – прощать; с теми, кто желает оказать помощь другим и кто в своих стесненных обстоятельствах старается творить добро. И хотя после возвращения от них домой мне порой было горько от необходимости разгребать руины собственной жизни (ведь это, по справедливости, нужно всем нам), все же я могла молиться за то, чтобы у них тоже благодаря нашим встречам прибавилось в жизни счастливых часов.

Я приехала на мессу со смертницами с последней версткой книги в сумке. Как раз в это время священник готовился к церемонии омовения ног, которое человек по имени Иисус в последний раз делал своим ученикам две тысячи лет назад. Чудом победивший смерть от рака священник преклонил колени и одну за одной омывал ступни приговоренных, напоследок прикладываясь к ним губами. После того как он перемыл все ноги заключенных, он велел подойти мне. Если честно, я растерялась. Но в конце концов все же смущенно подставила свои голые ступни, сев рядом с смертницами. А когда обряд закончился, я впервые обняла каждую из них. Тогда перед моими глазами стояло мертвое тело нашего друга, старшекурсника Кихёна, всегда добродушно сносившего мое напускное хамство и погибшего в двадцать девять лет. Пожалуйста, живите! Живите все, кто бы то ни был!

Пользуясь случаем, я хочу выразить огромную благодарность всем, кто согласился практически на невозможное и дал интервью. Спасибо вам, прокуроры и добросердечные адвокаты; надзиратели, которые, несмотря на свое небольшое жалование, вытряхивали карманы и от души угощали меня выпивкой; доктор наук клиники «Самсон» Но Гёнсон, прояснивший связь медицины и общества; профессор сеульского университета Чве Джечхон, поделившийся ценнейшими результатами исследования, связанными со смертью; вам, сестры-монахини, за то, что уже несколько десятков лет безвозмездно занимаетесь волонтерской помощью в тюрьмах, и всем-всем остальным. Особую признательность хочется выказать священнику Ли Ёну – католическому представителю попечительского комитета по общественному исправлению, а также священникам Ли Юнхону, Киму Джонсу и Киму Соныну, монахине Чо Сонэ и буддийскому монаху Паку Самджуну. Они показали мне, что есть путь священнослужителя, и на что должна быть направлена религия на этой земле. И напоследок я хотела бы поблагодарить моих сестер-смертниц, которых я с радостью хочу так назвать, если они позволят, и посвятить эту книгу им. Во время мессы они делили со мною хлеб, частенько доводили до слез и, что главное, научили меня истине: неважно кто: приговоренный к смерти узник, писатель, ребенок или судья, – у каждого есть общее – желание быть любимым и признанным в глазах других, желание делить любовь с отзывчивым человеком, а остальное – лишь

последствия искажающего истину гнева... И они искренне переживали за то, что роман может как-то навредить жертвам и семьям пострадавших от их рук. Я обещаю, что буду молиться вместе с ними за тех, кто уже покинул этот мир. Если честно, никто из нас не может быть освобожден от страданий, испытываемых ими. Вот такую истину я уяснила благодаря им.

Долгой зимой, которая, казалось бы, умертвляет все на своем пути, деревья за окном из холода и темноты земли всем своим существом стараются вытолкнуть наружу нежную зелень, что потихонечку начинает проклевываться с приходом новой весны...

Кон Джиён

Конн Джиён

Наше
счастливейшее
время

Примечания

1

Излюбленное традиционное летнее лакомство корейцев из измельченного льда с красной сладкой фасолью и фруктами (аналог мороженого).

[Вернуться](#)

2

Чиге – корейские традиционные деревянные заплечные носилки для переноски груза.

[Вернуться](#)

3

Рамён – лапша быстрого приготовления.

[Вернуться](#)

4

Ли – мера длины, равная 0,4 км.

[Вернуться](#)

5

Деревянный настил в виде террасы у входа в дом.

[Вернуться](#)

6

Соджу – рисовая водка.

[Вернуться](#)

7

Пхён – мера площади, равная 3,3 кв. м.

[Вернуться](#)

8

Главная героиня корейской народной повести «Верная Чхунхян» о любви и верности.

[Вернуться](#)

9

Возлюбленный Чхунхян.

[Вернуться](#)

10

Лунный Новый год – новый год по лунному календарю, известный как Китайский Новый год.

[Вернуться](#)

11

Кимчхи – неотъемлемая закуска корейского стола: квашеные овощи, часто с добавлением красного перца.

[Вернуться](#)

12

Маль – мера объёма, равная 18 литрам.

[Вернуться](#)

13

Тток – маленькие пирожные, сделанные из клейкого риса на пару.

[Вернуться](#)

14

Название Лунного Нового года по-корейски.

[Вернуться](#)

15

Закрытый бар или салон – питейное заведение, в котором клиентов обслуживают в индивидуальных комнатах.

[Вернуться](#)

16

Национальный традиционный костюм жителей Кореи.

[Вернуться](#)

17

Симсимхада (*кор.* 심심하다) означает скуку. Здесь имеется в виду, что пес был тихим, смирным, послушным.

[Вернуться](#)

18

Симпатия, соболезнование, сочувствие.

[Вернуться](#)

19

Кимбап (*кор.* 김밥) – популярное блюдо корейской кухни, представляет собой роллы, завернутые в сушеные прессованные листы «морской капусты» (김 ким), наполненные приготовленным на пару рисом (밥 пап), с добавлением начинки, нарезанной или выложенной полосками, обычно квашеных овощей, рыбы, морепродуктов, ветчины и омлета.

[Вернуться](#)

20

Ёгв́ан (*кор.* 여관) – небольшая и недорогая гостиница.

[Вернуться](#)

21

Персонажи книг о Гарри Поттере, охранники Азкабана.

[Вернуться](#)